

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ И КРИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

на 1826 годъ

А. Измайловъ.

Aimez qu' on vous conseille et non pas qu' on
vous loue.

Boileau. *L'Art poétique.*

~~~~~
ЧАСТЬ XXXI}.

.....
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ МОРСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1825 ГОДА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шемъ, что бы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для доставленія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ. Апрѣля 12 дня, 1826 года.

Цензоръ Александръ Вируковъ.

**ДРУЗЬЯМЪ - СОТРУДНИКАМЪ,
ЛЮБИТЕЛЬНИЦАМЪ И ЛЮБИТЕЛЯМЪ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ.**

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1826 — N° I.

МЯЧЬ.

Повѣств *).

(посв. М. И.)

Кончивъ курсъ въ Іеннскомъ Университетѣ, я отправился въ Санктпетербургъ помышамъ своего счастья въ спашской службѣ. Меня снабдили рекомендапельными письмами къ людямъ, которые могли въ этомъ случаѣ пособить мнѣ, между прочимъ къ Каммергеру Мидленштейну, дальнему моему родственнику.

Мнѣ надобно было проѣзжать чрезъ Бадень (а я уроженецъ Баденскаго В. Герцогства). Между именами приѣзжихъ слу-

---

*) Сочиненіе воспитанника С. п. бургской Гимназіи, котораго многія спашьи помѣщены уже были въ *Благонамъренномъ* 1825 года, и между прочимъ: *Ветеръ у Армейскаго Поручика*. Прим. Изд. *Благ.*

чайно увидѣлъ я имя Каммергера Мидленшпейна. Это нечаянное открытіе обрадовало меня; съ неперцѣвнѣмъ хотѣлъ я обнять своего дядю, котораго никогда еще не видалъ; но такъ какъ было уже довольно поздно, то я не хотѣлъ беспокоить его моимъ посѣщеніемъ—осстановился на постояломъ дворѣ, зашелъ въ кофейный домъ; и въ ожиданіи ужина присѣвъ къ порожнему столу, смалъ пересматривать адреса данныхъ мнѣ рекомендабельныхъ писемъ. Вниманіе мое прерываемо было по временамъ восклицаніями игроковъ и бряцаніемъ золота на ломберныхъ столахъ. — Я окинулъ глазами освѣщенную залу: люблю замѣчать въ публикѣ лица и по ихъ выраженію заключаю о нравахъ и характерахъ. Кофейный домъ, по мнѣнію моему, есть лучшая школа — узнаешь людей. Здѣсь собираются заботливые негоціанты и говорятъ между собою о возвышеніи и пониженіи курса, о средствехъ набогатѣть; спихотворцы, за чашкою кофе, съ жаромъ разсуждаютъ о Поэзіи и воображаютъ себя на Олимпѣ за чашею божественнаго нектара; а скромный фи-

лософъ, сидя спокойно въ уголку, размышляешь о суетѣ міра и о человѣческихъ заблужденіяхъ. Между шемъ за игорными сполами кипящія спрасши обнаруживаются рѣзкими чертами на лицахъ, или дикими возкличаніями; бѣшенство и опчаяніе шерзаешь проигравшагося и оскорбительная радость блискаетъ во взорахъ выигравшаго. — Но все это въ минушу перемѣняешь, какъ кулисы на театръ; Форшуна, эта непостоянная женщина, не можешь ни минушы постоять спокойно и улыбувшись кому нибудь, тошчасъ обращается къ нему спиною—тогда все перемѣняется: опчаяніе заспуаетъ мѣсто радости и приятная надежда мѣсто ужасной горести. Однимъ словомъ: кофейный домъ я почиаю за цѣлый міръ въ маленькомъ видѣ. — Здѣсь приходишь, веселясь, печалясь и уходяшь; на мѣсто прежнихъ посѣщителей являюсъ новые, подобно тому, какъ въ семь мірѣ люди раждаюсъ и умираюшь и одни племена замѣняюсъ другими.

Въ то самое время, какъ я размышлялъ такимъ образомъ, сидящій въ углу незнакомецъ, въ золотыхъ очкахъ, въ шем-

номъ серпукѣ, обратилъ на себя мое вниманіе. Ему было лѣтъ за сорокъ; на почтенномъ лицѣ его изображалось спокойствіе: но въ глазахъ примѣшны были слѣды давнишней горести; онъ смонрѣлъ попеременно по на игроковъ, по на свою шабakerку. — Въ лицѣ незнакомца видно было добродушіе, неволью меня къ нему привлекавшее; мнѣ хотѣлось вступишь съ нимъ въ разговоръ, и я сѣлъ подлѣ него, держа въ рукахъ письма. — Едва удостоилъ онъ меня своимъ взоромъ и продолжалъ смонрѣнь приспально на свою шабakerку. — Я взглянулъ на нее и увидѣлъ въ золотой оправѣ хорошо изображеннаго мальчика, играющаго мячикомъ. Незнакомецъ, замѣшивъ мое любопытство и указавъ на игроковъ, сказалъ мнѣ съ улыбкою: «посмотрите--вотъ придворные Фортуны! Эта царица не имѣетъ сходства съ нашими владѣтельными Князьями: никакими достоинствами, никакими заслугами нельзя получишь отъ нея милости; она бросаетъ дары свои, какъ дичья бросаетъ на удачу свой мячъ — къ кому онъ прикашится, пошъ и счастливъ!», — Понимаю, сказалъ я: вы принимаете мальчика, игра-

ющаго мячемъ, за эмблему счастія? —
 “Не совсемъ угадали! Впрочемъ вы правы,
 если допустимъ, что Форшуна можетъ
 принимашь на себя человѣческой образъ.,,
 — Я не понималъ, что значуть слова не-
 знакомца: онъ, кажешся, примѣшилъ мое
 недоумѣніе и держа передо мною шаба-
 керку, сказалъ: “безъ сомнѣнія Форшуна
 была въ образѣ эшого мальчика, бросив-
 шаго мячь, копорый прикапился къ но-
 гамъ моимъ; я поднялъ его и съ шѣхъ поръ
 счастливъ.,,—Вы говорише такъ загадоч-
 но, какъ Дельфійскій Оракуль — сказалъ
 я, пожимая плечами.

“Выслушайте, сударь, меня, продол-
 жаль незнакомецъ; я былъ несчастливъ,
 былъ нищій, терпѣлъ ужасныя бѣдствія;
 съ эшимъ мячемъ прикапилось ко мнѣ
 благополучіе, копорымъ только могушь
 наслаждашь люди въ здѣшнемъ мірѣ —
 этому мячу обязанъ я всемъ, и для шого
 ношу всегда при себѣ его изображение,
 какъ честный бѣднякъ носишь въ своемъ
 сердцѣ образъ благодѣтеля.,,

Здѣсь незнакомецъ ошановился, по-
 смотрѣлъ на меня приспально и замѣпя
 въ глазахъ моихъ любопытство, а въ ру-

къ письма, спросилъ: “вы вѣрно не здѣшній?”, — Нѣтъ, я ѣду въ Швербургъ какъ искашель Форшуны, и имѣю рекомендацельныя письма къ ея любимцамъ. Я показаль ему письма и чиналь адресы: къ *Графу В* ... Незнакомецъ улыбался.—“Всѣ соединенныя силы цѣлаго свѣта не могутъ доставить вамъ счастья, если не суждено вамъ бытъ счастливымъ — ежели у васъ худа карма, то всѣ разсечены игроковъ здѣшняго міра обращаются въ ничто; часно одна бездѣлка доставляетъ вамъ счастье, пакъ какъ нѣсколько лишнихъ очковъ на каршѣ — кучу золота.,”

Наконецъ я спросилъ его: не знаешь ли онъ Камергера Мидленштейна, приѣхавшаго на шеплыя воды?—“На что вамъ? спросилъ онъ съ удивленіемъ., — Онъ мой родспвенникъ и я имѣю къ нему письмо.—

“Какъ ваше имя?”, — спросилъ онъ; я сказалъ ему. — Возможно ли, вскричалъ онъ: вы Фридрихъ Мидленштейнъ! и обнялъ меня. Это былъ самъ Камергеръ. — Я изъявилъ ему свое удивленіе, что нашель его въ шакомъ обществѣ. — “Здѣсь мое любимое опдохновеніе: послѣ заняшій прихожу обыкновенно сюда наблю-

дашь людей. Ты молодъ, не былъ еще въ школъ опытности и знаешь свѣшь только изъ книгъ: выслушай же испорію моей жизни и мяча, и пы удостовѣришься, что иногда самыя малѣйшія обспоятельства, конечно по волѣ судьбы, могушь насъ осчастливить; но теперь поздно—завпра все узнаешь.,—

Въ домѣ его я увидѣлъ картину семейственнаго счастья — добрую и любезную хозяйку, окруженную шремя милыми малюпками — и увѣрился, что Камергеръ говорилъ правду.—

“Самое счастливое время жизни человѣческой — юность, началъ мой дядя: была для меня не что иное какъ цѣнь злочлюченій; судьба жестоко гнала меня, кажешся съ шемъ намѣреніемъ, что бы дашь мнѣ съ бѣльшею приапностію насладиться послѣ счашіемъ. Я родился въ городѣ А — мащери своей лишился еще въ самомъ дѣтствѣ. Отецъ мой былъ Президентъ Коллеги; онъ прилагаль всевозможное попеченіе о моемъ воспитаніи.— Я жилъ въ довольствѣ и счашіи, и на

осмнадцатомъ году отправился въ Геттингенской Университетъ. Съ какою горестію разсказывалъ я съ милою опчиною и съ любезнымъ родителемъ, какъ бы предчувствуя, что вижу его въ послѣдній разъ! Прилежно писалъ я къ нему письма и исправно получалъ отъ него отвѣты, кошорые приносили мнѣ неизъяснимое удовольствіе и разгоняли грусть одиночества. Прошелъ уже цѣлый годъ; вдругъ получаю извѣстіе о тяжкой его болѣзни; немедля бѣгу на почтовый дворъ, сажусь въ коляску и на другой же день приѣзжаю въ родимый городъ. Вхожу въ домъ моего бабюшки съ мучительнымъ предчувствіемъ и вижу его испускающаго послѣднее дыханіе — только успѣлъ онъ благословить меня и смерть смѣжила глаза его навѣки. Съ того времени начались мои несчастія. Цѣлую недѣлю чувствва мои были въ оцѣменіи; слезы, благодушельный даръ природы, не капились изъ глазъ моихъ и не облегчали разперзаннаго сердца.

Всѣ радости для меня сокрылись во гробѣ съ опцемъ моимъ. Дядя мой, былъ человекъ весьма дурной, жилъ въ вѣчной

съ нимъ ненависти и всячески спарался вредить ему. Дѣдушка мой шакже не любилъ его за безчестные поступки, и хотя онъ былъ старшій сынъ, но опказаль ему меньшую часть имѣнїя, нежели моему опцу. — Давно уже плѣлась искра мщенїя въ его сердце и гопова была вспыхнушь. Эпо, благоприятное для него, время наступило, когда умеръ мой опецъ. Я былъ молодъ и неопытенъ; онъ хипрь и богатъ — черезъ мѣсяць я сдѣлался нищимъ и все прародительское имѣнїе перешло въ руки злаго дяди. Онъ пришелъ ко мнѣ самъ и съ безспыдствомъ доказываль справедливостъ своего поступка; попомъ объявилъ, что уже не я, а онъ настоящій хозяинъ эпого дома, и указавъ на дверь, подаль мнѣ кошелекъ. Я бросилъ его на полъ, съ презрѣнїемъ взглянулъ на своего дядю и вышелъ.

Праведное негодование на несправедливостъ людей наполняло мою душу; на олѣдующій день рѣшилъ я иди въ резиденцію и лично принестъ Герцогу жалобу. Въ самой уединенной части города жилъ ремесленникъ, копорый обязанъ былъ всемъ своимъ состоянїемъ моему опцу;

здѣсь по, думаль я, найду себѣ пристанище на первый случай. — “Какъ счастливъ я, милоспивый государь, сказалъ онъ почтительно, что изволили ко мнѣ пожаловать. Ожидаю вашихъ приказаній., Я объявилъ ему, въ какомъ находился положеніи и попросилъ позволенія провести у него дни два. — Онъ наморщился и поклялся, что не имѣеть порожней комнаты, кромѣ грязнаго чулана на чердакѣ.— “О люди! люди! сказалъ я съ гореспію про себя: эпомъ чловѣкъ, облагодѣшельствованный моимъ опцемъ, увѣрившій его многотранно въ вѣчной благодарности, опвергаетъ меня!, Нечего было дѣлать; скрѣпя сердце, попросилъ я его, что бы онъ опвелъ меня шуда, и онъ съ примѣпнымъ неудовольствіемъ исполнилъ мою просьбу .

“Всѣ прошивъ меня, говорилъ я самъ себѣ въ уныніи: друзья опца моего опвергли меня, самые родные безжалостны ко мнѣ; кто же будетъ имѣть сосправданіе къ нищему? На, Фиделись, возьми изъ рукъ моихъ въ послѣдній разъ, сказалъ я, подавая своей вѣрной собакѣ кусокъ чернаго хлѣба., — Собака махала хво-

спомъ, лизала мои руки и, казалось.. раздѣляла мои горести.—“О доброе животное! ты только для меня другъ священнѣйшій въ мѣрѣ!,,

Сколь приятно имѣть подлѣ себя какое нибудь живое существо, раздѣляющее наши страданія. Я не могъ безъ глубокой горести видѣть вѣрную мою собаку голодною, и по сей причинѣ не хотѣлъ взять ее съ собою въ путь, не зная чѣмъ самъ пропитаюсь. Ипакъ опдалъ я своего Фиделиса хозяину, который заперъ его въ сарай, безжалостно толкнувъ ногою, когда хотѣлъ онъ прибѣжать ко мнѣ.

На другое утро рано пустился я въ путь. Ужасная тоска угнетала мое сердце, когда выступилъ я изъ родимаго города, гдѣ увидѣлъ первый свѣтъ и гдѣ былъ свидѣтелемъ кончины моего родителя и несправедливости людей. — Все шѣ же были поля и рощи вокругъ города, ша же рѣчка орошала цвѣщущія долины, шѣ же крупыя горы грядою окружали степныя моей отчизны; все шѣ же прелестныя мѣста, которыми я восхищался въ дѣтствѣ: но, казалось, они также были грустны, какъ и я, и раздѣляли печаль мою.

Я былъ одинъ въ мѣрѣ, всѣми оставленъ, всѣми презрѣнъ и обиженъ. Погруженный въ горькую думу, обходилъ я подошву одной горы, и вдругъ услышалъ громкій лай собаки.—*Это Фиделисъ!* Она бросилась къ ногамъ моимъ, махала хвостомъ, визжала, лаяла, не знала чѣмъ изъяснить свою радость. Признаюсь, я самъ чрезвычайно обрадовался. Нѣтъ, добрый звѣрь, говорилъ я, глядя собаку: я не оставлю тебя; ты дѣлилъ со мною радости: раздѣли же и печаль мою; ты ты приспыхаешь несправедливость людей! “Теперь мнѣ спало опраданье: я имѣлъ у себя вѣрнаго товарища.

Городъ *A*, въ копоромъ я родился, стоялъ не далеко отъ границъ ... скаго Княжества, и я въ задумчивости непримѣтно зашелъ въ другія владѣнія. Была уже ночь, когда изнеможенный отъ усталости и горести приближился я къ одному домику, въ копоромъ свѣщился огонь — это былъ постоялый дворъ; меня впустили въ комнашу. — Человѣкъ пашь сидѣло за столомъ и весело пиروвали. —

При входѣ моемъ они успремили на меня внимательные взоры; я расположился въ углу, вынулъ изъ кошомки кусокъ чернаго хлѣба и спросилъ воды; между темъ сидящіе за столомъ говорили о чемъ-то очень шихо и посмащривали на меня. — “Что шы, прияшель, не весель?,” спросилъ меня старшій изъ нихъ. Я сказаламъ ему корошко, что со мною послушали жестко и несправедливо и что я иду въ резиденцію, жаловаться Герцогу. — “О! Герцогъ нашъ очень добръ и справедливъ, продолжалъ онъ: шы идешь пѣшкомъ; послѣ успалосши черспвый хлѣбъ не шакъ-то сышенъ; садись, ужинай съ нами: можешь быть мы будемъ шебѣ поварищ!,” — Не понимая наспоющаго смысла эшихъ словъ, безъ всякаго подозрѣнія сѣлъ я съ ними вмѣстѣ — “Желаемъ шебѣ успѣха, поварищ!,” сказали они въ одинъ голосъ, наливъ свои спаканы. Я принужденъ былъ опшлатишь имъ пою же монешою. — “Вышей за здоровье Герцога, говорилъ старшій: авось либо онъ будетъ помилоспивѣе.,” Я выпилъ. — “О! шы бравоу молодець! Герцогъ очень обрадуешся, когда увидишь шебя.,”

На другое утро слова: *вставай, товарищ!* *Стыдно солдату такъ долго спать* — пробудили меня. — Съ поропливостію вскочилъ я и спрашивалъ: что это значишь? — “Ничего болѣе, опивчалъ Капраль: какъ только то, что ты въ случаѣ нужды будешь защищать ружьемъ Его Свѣшлость., — Я испугался, кляшвенно увѣрялъ ихъ, что имѣю крайнюю нужду видѣть Герцога, обѣщавъ имъ пропасть денегъ, просилъ, умолялъ, плакалъ — ничто не помогло — плотный ударъ палкою принудилъ меня замолчать и съ гереспію покориться злой судьбѣ. —

Черезъ нѣсколько часовъ приѣхали мы въ небольшую крѣпость В. Меня представили Коменданту какъ браваго солдата. — Я палъ предъ нимъ на колѣна и заклиналъ его сжалишься надо мною. Тщешно! — “Очень бы глупъ я былъ, если бы оппустилъ такого молодца., сказалъ онъ мнѣ, разсмѣясь, и приказалъ намъ выдти. — Едва могъ я успѣять на ногахъ, и меня вывели почти насильно.

Я увидѣлъ высокія стѣны крѣпости,

которая была гробомъ моей свободы, и надежда когда либо насладиться ею во все оставила меня. Привыкши жить въ довольствѣ и спокойствіи, не имѣлъ я ни малѣйшей склонности къ военной службѣ — а еще бышь простымъ солдатомъ! —

Палка безчеловѣчнаго капрала всегда прерывала мой ранній сонъ; на ученьи шакже опсчитывали исправно удары. — Все это переносилъ я съ мученическимъ терпѣніемъ. Духъ мой терзался мрачными думами; улыбка не показывалась на устахъ моихъ; я ходилъ повѣся голову, и никогда мои взоры не встрѣчали радостно прекраснаго упра; никогда не восхищали меня небесный сводъ, живописныя горы, шеряющіяся въ опдаленіи; чувство изящнаго умерло въ моемъ сердцѣ. — День оподня шѣлесныя силы мои изпощались и душа изнемогала подъ бременемъ горестей. — Я не видѣлъ ни одного привѣтнаго взора, ни одного сосрадащельнаго лица; некому было сообщить мнѣ своихъ чувствованій. Одиночество мое было шеперь для меня несравненно ужаснѣе прежняго.

Проходя однажды по улицамъ, увидѣлъ я маленькихъ дѣтей, играющихъ на колѣнахъ своихъ родителей; никогда не чувствовалъ я споль живо пошерю добраго и нѣжнаго опца моего, какъ въ эту минуу. — “О родители мой! возкликнуль я со слезами: ежели бы ты съ горнихъ высотъ могъ видѣть мученія швоего сына!,—Мнѣ завидна была учась крещянина; его встрѣчали дома опецъ или машь, жена или дѣти: ая, какъ пупникъ въ сненяхъ Ливійскихъ, помился и спрадалъ, не видя ни опъ кого помощи и ушѣшенія! —

Проходя мимо одного огорода, примѣшилъ я шамъ спаруху, копорая полола гряды; она нарвала плодовъ и съ ласкою подала ихъ мнѣ; я принялъ съ благодарносшю. “Что такъ всегда печалень, господинъ служивый?“, спросила она. — Я рассказалъ ей о своихъ несчастіяхъ; она изьявила мнѣ искреннее сожалѣніе и просила посѣщать ее чаще. — “Наконецъ нашелся человекъ сосрадашельный, думалъ я, съ копорымъ могу раздѣлять свои чувствованія. Съ какою радосшю встрѣшилъ я въ эшомъ непрязненномъ городѣ одно

лице, привѣпливо мнѣ улыбавшееся, одинъ взоръ соспрадающій, одно сердце, копорое ошкрыто къ изліянію моеѣ грусти!—

Такъ пролетѣли на свинцовыхъ крыльяхъ пять мѣсяцовъ. Казалось, нѣсколько привыкъ я къ своей плачевной долѣ; моя свобода была за высокими стѣнами и подавляла во мнѣ всякую мысль видѣть когда либо родимую сторону. И къ кому могъ я обратиться? Сердца всѣхъ людей были закрыты для меня: я не имѣлъ ничего прелестнаго въ будущемъ; ни одна ошрадная мечта не ушѣшала меня!

Наконецъ въ одинъ ужасный день—и теперь не могу вспомнить объ этомъ безъ шренеша—споялъ я у Коменданша на караулъ. Онъ разговаривалъ со мною довольно ласково, хвалилъ мое усердіе къ службѣ и обѣщалъ не ошпавить меня. Я умолялъ его отпустить меня въ резиденцію **скаго Герцога, откуда кляшвенно обѣщалъ прислать двойной выкупъ.—Онъ не согласился. Съ гореспію ошспоялъ я свои часы и пошелъ въ казармы. Вечеромъ пришелъ ошъ Коменданша другой

мой поварищъ, споявшій тамъ же на караулѣ и сказалъ, что у Коменданша пропала пѣнковая шрубка въ золотой оправѣ; вездѣ искали ее и не могли найти; подозрѣніе пало на солдашъ, бывшихъ у него въ шопъ день на часахъ; и такъ какъ прежде пропадали многія вещи, то Коменданшъ чрезвычайно разсерженъ и строго будетъ разыскивать. — Спокойно уснулъ я подъ наспуающею грозой, не предчувствуя, что она разразится надо мною.

На другое утро рано пробужденъ я былъ бранью капрала, копорый именемъ Коменданша приказалъ насъ обыскашъ. Одинъ изъ солдашъ взялъ мой мундиръ, всунулъ въ карманъ руку и, о ужась! — вытащилъ опшуда шрубку. Я споялъ, какъ пораженный громомъ, и не могъ сдвинуться съ мѣста; языкъ мой онѣмѣлъ и кровь оспановилась въ жилахъ. Я не опомнилъся еще, какъ опвели меня къ Коменданшу. Ничего не могъ я сказаши ему въ оправданіе, кромѣ сихъ словъ: *я невиненъ; не погубите меня.* Но говоря это, дрожалъ я какъ пресшунникъ. Блѣдность моя и страхъ еще болѣе убѣдили его въ мнимомъ

моемъ пресуфленіи.—“Лицемѣръ!,, — закричалъ онъ—“опшведите его на гаупшвахшту!,,—Тамъ услышалъ я, что приговорено было чрезъ пять дней прогнать меня сквозь строй.—Я упалъ безъ чувствъ.

Не могу изобразить мрачныхъ чувствованій, которыя наполняли мою душу.—Я ропсалъ на судьбу, проклиналъ день своего рожденія.—“Праведное небо! возлицалъ я: невинность угнѣшена, а порокъ торжесшвуешь!,, — Но послѣ одумался. “Нѣшь, сказала я наконецъ: все, что ни совершается въ мірѣ—все по Твоему мовенію, Милосердый! И самое величайшее зло обращаешь Ты во благо неизрѣченное; часпо ведешь Ты насъ по терніямъ—къ благополучію! ,,

Это спасительное размышленіе нѣсколько успокоило меня; но шпяжкая мысль о предстоящей ужасной казни раздирала мое сердце. Усердно молился я Богу, что бы Онъ защитилъ мою невинность.—Пропекло уже пять дней въ такомъ ужасномъ соспоянїи: я смѣпрѣлъ и ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ и не понималъ; гробовый холодъ проникалъ въ мои члены, и казалось, я чувсшвовалъ разру-

шеніе существа моего.—Вечеромъ на канунъ ужаснаго дня, выпросилъ я у Коменданта позволеніе сходитьъ въ церковь. Тамъ, распроспершись предъ престоломъ правосуднаго Творца, котораго видишь глубину сердець нашихъ, я умолялъ Его сохранить меня отъ предстоящаго позора. Молишва и слезы доставили мнѣ какое-то облегченіе. Подлѣ меня молилась моя знакомая спарушка; съ участіемъ спросила она меня о причинѣ моей горести. Я рассказалъ ей о своемъ несчастіи и о окончаніи обѣдни, остановивъ ее въ темномъ углу, заклиналъ живымъ Богомъ спасти меня. Сначала сказала она мнѣ, что не имѣетъ нисколько къ тому возможности, но наконецъ слезы мои пронули ее и добрая спарушка велѣла мнѣ придти къ ней, если удастся, въ полночь.—„Молись, сынъ мой, молись: а-вось Богъ и поможетъ.“,

(Окончаніе въ слѣд. N°.)

КОРЧМА.

Письмо изъ Ревеля.

Издалека показались бѣлая высокая труба и соломенная кровля корчмы; нашъ извощикъ, лихой Пулковецъ, копорому были извѣстны ласковые корчмари и корчмарихи по всей дорогѣ, прихлопываетъ кнупомъ. Лошади, бѣжавшія цѣлыя супки весьма умѣренною рысью, пускаются во всю прыть 1); ямщику непременно хочется блеснуть своимъ ухарствомъ въ глазахъ корчмара, своего приятеля.—Прискакали.—Чухонецъ, стоя на порогѣ кланяется низко своему знакомцу и приѣхавшему варину 2). Извощикъ слѣзаетъ съ козелъ и идетъ въ корчму вынимать *маленькую*. Между темъ добрый Эсплянецъ суешился и ухаживаетъ около карешы, мажетъ колеса, приноситъ пойло лошадямъ. Часто пронувшій такимъ у-

---

1) Какъ больной, я ѣхалъ въ Ревель на долгихъ. 2) Чухонцы выговариваютъ б, какъ в. (Смолпр. *Путешествіе Н. А. Львова на Дудорову гору.*)

сердіемъ и жалкою фігурою сихъ бѣдныхъ Чухонцевъ, я давалъ имъ на водку болѣе обыкновеннаго; но мой ямщикъ всегда мнѣ за это выговаривалъ.—“Помилуйте сударь, зачемъ ихъ баловашь: опъ проѣзжихъ Нѣмцовъ они бываюшъ довольны и спасибомъ, много что гривною.,

По всей дорогѣ, начиная опъ Нарвы до Ревеля, Чухонскія шаверны построены одинакимъ образомъ: внушренность раздѣлена на двѣ половины; въ срединѣ въ сѣняхъ каминъ; на лѣво комнашы, или избы для приѣзжихъ, хопя не весьма опряпныя, но въ нихъ можно найши чиспыя лавки и спюлы, исписанные и изрѣзанные именами славолубивыхъ путешественниковъ; въ иныхъ бываюшъ спюля даже зеркала, изрядныя, разумѣешся, для Чухонцевъ. На полу разсыпанъ ельникъ; но это обыкновеніе нестерпимо для нашихъ Пешербургскихъ; лишъ шолько кто нибудъ заглянепъ сюда позначительнѣе — долой эши зеленые ковры! Опъ сего душиспаго дерева, родспвенника романическимъ пихшамъ, кедрамъ и кипарисамъ, опшврачиваюшъ съ охошою носъ наши спюличные. Оно напоминаешъ имъ о путешестве-

ешви, только не къ Ревельскимъ водамъ! Направо жилье для содержателя корчмы и приемная для его гостей, крещьянь ближней деревни, проходящихъ сюда по воскресеньямъ попянувъ винца и покуришь шабачку. Далѣе, правѣе и лѣвѣе, огромные сараи для лошадей и опдыха проходящаго дорогою скота.

Многіе изъ эпихъ шинковъ спояшь на весьма приятномъ мѣстоположеніи, и сельской ландшафтшъ, ихъ окружающій, заставляешъ забывашъ закопшѣлую наружность, кошорая, какъ замѣчаютъ художники и путешественники со вкусомъ, имѣешъ нѣчто живописное.—Въ самомъ дѣлѣ представше себѣ избу, сложенную изъ плинны; мохъ и репѣйникъ распушь въ щелинахъ; съ высокою трубою и соломенною кровлею съ навѣсомъ; ласпочки, вымешая изъ подъ нее, свисяють и кружашся въ воздухѣ; лучи солнца, разсѣкая пробѣгающія тучи, освѣщаютъ мѣстами окрестности. То засвѣплѣють зеленыя жапвы, то песпрыя спада, собравшіяся около сѣрыхъ, поросшихъ мохомъ камней, разсыпанныхъ по полямъ рукою природы. Изрѣдка освѣшился коло-

кольня и высокой киршпиль сельской церкви, выглядывающей из за куспарниковъ; блеснуль мелкія спекла гопическихъ оконъ, и пѣтухъ подь креспомъ, прикрѣленный вмѣсто флюгера, кружился быстро ошь порывистаго вѣтра. Вошь бѣлѣшь красивое зданіе: эшо спанція Ангелехпъ; и прямо вдали каменный моспъ съ шремя арками, шемъ похожій на древній Римскій водопроводъ, чшо ни въ немъ, ни подь нимъ нѣтъ вовсе воды.—Она высохла' ошь засухи. Звѣнишь колокольчикъ почтовой шелѣжки, пролетающей мимо съ быстрешю молніи; раздаются унылыя пѣсни Эспляндца и скрыпъ его одноколки ..... я вашель изъ карепы насладипсья свѣжимъ воздухомъ и полюбовашсья сельскимъ видомъ; но сильный и довольно холодный вѣтеръ принудиль меня взойши въ корчму.

У дымнаго очага длинноволосая Чухонка, въ шапочкѣ, съ мониспами на груди, разводила огонь и спавила чайникъ съ водою. Лучъ свѣша, пробивающійся въ закопшѣлую шрубю, и огонь ошь щепъ едва освѣщали ужасную шемношу эшого

вершепа. — Возлѣ очага сидѣли двое грязныхъ Эстонцевъ съ трубками и разговаривали между собою. Ихъ загорѣлыя, унылыя лица, были оживлены разговоромъ болѣе обыкновеннаго; по ихъ движеніямъ я замѣсилъ, что предметъ ихъ бесѣды занималъ ихъ очень много. Мой извощикъ зная нѣсколько словъ почухонски, вмѣшался въ разговоръ; но не могъ добиться насмѣющаго шутку. Пришедшій корчмарь разсказалъ мнѣ, что рѣчь идетъ о сгорѣвшей недавно гдѣ-то корчмѣ, сожженной одною Эспляндскою Фурією изъ мщенія. Исторія была довольно любопытна, и еслибъ вмѣсто меня проѣзжалъ здѣсь знаменитый Шопландскій Баронетъ, то она доставила бы ему содержаніе для занимательной повѣстии. Не умѣя такъ красно излагать своихъ мыслей, я разскажу вамъ ее помоему. Содержателемъ сгорѣвшаго шинка былъ Чухонецъ Юганъ. Надобно вамъ замѣнить, что состояніе корчмаря имѣетъ большія преимущества въ глазахъ просподушныхъ Эспляндцевъ. Содержатель работаетъ, когда хочешь, и шо на себя, пьетъ вина и куришь шабаку вволю, и у него . . .

водился и денежка на праздничный день. Завидное сосноянне! Юганъ наслаждался воѣми эпими благими, и корчма приносила ему хорошій барышокъ. Онъ любилъ пригожую, курносую Эспляндку и прельсшилъ ея сердце богатыми подарками, бисерными пронизками, пяпи-алпынниками и двугривенниками съ ушками, мѣдными колечками и запанками. Любовь его увѣнчалась успѣхомъ. Можно ли опказашъ удалому и заживочному корчмарю, который былъ приномъ и недурень собою? Но любовники не долго наслаждались благополучіемъ. Нашелся крестьянинъ, позаживочнѣе и поповорнѣе Югана, и предложилъ опкушъ за корчму болѣе его; къ этому присоединились извѣстные всему селенію проказы и распущная жизнь корчмаря — и Юганъ принужденъ былъ опказашъ опъ выгодной должности. Чпо будешъ дѣлать? Нашъ шинкаръ, великой масперъ продавашъ и попивашъ вино, не гораздъ былъ работашъ; будущее предсщавляло ему голодь и нищепу. Прощи, веслая, беззаботная жизнь! Прощише, лучшій пѣнникъ и кнасперъ! Любовница раздѣляла его опчаянне, и они сго-

ворясь вмѣстѣ, рѣшились доказатьъ дружбу своему лиходѣю. Новый содержатель вступилъ въ опшравленіе своей должности; продажа шла лучше прежняго, и онъ смѣялся надъ безсильною досадою горемыки Югана: *но листья сильно иногда безсильные враги!* И надъ нимъ это сбилось. Однажды въ шемную ночь онъ пробужденъ прескомъ, дымомъ и пламенемъ—корчма его горѣла; едва успѣлъ онъ спастись самъ; пожаръ испребилъ все его достояніе и припомъ же сгорѣло шущъ много рогатнаго скопа, ошдыхавшаго въ сараѣ и принадлежавшаго Нарвскому мѣщанину. Дѣло было не шупочное, снали разыскивать и, какъ говоритъ пословица: *шла въ лѣшкѣ не цтаишь*, узнали опъ сосѣдѣй, что въ ту ночь, когда случилось это происшествіе, любовница Югана вышла изъ своей избы съ фонаремъ и бродила около корчмы. По шакому подозрѣнію схватили ихъ обоихъ. Долго не признавалась несчастная; но наконецъ, будучи обманута ложнымъ увѣдомленіемъ, будшо любовникъ ея повинился, и она призналась въ своей винѣ. Въ глухую полночь прокралась злобная Эшонка въ сараѣ съ пламенемъ мще-

нiя въ сердцѣ и съ пылающею лучиною въ рукѣ. Два раза зажигала она—и дважды ей не удавалось; но долго ли могутъ пропивишья огню сухая соломенная кровля и легкія деревянныя спропила? Пламя разлилось быспро — и мщеніе совершилось. Оба были наказаны.

По сему анекдоту нельзя однакожь сдѣлать общаго заключенія о нравѣ Эспонцовъ: пламя спрасшей въ нихъ рѣдко вспыхиваетъ; они вообще живутъ смирно: работаютъ, какъ авпомашы; все ихъ удовольствіе напишья до пьяна въ праздничный день. Наши мужики приписываютъ имъ особенныя качества: по ихъ словамъ Чухны знаютъ лѣчишь корешками и травами, умѣютъ ворожить, помогаютъ душевнымъ недугамъ. Опнеспи ли шо къ честности и просподушію ихъ характера, что ни воровства, или какихъ нибудь другихъ шалостей, не слышатъ между ними? Не опъ шого ли, что они неспособны ни къ худому, ни къ хорошему?—

Лошади отдохнули—и мы пуспились далѣе. Проспише до слѣдующаго письма.

ПИСЬМО ИЗЪ РЕВЕЛЯ.

Въ воскресенье, въ прекраснѣйшій лѣтній день, мы пошли въ городъ. Со мною было двое моихъ молодыхъ родственниковъ, приѣхавшихъ послѣ меня, и я, какъ человѣкъ бывалой, назначенъ былъ пушеводителемъ.

Форшпадиъ, или предмѣстіе, окружающее Ревель, гораздо болѣе города; улицы шире, строеніе все деревянное и по большей части новѣйшей архитектуры: много большихъ, красивыхъ домовъ съ обширными садами, но и самыя ветхія избушки оплечаются опрятною наружносцію, напоминающее что-то Германское. Вездѣ численныя палисадики съ пѣнистыми каштанами, акаціями, пополями и шиповникомъ. На крыльцахъ—это любимое отдохновеніе здѣшнихъ жителей—сидятъ почтенныя Нѣмцы съ пирубками; маменьки съ рукодѣльемъ.

Мои сопутники заглядывались на прелестныхъ Нѣмочекъ, идущихъ въ церковь съ молищвенниками въ рукахъ. Веселое ли расположеніе моего духа было пому причиною, не могу сказать рѣшиительно;

но мнѣ казалось, что все дышало какою-то радостію; все мнѣ казалось живописнымъ, занимательнымъ. Въ городъ шацились оригинальные Ревельскіе экипажи: огромныя фуры; ихъ тянули сухіе и высокіе кони, заложеныя гуськомъ и украшенныя тремушками и красными лоскутками; длинныя брячки и огромныя дрожки управлялись самыми неуклюжими длинноволосыми фурманами. Пыль сполбомъ... Это наши Пепербургскіе, въ опкрышой коляскѣ, лепящъ въ городъ послушать органовъ Nicolaу-Kirche, или проповѣдника церкви Св: Олая. На встрѣчу нищіе, копорыхъ заунывные напѣвы выманивають нѣсколько мѣлкихъ денегъ. Эти побродяги полюбили нашихъ проѣзжихъ, въ особенності дамъ, копорыя, не имѣя при себѣ мѣдныхъ денегъ, раздѣлывающся съ ними серебромъ, или кожаными марками. Впрочемъ здѣсь мало видно праздношающихся; можетъ бытъ трудолюбіе и непоспѣжимая экономія Ревельцовъ тому причиною. Здѣсь не сполкнешься съ почтеннѣйшими особами, напоминающими героя Басни А. Е. Измайлова, облеченными или въ шинель фризовую, или въ шубу плисо-

вую, которые получивъ подавнїе, рова-
ряпъ: *приношу мою тувствительную бла-
годарность*—съ почтенными вдовушками,
въ вѣчномъ шраурѣ, у которыхъ дѣтей
не бываетъ менѣе семи, или осьми, все
малъ-мала меньше—съ добрыми мужич-
ками, у которыхъ всегда бываетъ или
мертвое тѣло, или *погорѣлое мѣсто*, или
наконецъ съ эпими несносными, безоп-
вязными ребяшипками, съ ихъ напѣвомъ:
бѣдны—имъ и безщасны—имъ; они какъ
будто передразниваютъ нѣкоторыхъ изъ
нашихъ поэповъ, за неимѣнїемъ надлежа-
щаго числа спощъ, вспавляющихъ въ свои
благозвучныя стихи: *ужь, лишь, а, и, какъ* *)
...Однакожь гдѣ я очутился?...Я вовсе по-
забылъ, что мы идемъ по самой широ-
кой улицѣ Форшпадта; прошли болѣе вер-
сты и уже столица Эстонїи начинаетъ
показываться.

“Какой прекрасной видъ!”, сказалъ я
своимъ соцушникамъ. Направо огромныя
спѣны и башня Олаевской церкви, полу-

---

*) Прошу извиненїя у моихъ читательей
въ семъ небольшемъ опступленїи: его дик-
товала не *скудость*, а *глупость*. *Прим. Сот.*

разрушенныя и зачернѣнныя пожаромъ; вблизи ихъ выказываются изъ за городской стѣны зеленые куполы вновь воздвигнутой Россійской церкви во имя Св. Николая: эда башня, похожая на указку, принадлежишь высокомудрой Рапушѣ, а нѣскольکو поменѣ колокольня Эстонской церкви. Предъ вами бѣлѣется на крушомъ зеленомъ возвышеніи прекрасный домъ Колбарса; вопшъ церковь и сѣрья башни Вышгородскаго замка; черная крыша и чешвероугольная башня Nicolaus Kirche. Нѣскольکو старыхъ домовъ прильщено ко внушренней стѣнѣ; нѣкопоря изъ нихъ развалились, и распшнія, прозбающія на семь каменистомъ груншѣ, своею зеленью украшають развалины. Ревель огражденъ двойною стѣною съ башнями, рвомъ и валомъ; кромѣ сего бульварь, окружающій городъ, придаешъ ему опмѣнно припшой видъ. Мы подошли къ Нарвскимъ воропамъ: надъ ними на щипшѣ, съ вензловымъ именемъ АЛЕКСАНДРА I Великокняжеская корона. Эшо оспашокъ древности: на немъ примѣшны слѣды прежде бывшихъ буквъ. — Входимъ — поворотили налѣво шаговъ пяпдесяшъ и

опяшь направо; передь нами другая спѣна и вороша, пробишья въ башнѣ, высокой и чешвероугольной съ деревянною крышею, и на спѣнахъ кошорой видны какія-то спраныя желѣзныя фигуры.

Свое нупешествіе пишу я не для особь, объѣздившихъ бѣлый свѣпъ вдоль и поперекъ, кошорыя были разъ десять въ Парижѣ, въ Лондонѣ, во всѣхъ знашнѣйшихъ городахъ Германіи и Испаліи: имъ не понравятся такія подробности. Оно назначено для нашихъ домосѣдовъ, невыѣзжавшихъ изъ Пешербурга далѣе Пешергофа, или въ другую сторону, далѣе Александровской Мануфакшуры и фарфоровыхъ заводовъ; для сполічныхъ, влюбившихся въ свои правильные дома, гладкіе прошюары, чистыя набережныя. (Судише какое малое число чипашелей я себѣ назначаю!) Такія особы, приѣхавшія въ городъ, похожій на Ревель, шопчасъ заговорятъ междумешіями, что и случилось съ моими шоварищами.—“Ахъ! какіе спранныя дома! Какія смѣшныя окна! Воже мой! какія кривыя улицы! Какія гадкія мосповыя!”,—Прошу васъ, не ахайше, мои друзья; и такъ уже на васъ смошряпъ,

какъ на чудо. Скажите, не уже ли сердце у васъ не шевелился, смотря на сіи оспашки рыцарскихъ временъ, на эпидомы съ гербами и желѣзными украшеніями, на эпі рѣзныя двери, на эпі крыльца? Вспомните слова знамениаго Валтера Скошпа. “Сіе роскошное смѣшеніе “башень, зубцовъ выдавшихся оконъ съ “искусною лѣпною работою, съ сими возвышенными зданіями и разнообразіемъ “ихъ украшеній, производящъ дѣйствіе, “столь превосходящее скучное однообразіе нашихъ новѣйшихъ улицъ, какъ шлемъ “воина въ сравненіи съ простою шляпою “квакера., *) Но эшотъ шлемъ, м. л. д., былъ во многихъ сраженіяхъ и поединкахъ: срубленъ его великолѣпный гребень съ пушистыми перьями; онъ заржавѣлъ и лишился прежней шпеспи.

Мои товарищи вспрѣшались со своимъ знакомцемъ, начались привѣспшія, поздравленія и разспросы; я между шемъ пришпорилъ своего конька, и онъ мигомъ перенесъ меня во времена опдаленныя.— “Можешъ бышь, думаль я, въ семь окнѣ,

---

*) Lettres de Paul á sa famille.

подъ копорымъ красуется табачная вывѣска, сидѣла благородная дама; она ожидала съ неперпѣнїемъ извѣстїей о нѣ своего храбраго паладина, сражающагося съ Русскими у стѣнъ города, и своимъ мечемъ опшпаивающаго честь ордена меченосцевъ. Какъ бьется ея сердце, какъ волнуется бѣлая грудь! Ея супругъ, благороднѣйшїй изъ Эстонскихъ рыцарей, и у ея окна собрались жены и дѣти проспыхъ воиновъ, ожидая также вѣспочки объ своихъ родныхъ. — Вошь отворились вороша: вѣзжаетъ запыленный воинъ; дама узнаетъ оруженосца своего супруга и бѣжитъ на крыльцо, желая хопя одною минушою скорѣе извѣспить о миломъ ея сердцу; забыты всѣ приличїя: она сквозь толпу пробивается къ самой лошади вѣспника, едва удерживающаго своего решиваго иноходца. — “Что мой супругъ?,” — Наши деруи́ся славно, говоритъ оруженосецъ, медленно поднимающїй свой наличникъ: изъ одиннадцати нашихъ знамень отбило всего шесть; а прочїя вѣютъ надъ побѣдоносною дружиною. Мечъ вашего супруга блискаетъ, какъ зарница; я самъ.... но благородный мой господинъ

послалъ меня увѣдомить, что непріятели уже описнувають и что вскорѣ мы возвратимся съ шоржеспадомъ. Я опромешью бросился изъ рядовъ, желая васъ скорѣе обрадовать. Пришомъ же, подумаль онъ про себя, эши проклятыя бердыми шакъ славно работаютъ, что немудрено ошашьясь безъ наличника, безъ носа и безъ усовъ. — Можеть бышь, продолжалъ я, на семь крыльцъ, гдѣ спойшь эшопъ Африканской уродъ въ Американскомъ нарядѣ *), почтенный Гросмейстеръ, съ золоною цѣпью на черномъ бархатномъ полукафтанѣ, вспрѣчалъ милую дочь свою, возвратившуюся съ боготомля, изъ монастыря Св. Бригашны. Прелестный, бѣлокурый пажъ, держа на лѣвой рукѣ синюю бархатную подбишную горностаями эпанчу своей госпожи, а правою, шрепещущемою ошъ шайнаго чувства, помогаль ей всходать на крупныя ступени крыльца. “Разпрягайте, разсѣдывайте коней!”, кричалъ старый Рыцарь своимъ конюшимъ, высаживающимъ изъ огромной колымаги спарую няню, копо-

---

*) Всему Ревелю извѣстная вывѣска.

рая выходя пугалась въ своемъ гургурановомъ робронѣ. “Милая Клара, говорилъ почтенный Гросмейстеръ, цѣлуя разгорѣвшіяся отъ усналости щеки своей дочери: ты съ излишнею спороуспію выполнила свой обѣтъ; ты возвратилась пѣшкомъ, не правда ли, мой другъ? — Ахъ, бабушка! послѣ упреннаго дождя, шакъ свѣжо, шакъ прияшно въ воздухѣ! — “Никакъ не могла уговорить барышню, говорила няня: отдохнушь и присѣспишь со мною; однакожь скажи правду, сударыня, ты очень уснала? Спасибо доброму Алфреду: онъ на рукахъ переносилъ ее, гдѣ были лужи и гдѣ прибрежной песокъ былъ очень вязокъ., — Молодой пажъ зардѣлся отъ такоаго замѣчанія. — “Дай Богъ здоровья барышнѣ, продолжала спарушка: она такаа богомольная, такаа скромная; въ Монаспырѣ она удивила самааго Аббаша своимъ примѣрнымъ благочесіемъ. Даруй ей, Господи, женишка богатааго, да хорошааго!., — Румянецъ оставилъ нѣжныя щеки молодааго пажа; казалосъ, кровь оспановилась въ его жилахъ.... “Ба! да какіе славыые у васъ магазины!., закричали мои сопущники. Же-

спокіе разрушили своимъ восклицаніемъ мои воздушные замки; конекъ мой споткнулся, и я перелетѣлъ мгновенно изъ шестнадцатаго въ девятнадцатое сполѣтіе. Хотѣлъ было упрекашь ихъ въ равнодушіи къ памашникамъ среднихъ вѣкъ; однакожь удержался: многія зданія заспавили ихъ заглядѣться. Въ самомъ дѣлѣ Петербургскому жишелю любопытно видѣть пирамидальныя крыши съ деревянными спашузами; дома, гдѣ, вмѣсто Греческихъ гуськовъ и розешъ, выглядывають рыцарскія головы въ шишакахъ, или дамскія въ огромныхъ колешахъ; на нѣкоторыхъ видны рѣзныя, даже живописныя изображенія свяшыхъ.

Мимо Шведскаго рынка закаулкомъ мы вышли на площадь. Рапуша, одно замѣтное на ней зданіе, съ зубцами, узкими окнами и башнею. На площади по буднямъ бываешь довольно шѣсно; здѣсь шлопясь люди разныхъ поколѣній, составляющіе жишелей здѣшней губерніи: Финны, Эстонцы, Латыши и наши земляки; шуть спояпъ извоцики, возы съ сѣномъ; продають зелень; здѣсь суровскія, посудныя, мебельныя лавки. Эшо Парижь въ сокращеніи.

Вышедши въ морскую улицу, мы очутились подлѣ церкви Эспонцевъ и полюбопытствовали видѣнь ихъ богослуженіе. Церковь ихъ, принадлежала, какъ и всѣ прочія, Каполикамаъ и, какъ полагаешь Г. Рикордъ, есть древнѣйшая во всемъ городѣ. Она не очень огромна; однакожь довольно красивой наружности и въ насмоящемъ готическомъ вкусѣ: съ рѣзвыми окончинами, съ башенкою, или буночкою, прикѣсненною къ снѣнѣ, съ узенькою, осмиугольною колокольнею.

Храмъ былъ совершенно наполненъ добрыми Эспонцами, приходящими сюда изъ близкихъ къ Ревелю деревень и селеній. Эпо посмавляешся у нихъ непремѣннымъ долгомъ. Невыполняющихъ сей священной обязанности строго наказываютъ. Со звуками органа сливались ихъ голоса, и такая музыка, при всей неспрройности, была довольною приятна. Органы умолкли; паспоръ взошелъ на каеэдру; мы заблагоразсудили убраться; подошли къ двери—не шупъ-то было: двери были запершы. Толсшый Кисперъ, моргая глазами, дѣлалъ намъ знаки наблюдатьъ глубочайшее молчаніе и возвратишься на преж-

нее мѣсто; но сжался надъ нашимъ положеніемъ; вывелъ насъ на цыпочкахъ въ небольшія дверцы.

Въ будущемъ моемъ письмѣ, м. л. д., я опишу какъ умѣю, церковь Вышгородскую, хотя увѣдомляю васъ, что описаніе въ этомъ родѣ будетъ послѣднимъ; несравненный видъ опъ дома Графа Шпейнбека; Ивановъ вечеръ; а если не залѣчусь, то и представленіе *Фрейшица* на здѣшнемъ театрѣ. Прощайте.

28 Іюля 1825.

***

~~~~~

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДУРА ПАХОМОВНА *).

Сказка.

Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!

Сказалъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ.—

А съ дурую?... Могу признаться,

Что дуры во сто разъ опаснѣй дураковъ,

И шемъ опаснѣй, чемъ моложе,

Красивѣ лицомъ, пригоже.—

Боюсь дурь: молодыхъ, пригожихъ не люблю;

А старыхъ и дурныхъ, почести! не терплю.

---

*) Изъ *Нескаго Алманаха* на 1826 годъ.—Свое перепечатываніе можно. *Прим. Изд.*

Пахомовны спарушки сынъ,
 Не помню города какого мѣщанинъ,
 Кошорый нѣкогда былъ гдѣ-то маркишан-
 помъ,
 Рѣшился сдѣлаться....бумажнымъ фабри-
 канномъ!

Весь нужный инструментъ досталъ
 И по ночамъ работашъ спалъ;
 На пробу сдѣлалъ онъ синюшку,
 И машушку свою спарушку
 Послалъ бумажку размѣняшъ.
 Та въ лавочкѣ и размѣняла,
 Хошъ въ деньгахъ счесть не шакъ-
 по знала,

Да и начшо спарухъ знашь?

Вошъ масперъ нашъ прилежно работаешъ,
 Бумажки все приготошляешъ,
 А машушка мѣняешъ,

И размѣняла шакъ она бумажекъ шестъ.

Знашь надобнобъ и чештъ.

Нѣшъ, дай седьмую ей прикештъ!—

“Ошкуда, старая, бумажки шы шаскаешъ?

Возкликнулъ Лавочникъ Егоръ—

Гдѣ взяшъ тебѣ? Твой сынъ и пьяница и
 воръ!

Ужъ не фальшивыяль бумажки шы мѣняешъ?,,

—Фальшивыя? Чшо шы, козлиная борода!

Мой сынъ самъ дѣлаешъ бумажки....—„Самъ?,,

—Да! да!—

Плохая вышла шулика!

У лавочки спояла бушка.

“Фаденчъ!”, — Лавочникъ съ испуга закричалъ:
 “Сюда!”, и за ворошъ спаруху крѣпко взялъ.
 Явился въ лавочку Фаденчъ съ миной важ-
 ной,

Сбъ скірою, вбъ бронь серляжной.

Онъ грамотѣ немощко зналъ

И ассигнацію фальшивую призналъ.

Мгновенно учинилъ свое распоряженіе,

Чтобъ масперъ съ фабрики куда не ускольз-
 нулъ;

Пахомовну разъ пять ругнулъ,

А къ Надзирателю отправилъ доношеніе.

Пошомъ къ Пахомовиѣ гурьбою въ домъ по-
 шли

И за рабошою сынка ея нашли;

Веревкой обоихъ, рука съ рукой, связали;

На съзжую съ приумфомъ ошвели;

Судили, наказали.—

И слезы шупъ не помогли!

А бѣдная ужъ выла, выла,

Что сдуру и себя и сына погубила.

И.

mmmmmm

ВЪ АЛЬБОМЪ М. П. Ж.

Супруга нѣжная, почтеннаго супруга!

Что васъ достойнаго въ альбомѣ напишашъ?

Какъ мало у меня безпечнаго досуга

И сладостныхъ минушъ, когда могу мечшашъ

О милыхъ женщинахъ, о ихъ предназначеньи:

Во всемъ бышь образцемъ прекраснѣйшимъ

для насъ!

Давно перо мое въ покоѣ и забвеньи—
Теперь беру его, пишу для васъ—безъ васъ.

О женщины, краса природы!
Что былибъ въ міръ мы безъ васъ?
Текли бы дни, шянулись годы
И жизнь бы шягошила насъ.

Безъ васъ все мрачно, все уныло;
Безъ васъ вездѣ пустынный видъ;
Безъ васъ ничто душѣ не мило,
Ничто сердце не веселишь.

Безъ васъ бы люди не искали
Блещащихъ счастья даровъ,
Своихъ бы ближнихъ опшудали
И жилибъ посреди враговъ.

Безъ васъ бы насъ не привлекала
Свяшая слава добрыхъ дѣлъ,
Душа въ бездѣйствіибъ дремала,
Умъ безъ развишія дряхлѣлъ.

Безъ васъ науки и искусства,
Какъ мрачный хаосъ безъ Творца;
Вы, оживляя наши чувства,
Одушевляете сердца.

Казань.

Ө....Ры.....скій.

КЪ П . . . НУ.

Не будемъ, П — нъ милый мой,
 Спремленно чувшва предавашся,
 И очевидно ослѣпляшся
 Нась уклекающей мечшой!
 Спремясь за суешной хвалой,
 Не будемъ болѣ заблуждашся!..
 Бесплодный въ насъ пылаешъ жарь!
 Мы можемъ сами видѣшь ясно,
 Что рвеньемъ чувствъ горимъ напрасно,
 Что нашъ ничпоженъ слабый дарь!
 Безславныхъ мы не обезславимъ,
 Глупцовъ не сдѣлаемъ умнѣй—
 Порочныхъ пакже не исправимъ;
 Доклады жъ *) любящихъ судей,
 Повѣрь, не сдѣлаемъ чеснѣй!
 . . . . .
 . . . . .
 Пускай колдуешъ чародѣйство,
 Пускай Вралевъ наводишь сонъ
 Своими вялыми спихами!
 Пускай все будешъ между нами!
 Не наше дѣло порицашъ
 Невѣждъ поспупки и сужденья;
 Не наше дѣло опкрывашъ
 Ихъ слѣпошу и заблужденья!

---

*) Относится къ извѣстной Сказкѣ А. Е. Измайлова:
Приказныя Сипонилы.

Извѣдавъ опышомъ людей,
 Пора намъ, П—нъ, быть скромнѣй;
 Пора казаться просшаками,
 И не смѣяться надъ глупцами!
 Не все мы будемъ понимаешь,
 Не все высказывашь свободно;
 А будемъ болѣе молчашь
 И думаешь: *такъ судьбѣ угоднѣ!*

. . . . . , ...

Но кое-какъ собравшись съ силой,
 Переименуемъ въ добрый часъ!
 Мы будемъ помнишь, другъ мой милой,
 Что *правда огнь колетъ глазъ!*

Б — Рю — нѣ.

~~~~~

С М Ъ С Ъ.

Свѣтская жизнь и служба, сближающъ людей, совершенно различныхъ характеровъ и правилъ. Весьма часпо, за однимъ сполникомъ, играютъ въ вистъ Кривосудовъ, Чеспоновъ, Зарницкѣй и Правдинъ . . . Обыкновеніе видѣшья между собою въ обществвахъ сдѣлало ихъ равнодушными къ *маленькимъ недостаткамъ*, которые ненравяшья въ нихъ другъ другу; и приѣзжѣй, увидя ихъ вмѣспѣ, на-

вѣрное скажешь, что они хорошіе приятели между собою. Но поняшіе, кошорое они имѣюшь другъ о другѣ... совсемъ не прияшельское! — “Кланяйшесь опъ меня Климу Климычу. Онъ хорошо мнѣ знакомъ: мы всегда бывали съ нимъ вмѣстѣ у Графа М. Добрый человекъ! ... Но между нами сказать... препустей!”, — Приѣзжаю къ Климу Климычу, опдаю ему поклонъ... — “А! покорно благодарю! Здоровъ ли Филапъ Филаповичъ? Все поспарому? Играешь въ карты, рыскаешь по обѣдамъ? ... Что это за пустой человекъ!,, ... Вопъ какъ рекомандуюшь другъ друга люди, казавшіеся въ обществѣ, *едва ли не друзьями.*

Бубновъ посвятилъ себя каршежной игрѣ... и сдѣлался юриспомъ! Выигравъ множество денегъ, векселей, домовъ, имѣній, продавая и закладывая ихъ, Бубновъ поневолѣ долженъ былъ знакомишься съ узаконеніями, и шеперь едва ли найдешся спрятчій, кошорый лучше Бубнова знаетъ Уложеніе, указы, и особенно... Банкрушскій Уставъ!

Въ провинціяхъ очень уважаются говоруны, шѣ люди, съ крѣпкою грудью и яркимъ голосомъ, которые могутъ половину дня непрерывно и складно рассказывать новосиби, анекдоты, были и небывлицы. Подражатели ихъ, не имѣя шѣхъ способствъ, прибѣгають къ выдумкамъ, и отъ того въ провинціяхъ множествуютъ лгуновъ!

Давно уже замѣчено, что у нашихъ кришниковъ нѣтъ середины: если бранятъ они сочиненіе, то не щадятъ послѣдней замятой; если же хвалятъ, то удивляются и восхищаются даже опечатками! И эти похвалы еще несноснѣе брани! Читая ихъ, какъ будто видишь передъ собою спарую болпунью нянюшку, объясняющую лепешанье младенца!

Въ городѣ *N.* я зналъ одного дальновиднаго человѣка, который не выдалъ дочери своей въ замужество за Люшеранина, по тому именно, что въ городѣ *N.* нѣтъ Люшеранской церкви, и его зашруднялъ вопросъ: *какъ хоронить зятя, когда онъ умретъ?*

Одинъ молодой приказный выписалъ *Полярную Звѣзду 1825 года* . . . и подарилъ ее купеческой дочери, копорая была не равнодушна къ нему и къ новѣйшей липпешерашурѣ. Надобно знать, что дядя принуждалъ ее выдти замужъ за Исправника . . . а ей болѣе нравился приказный; можешь быть и исполнилось бы желанія любящихся сердецъ, еслибъ не *Полярная Звѣзда!* Посылая ее къ своей возлюбленной, приказный хотѣлъ блеснуть и собсвенными спишками, и въ слѣдъ за Васней: о *Матрѣнѣ, ни павѣ, ни воронѣ*, написалъ мадригаль, въ копоромъ говорить, что и онъ *ни павѣ, ни ворона* безъ нея . . . она не поняла нѣжности приказнаго, вообразила, что онъ надъ нею смѣется, и черезъ недѣлю вышла замужъ . . . за кунца!

Есть необыкновенно счастливыя люди! Какъ иначе назвать солдата, копорый былъ въ тридцати сраженіяхъ и не получилъ ни одной раны? Моряка, копорый шесть разъ объѣхалъ кругомъ свѣта и не испыталъ бури? И наконецъ Секретаря въ городкѣ N? Возвращаясь до-

мой, послѣ попойки у Спрятчаго, ему вздумалось освѣжиться купаньемъ: бросаешся въ воду и понешъ! Но къ счастью Благородіе его погрузилось въ сѣши, распавленные рыбаками, а опъ сѣшей до рыбачей избы пропянуша была веревочка съ колокольчикомъ. Колокольчикъ зазвнѣлъ необыкновенно; обрадованные рыбаки бросились къ берегу—пянушъ-необыкновенная птяжешъ заспавляешъ ихъ споришъ о рыбѣ, копорую они поймали. Одни говорятъ чпо попала бѣлуга, другіе сомъ—наконецъ выпаскиваюшъ...Секрепаря!

А и Б пишушъ Элегіи, и всякой съ перваго раза можешъ опличишъ стихи одного опъ стиховъ другаго, хопя оба они пишушъ гладко и свободно. *А* обыкновенно кончаешъ свои стихи оспрошою, или опдѣльнымъ двоеспишемъ; *В* о чемъ бы ни писалъ, оканчиваешъ сравненіемъ: *такъ проходитъ, такъ изтезаетъ,* и пр. Непремѣнно сравненіе и неpremѣнно *такъ!*

И погода и предметы, окружающіе человѣка, имѣюшъ на него сильное вліяніе,

даже предметы ничтожные. Возвращаясь домой из блестящаго общества, въ холодную, сырую комнату, невольно дѣлаешься ипохондрикомъ... но когда квартира покойна, опрятна, убрана со вкусомъ — человекъ, если и въ дурномъ расположеніи духа возвратился домой, дѣлается покойнѣе... окружающіе его предметы развлекають его... самыя ничтожныя мѣлочи, на сползкѣ картины на стѣнахъ... хоть на нѣсколько минушь отвлекають его память отъ воспоминаній непріятныхъ. Правда ко всему можно привыкнуть и присмотрѣться—но выгоднѣе привыкать къ хорошему, нежели къ непріятному! Люди помѣшаны на системахъ: не мудро, если кто нибудь спанеть доказывать, что можно исправлять нравы, характеръ и привычки переменною квартирой. Почему же нѣтъ?—Перемените въ чистую, опрятную комнату мрачнаго поэта, котораго живешь въ холодномъ, сыромъ чердакѣ; украсьте кабинетъ его историческими картинами — черезъ недѣлю, вы удивитесь переменѣ въ его снахъ! Посадите Романтика въ школу, или педанга въ будуаръ свѣтской краса-

вицы—они переродяшся: первый выучишся граммѣ, другой заговоритъ прозе и правильнѣе...однимъ словомъ перемѣна кварширы и удобство ея могутъ перемѣнять характеры, исправлять нравы и привычки...людей въ хъ состоявій... исключая (нѣтъ правила безъ исключенія) ябѣдниковъ, егеисповъ и дураковъ — они какъ ели и сосны: ничто ихъ не перемѣняетъ.

Съ какою грустію смотришь чело-вѣкъ на все, его окружающее, миновавъ свою молодость! Прелестная дѣвушка напоминаетъ ему его любезную, коюрой онъ лишился. Молодые друзья напоминаютъ ему друга, копорого уже нѣтъ на свѣшѣ. Видь счастливаго сѣмейства переноситъ его мысли въ прошлое, когда и онъ наслаждался ласками мащери, когда и онъ, въ кругу ближнихъ своихъ, зналъ однѣ чисныя радости!..Онъ живетъ въ прошедшемъ и оно отдѣлило его навсегда отъ земнаго счастья.

Многіе угощаютъ гостей своихъ разсказами о прежнемъ жишѣ своемъ и

прежнихъ удовольствіяхъ. — “Нынчѣ уже не по время! Какъ у насъ было весело Два раза въ недѣлю балъ! Рѣдкой день проходилъ безъ пого, чѣмъ у насъ не сидѣло за столомъ двадцати, или тридцати человекъ!”, — Все это прекрасно! Радуюсь, что вы жили весело — но вмѣсто разсказовъ про *былое*, прикажите лучше засвѣщивать другую свѣчу въ гостиной вашей; а когда зовете гостей, то вмѣсто разсказовъ угощайте ихъ приспойно...или нынѣшніе гости ваши должны сидѣть у васъ въ пошьямахъ и голодные за то, что *прежнимъ гостямъ* вашимъ было весело.

I.

О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

1. *Московскій Альманахъ для прекраснаго пола, изданный на 1896 годъ Сергеемъ Глинкою. Съ эпитафюмъ:*

О полъ прекрасный и почтенный,
 Кѣмъ Россы рождены, кѣмъ плѣнны!
 Побѣдъ дѣлите вы вѣнцы...
 Плоды побѣдъ суть звуки славы;
 Побѣдъ основа шверды нравы:
 А добрыхъ нравовъ вы шворцы...

Державинъ.

Москва, 1825. Въ Университетской
Типографіи. Въ 16ю долю листа, 295 стран.
Съ премея гравированными карпинками.

*Оглавленіе и содержаніе Московскаго Аль-
манаха для прекраснаго пола:*

Картинки:

1. *Полетъ души къ небесаѣмъ, съ над-
писью изъ Державина:*

Все движешся, живешь дѣлами,
Душа безсмертна, мысль и духъ.

2. *Счастіе нѣжной матери, изъ спихо-
твореній И. И. Дмипріева со слѣдующею
надписью:*

Ипакъ, Климена! ты теперь уже спокойна:
Ты счастлива, ты мать и, ею бышь достпойна.

3. *Невинность, или младенецъ, выброшен-
ный бурю въ цвѣты. Изъ спих. В. А. Жу-
ковскаго.*

Проза:

I. Историческое изображеніе добродѣ-
шелей и славы Россіянокъ древнихъ и но-
выхъ временъ II. О добродѣшеляхъ жен-
щинъ, изъ лѣпописей иноземныхъ: 1. Марія

Терезія. 2. Марія Аншунеша. 3. Королева Прусская. 4. Героини добра. III Письма: 1. Письмо Екатерины Вшорой къ Принцессѣ де Вельмонши, 2. Письмо Екатерины II къ А. С. Мордвинову. 3. Ошрывки изъ переписки Екатерины Вшорой съ Цимерманомъ. IV. Рескрипты и письма: 1. Графинѣ А. П. Каменской. 2. Княгинѣ Кушuzовой — Смоленской. 3. Супругъ Генерала Моро. 4. Желаніе, изъявленное Государынею ИМПЕРАТРИЦЕЮ МАРИЕЮ ѲЕОДОРОВНОЮ 1815 года Русскимъ войнамъ. Благодарное письмо Графа М. А. Милорадовича. Благоклонный отвѣтъ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ. 5. Наставленіе Суворова дочери. 6. Письмо о любви къ родинѣ и опечесшву, 7. Ошрывокъ изъ письма Графа М. А. Милорадорича. V. Смѣсь: 1. Радость и скорбь. 2. Вѣрность живошныхъ. 3. Благодаріе. 4. Древній и новый Римъ. Ошрывокъ изъ письма Шапобріана къ другу. — Обзоріе нѣкошорыхъ Московскихъ окрестноспей. Нѣкошорыя С. П. бургскія окрестноспи.

Стихотворенія:

Посланіе къ нѣжной матери И. И. Дмишріева.—Выписки изъ Посланія къ женщинамъ Н. М. Карамзина. — Пловець (В. А. Жуковскаго) — Младенець (его же). Двѣ пѣ-

сни: нѣжнаго супруга и нѣжной супруги. Спихи въ альбомъ: Скромность и Желаніе. Хоръ для выпуска благородныхъ дѣвиць Смольнаго Монастыря. (В. А. Жуковскаго). Жалоба рыбокъ. (Ф. Н. Глинки.) Заѣздъ съ большой дороги (его же.)

Въ семь Алманахъ помѣщено очень довольно такого, что давно уже было напечатано. Карпинки весьма посредственной гравировки.—*Московскій Алманахъ для прекраснаго пола* продается въ Москвѣ у А. С. Ширлева, а въ С. п. бургѣ у А. Ф. Смирдина по 10 р.

2. *Невскій Алманахъ на 1826 годъ, изданный Е. Аладьинымъ*. С. п. б. Въ шип. Департаментша народнаго просвѣщенія. 1825. въ 16 долю листа 330 стран. Съ фронтисписомъ, шремя гравированными карпинками и съ ношами къ двумъ романсамъ.

Въ семь алманахъ, который по наружному и внутреннему достоинству несравненно лучше прошлогодняго, помѣщено 7 прозаическихъ спашей и 67 стихотвореній. Прозаическія спашьи суть слѣдующія: *четыре Повѣсти*: 1) Владиславъ и Александра (Е. Аладьиная); 2) Судьба (М. Яковлева); 3) Красота, несчастіе и благородство (А.

Глѣбова); и 4) Двѣ Повѣсти въ одной (Б. Федорова)—Море (Ф. Н. Глинки)—Восточныя картины (переводъ съ Еврейскаго Г. Магазинера) и Синонимы: *прозорливый-проныцательный* (самая лучшая изъ прозы піеса, какъ по содержанію, такъ и по слогу, соч. Гна К.) — Стихотворная часть въ *Несколѣ Алманахѣ*, по мнѣнію нашему, имѣетъ большее преимущество предъ прозаическою: здѣсь помѣщены новѣйшія, или по крайней мѣрѣ ненапечатанныя до сего времени стихотворенія извѣстныхъ нашихъ Поэтовъ, какъ то: Барашинскаго, Воейкова, Князя Вяземскаго, Глинки (Ф. Н.), Григорьева, Загорскаго, Измайлова, Коншина, Мещевскаго, Ободовскаго, Олина, Пушкина, Родзянки, Федорова, Графа Хвостова и Языкова. Изъ молодыхъ стихотворцевъ, въ первый еще разъ появляющихся на липшерашурномъ поприщѣ, должно оплечить Г. Шкляревскаго, который очень хорошо перевелъ Геснерову Идиллію: *Палемонъ*. — Фронтиспись и картинки *) особенно вшорая, выгравированы весьма искусно.

---

*) 1. Портретъ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ, гравированный съ бюста И. Фридрицомъ подъ смотрѣніемъ Г. Ушкина; 2. Вольный Спрѣлокъ; и 3. Часовня Вильгельма Теля. Послѣднія двѣ картинки гравированы Г. Галакціоновымъ.

Календарь Музъ, изданный А. Измайловымъ и П. Яковлевымъ на нынѣшній 1826 годъ, оканчивается писаніемъ и на сихъ дняхъ выдешъ изъ печати. Книжка сія продававшаяся будетъ въ библиотекѣ для чтенія А. Ф. Смирдина, что у Синяго моста. Цѣна за 1 экз. 10 р. Иногородные прилагающъ за пересылку по 25 к. серебромъ.

Два года сряду (1824 и 1825) Издапель *Благонаименнаго* не могъ заниматься сполько, сколько бы хотѣлъ, своимъ Журналомъ: спеченіе многихъ непріятныхъ и непредвидимыхъ обстоятельствъ (между прочимъ продолжительная болѣзнь и наводненіе) было причиною, что книжки *Благонаименнаго* не всегда выходили въ опредѣленный срокъ. По крайней мѣрѣ Издапель не наполнялъ безъ разбора листовъ и спарался по возможности доставить Публикѣ приличное и занимательное чтеніе. Въ обоихъ сихъ годахъ было не менѣе, чемъ въ предыдущихъ оригинальныхъ статей; переводы же помѣщались большею частію изъ новѣйшихъ иностраныхъ сочиненій. Кто знаетъ опытомъ, сколь трудно одному человеку, имѣющему кромѣ литературныхъ и другія занятія, издавать въ мѣсяць отъ 3 до 10 печатныхъ листовъ: тошъ вѣрно

проспиртъ, если между многими дѣльными спашьями найдешь нѣсколько слабыхъ, помѣщенныхъ не для личнаго угожденія, но по необходимости.

Съ нынѣшняго 1826 года Издашель надѣется имѣть у себя постоянныхъ соспрудниковъ и посшарается бытъ исправнѣе, а въ выборѣ піезъ несравненно спрже прошивъ прежняго.

Для Журнала: *Благонамѣренный* на 1826 годъ, предназначаются слѣдующія опдѣленія:

I. Изыщная Словесность.

Стихотворенія, какъ то: Оды, Посланія, Элегіи, Идилліи, Сказки, Васни, Пѣсни, Романсы и спихотворные опрывки. Спихотвореній будеть весьма немного, ибо лучшія помѣщаются нынѣ въ алманахахъ, а посредственныхъ не для чего и печашать. Повперимъ сказанное прежде: *Les vers passablement bons ne valent pas le diable.* *Проза*: Рѣчи, Разговоры, живописенныя Путешествія, Повѣспи, опрывки изъ Романовъ, и проч.

II. Литтература, Науки и Художества.

Теорія Словесности, Наукъ и Художествъ. Разсужденія о предметахъ по всѣмъ симъ премъ часшямъ, невыходящимъ изъ сферы познаній всякаго образованнаго че-

ловѣка. Это отдѣленіе будетъ гораздо меньше прочихъ.

III. Критика.

Разборъ нѣкопорохъ новыхъ книгъ, относящихся непосредственно къ *Изящной Словесности*, и разныхъ небольшихъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ. Замѣчанія на разные списки современныхъ журналовъ, и ш. п. Замѣчанія сіи будутъ помещаемы въ каждой почти книжкѣ. Трудъ сей предославляешь себѣ собственно Издатель. Смѣло можешь онъ увѣрить почтеннѣйшую Публику, что въ отдѣленіи *Критики* не найдутъ никакихъ колкости и насмѣшекъ — ни припорныхъ, пристрастныхъ похвалъ, которыя для истиннаго таланта оскорбительнѣе самыхъ язвительныхъ порицаній, а только одни скромныя и благонамѣренныя замѣчанія, имѣющія цѣлю пользу опечиственной словесности.

IV. Библиографія.

Извѣстія о всѣхъ вообще новыхъ Русскихъ книгахъ, съ крапками на нѣкопорохъ изъ оныхъ замѣчаніями, равно и о иностранныхъ сочиненіяхъ, заслуживающихъ особенное вниманіе. Извѣстія сіи также будутъ

помѣщаются въ каждой книжкѣ *Благонаименнаго*.

V. Нравы.

Описаніе нравовъ и обычаевъ различныхъ обществъ — карпины домашней жизни — характеры.

VI. Смѣсь.

Иностранныя и опечественныя анекдоты *) — Нравоучительныя мысли и разныя замѣчанія — Сапирическія вѣдомости, безъ всякихъ однако личностей — Разныя любопытныя новости и крашкія выписки изъ новѣйшихъ иностранныхъ журналовъ — Благошворенія — Вопросы и Ошеѣшы — Загадки, Шарады, Логогрифы, Омнимы, Анаграммы, и п. п.

Въ трудахъ Издашеля *Благонаименнаго* обѣщались участвовать многіе извѣстные и даже опличные литераторы. Издашель употребилъ со своей стороны всѣ зависящія отъ него способы сдѣлать журналъ свой,

---

*) Нѣсколько уже лѣтъ Издашель *Благонаименнаго* собираетъ опечественныя анекдоты и собралъ ихъ очень довольно. Сююшъ шолько написать, а весело писать анекдоты.

сколь возможно занимательнѣе и разнообразнѣе, избѣгая болѣе всего сухоспи, приспращенія и нестерпимаго въ лишшерашурныхъ сужденіяхъ рѣшишельнаго, наславническаго тона.

Книжки *Благонаимѣреннаго* на 1826 годъ раздавашься будупь по два раза въ мѣсяць. Каждый нумерь, или книжка, будепь заключашь въ себѣ ошъ *четырехъ* до *пяти* печатныхъ листовъ, или ошъ 64 до 80 страницъ. Шесшь нумеровъ сославяшъ часть, а 24 № полное годовое изданіе.

Подписка на *Журналъ Благонаимѣренный*, принимаешься въ *Санктпетербургѣ* въ Газетной С. П. бургскаго Почшамвѣ Экспедиціи, кошорая приняла самыя вѣрныя мѣры къ исправному доставленію сего журнала иногороднымъ подписчикамъ; у Издашеля *А. Е. Измайлова* 5 класса, живущаго на Пескахъ прошивъ Бассейна въ каменномъ прехъ-эшажномъ домѣ Моденовыхъ подь № 206; въ книжныхъ магазинахъ *И. В. Сленина*, *А. Ф. Смирдина* и у всѣхъ прочихъ книгопродавцевъ; а въ Москвѣ у Коммисіонера шамощляго Университеша *А. С. Ширяева*. Цѣна за годовое изданіе, ш. е. за 24 книжки, здѣсь въ С. п. бургѣ 50 р.; за полугодовое же, или 12 книжекъ 15 р. За пересылку въ другіе города и за доставленіе на домъ прилагаешься въ годъ по 7 р., а за полгода 3 р.

50 к. Иногородные благоволяшъ опноситъся не къ книгопродавцамъ, но къ самому Издашеля, или въ Газетную С. п. бургскаго Почшамша Экспедицію. Желашющіе получашъ Журналъ сей на любской бумагъ благоволяшъ, сверхъ вышеозначенной цѣны, прилагашъ на годъ 5 р.

У Издашеля же *Благонамбренаго* можно еще получашъ Журналъ сей на 1818, 1819, 1825, 1821, 1822, 1823, 1824 и 1825 годы за самую дешевую цѣну, каждый годъ по рознь по *пятнадцати*, а за всѣ *восемь* лѣшъ вмѣшъ по *стѹ* рублей безъ пересылки. На пересылку же за каждый годъ особо прилагашъ по 5 р. а за всѣ *восемь* годовъ 25 р.

А. Измайловъ.

Омонилъ.

Въ Россіи богомъ я счичался—
И пакже мною богъ Гиганшовъ поразилъ;
Со мной Амуръ въ щипъ Алкивіада былъ—
Въ вогшяхъ у Русскаго Орла лишь я оспался.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1826 — N° II.

М Я Ч Ъ.

Повѣсть.

(*Окончаніе.*)

Наступила послѣдняя ночь, которая должна была рѣшить мою участь. Въ шрепешномъ ожиданіи полуночи, сидѣлъ я у окна, предаваясь то страху, то надеждѣ. Къ моей комнатѣ приспавленъ былъ часовой, и когда я смотрѣлъ на крѣпкія ворота нашихъ казармъ и на высокія стѣны крѣпости, то погружался въ ужасное уныніе: не было ни малѣйшей надежды убѣжать—развѣ только одно чудо могло спасти меня.

На башнѣ ударило половина двѣнадцатаго; я надѣлъ шинель — и призывая въ помощь милосердное Провидѣніе, прошелъ безъ всякаго препяшсивія мимо часоваго въ сѣни и попомъ на дворъ. Ночь была щемная: сѣрые облака покрывали небо;

мѣлкій дождь спучалъ по желѣзнымъ кровлямъ; опдаленные опголоски часовыхъ смѣшивались съ шумомъ вѣпра. — Едва переводя духъ, подошелъ я къ воропамъ, толкнулъ; но они были запершы.—“Кпо идешь?„ спросилъ голосъ съ другой стороны.—Опопри скорѣе, поварищъ, опвѣчалъ я швердымъ, но не своимъ голосомъ: Мидденшшейнъ при смерти и Комендантъ послалъ меня за Паспоромъ.—Часовой оподвинулъ запоры, и я, съ шрудомъ удерживая свою радость и нешерпѣнне, пошелъ опъ воропъ шагомъ.

Лишь полько повернулъ я за уголь своей шемницы — шо и пуспился какъ спрѣла: часовые окликали меня, но я ничего не слышалъ, ничего не видѣлъ; сердце мое сильно билось и ноги подкашивались.—Черезъ нѣсколько минушь очушилъ ся я въ домъ моей благодѣшельницы. Она съ сыномъ своимъ уже ожидала меня, и когда я показался у воропъ, взяла меня за руку и повела въ садъ, кошорый примыкалъ къ спѣнѣ крѣпосши. — Тамъ я увидѣлъ шри связанная лѣспшницы. Сбросивъ съ себя шинель, одѣлся я въ плашье шшарухина сына и со слезами благода-

рилъ ихъ. Спаруха благословила меня, пожелала счастливаго пуши и сунула въ руку нѣсколько серебряныхъ монеть. — “Да заплашишь вамъ Богъ за то, что спасли меня! Никогда, никогда не забуду васъ: можетъ быть придетъ время, когда буду имѣть возможность возблагодарить сколько нибудь за ваше благодѣяніе. „

Въ это время услышати мы окликъ часоваго — “Бѣги!., — закричала спаруха. Я вспрыгнулъ на лѣстницу дрожащими ногами и взобравшись на вершину стѣны, спустился внизъ по веревкѣ, копорая была привязана за ступень верхней лѣстницы — а что бы тяжесть моего шѣла не перешянула ее чрезъ стѣну, то на нижнихъ ступеняхъ сѣли мои спасители. Я благополучно спустился и мысленно послалъ послѣднее прощаніе моимъ благодѣтелямъ.

Между темъ ночь спановилась мрачнѣе и мрачнѣе; грозныя тучи собирались на западѣ и предвѣщали бурю; но она не была для меня страшна потому, что я избавился отъ бури ужаснѣйшей. Дождь увеличивался и плескъ его раздавался въ

глубокомъ рву. — Я приближился — и сколько позволяла разсмотрѣть темно-ша—увидѣлъ оплѣсые берега его и глубину, страшную для неопытнаго плавателя.

Но минушы были дороги; я поручилъ себя милосердному промыслу и бросился въ волны.—Переплывъ къ другой споронѣ, увидѣлъ гладкій берегъ; но не зналъ, за что бы схватиться рукою: я брался за землю, руки мои скользили, плашье измокло и чрезвычайною тяжестію шянуло меня на дно; гибель моя, казалось, неизбежна! —

Собравъ послѣднія силы, изнуренныя усалостію и страхомъ, быстро проплылъ я нѣсколько сажень вдоль берега въ надеждѣ сыскашь низкое мѣсто, и къ чрезвычайной радости, въ недалнемъ разстояніи примѣпилъ высокую пправу, схватился за нее и вышелъ на берегъ.

Нѣсколько минушь лежалъ я неподвижно и не могъ пошевелишь ни однимъ членомъ; все тѣло мое дрожало отъ чрезвычайнаго холода — вдругъ пушечный вы-

спрѣль раздался съ одной спороны крѣ-
поспи: это знакъ тревоги, когда убѣ-
жиць ареспаншь. Морозъ пробѣжалъ по
моему плѣлу; я вскочилъ, но измокшее
плащье удерживало быспрошу ногъ мо-
ихъ, и безъ того уже упомленныхъ. Па-
даю на каждомъ шагу; вижу на лѣвой
споронѣлѣсь—бѣгу шуда.—Вѣшеръ пощря-
саль вершинами дубовъ и ужасаль меня;
даже шелесшь вѣшнѣвей производилъ шре-
пешаніе въ моемъ сердцѣ.

Темноша не позволяла различить
окружающихъ меня предметовъ; сучья
царапали лице мое — падаю въ глубокое
болошо, но крѣткія вѣшнѣви освободили
меня.—Я поворошилъ въ спорону и чрезъ
нѣсколько времени увидѣль вдали огонь—
прибѣгаю къ огороду, перелѣзаю съ шру-
домъ черезъ заборъ и скрываюсь подъ
копною сѣна.

Выспавивъ голову, сидѣль я въ сѣнѣ,
едва смѣя переводить дыханіе—вездѣ бы-
ло спокойно: я уже возсымалъ жарчай-
шую благодарноснѣ милосердому промы-
слу и поздравлялъ себя со свободою —
чрезъ нѣсколько времени слышу топотъ
лошадей и грубые крики. Люди ошано-

вились въ деревнѣ, и я могъ ясно различить голоса нѣкошорыхъ моихъ поварихъ изъ крѣпости—всѣ мои жилы задрожали. Громко спрашивали они о бѣглому солдаѣ; шумъ увеличивался болѣе и болѣе; появилось много фонарей, съ кошорыми они, кажешся, обыскивали всѣ зажоулки; крикъ ихъ по приближался, по удалялся, и такимъ образомъ чувствоваль я попеременно или радостную надежду, или спрахъ смершельный. — Наконецъ все ушихло, ужасное бремя спало съ моей груди, и я могъ дышашь свободнѣе.

Буря умолкла, спало разсвѣшашь. На воспокѣ алѣла заря и предвѣщала прекрасное ушро; но я не смѣль показашься и долженъ былъ просидѣшь цѣлый день подъ кучею сѣна, измокшій, дрожащій опъ холода и сырости. Къ вечеру голодь принудилъ меня оставишь мое убѣжище. Тихонько выползь я изъ огорода, и покровишельспвумый пемношою, добрался до лѣса въ надеждѣ сыскашь гдѣ нибудь паснушій шалашъ, обогрѣшься и утопишь голодь.

Силы мои ослабѣли, ноги опказыва-

лись служить мнѣ. Наконецъ кое-какъ добрель я до хижины угольщика, спящей въ срединѣ лѣса. Меня приняли очень ласково. Я сказалъ, что заблудился въ этомъ лѣсу и нигдѣ не могъ укрыться отъ вчерашняго дождя. Хозяева раздѣли меня, накормили и дали покойную постель.

Я спросилъ ихъ: далеко ли до границъ * * скаго Герцогства? и узналъ, что не далѣе 300 шаговъ. Прощаясь, подарилъ я имъ серебряную монету, которую приняли они съ величайшею благодарностію и вывели на дорогу въ резиденцію. Переспустивъ одною ногою въ свое опечество, былъ я уже совершенно безопасенъ и свободенъ, какъ птица поднебесная.

Весело и радостно шель я по дорогѣ: будущее не тревожило меня. Къ вечеру пришелъ я къ постоялому двору, гдѣ богатый купецъ взялъ меня съ собою въ свою контору въ качествѣ писца и чрезъ два дни мы уже были въ столицѣ.

Жизнь моя была хопя и не слишкомъ завидная; однако же, пропивъ солдашской, я считалъ ее раемъ. Въ свобод-

ное время прогуливался я въ городскомъ саду.

Однажды сидѣлъ я на скамѣйкѣ подъ густыми вѣшьями липы и погрузился въ сладкія мечпанія о прошедшемъ. Мнѣ представлялись юныя мои лѣтца, проведенныя въ счастіи; я сравнивалъ ихъ съ настоящимъ моимъ сосноянїемъ и невольно предался грусти—вдругъ ударъ мяча въ лице вывелъ меня изъ задумчивости: милостивый мальчикъ съ испугомъ подбѣгаетъ ко мнѣ. “Ахъ, Боже мой! не ушибъ ли я васъ? говорилъ онъ, обнимая меня. Простите мнѣ: право ненарочно . . . .”, Я поцѣловалъ его.—Ничего, совсемъ ничего, мой милый!—Я поднялъ мячъ и бросилъ вверхъ. Это успокоило мальчика; онъ поймалъ его и кинулъ оняпъ ко мнѣ, удивляясь, какъ я кидаю высоко. Мальчикъ очень полюбилъ меня и разцѣловалъ, разсываясь со мною.

На другой день сидѣлъ я на томъ же самомъ мѣстѣ и услышалъ голосъ моего маленькаго знаконца.—“Папенька! посмотрише, вошь пошь добрый человекъ, о кошоромъ я вамъ сказывалъ!”,—Я увидѣлъ высокаго мужчину, лѣтъ пятидесяти, съ

благороднымъ лицомъ. Учпиво поклонился я ему, когда онъ сѣлъ подлѣ меня на скамѣйкѣ.—Разговоръ начался съ обыкновенныхъ предметовъ. “Вы, кажется, не здѣшній?“, сказала онъ наконецъ взглянувъ на покрой моего плащя.

—Да! я не богачъ, или лучше сказать, нищій: судьба на зло съ семнадцати лѣтъ сдѣлала меня чужимъ для всего свѣта.—

“Слѣдовательно вы не имѣете родспвенниковъ?“,

—Похоже на то! Родспвенники выключили меня изъ числа своихъ и поспутили со мною какъ со смерпельнымъ врагомъ.—

“Вы несчастны! Для чего же не опкроепесь нѣкопорымъ людямъ? Можешъ бышь; они...“,

—О, Милоспивый Государь! уже давно поперялъ я вѣру въ соспрананіе людей! —

“Не судите шакъ о всѣхъ вообще по нѣсколькимъ частнымъ случаямъ...напримѣръ я принимаю въ васъ живѣйшее участіе за вашу искренность и желалъ бы видѣть васъ въ лучшемъ соспояніи. Вѣрно вы гдѣ нибудь учились?“,

— Учился въ Университетѣ; но не научился тамъ знать людей. Послѣ того былъ я въ другой, совершеннѣйшей школѣ—въ школѣ опытности и спраданій.

“Это очень рѣдко случается съ молодымъ человѣкомъ: я желалъ бы узнать васъ покороче.,,

— Я игрушка судьбы, Милосливый Государь: ей угодно было разсыпать цвѣты по начальному пути моей жизни и потомъ ввести меня въ знойныя степи, гдѣ изнемогаю подъ бременемъ горестей. и теперь еще не вижу окончанія своихъ спраданій. Но я не ропщу. Можетъ быть, судьба дѣлаетъ по своему все къ лучшему. Я уже привыкъ къ несчастію и умѣю скрывать его въ своемъ сердцѣ... Да и кому какая нужда до чужихъ горестей? Богатые знаютъ несчастіе только по слуху!—

“Искренно сожалѣю объ васъ, сказалъ онъ дружески, взявъ меня за руку. Будьте откровеннѣе: я желалъ бы знать ваше имя?.,

—Мое имя потеряло вѣсь со времени моего несчастія. Я называюсь теперь просто Адольфъ Мидленштейнъ, а преж-

де былъ Баронъ фонъ Мидлештейнъ, сынъ
Президента Коллегіи въ Л.—

“Возможно ли? Вы сынъ лучшаго моего друга!— Знайте же, что не всѣ чужды для васъ. Я Русской Посланникъ Графъ Н. Скажите: что довело васъ до такого со-
споянія?,,

Я рассказалъ ему всѣ свои несчастныя приключенія, пошому что не имѣлъ причины скрывать ихъ отъ друга отца моего. Онъ упѣшалъ меня и обнадѣжилъ въ скорой и вѣрной помощи.

Коротко скажу: на другое утро переселился я въ домъ Посланника, и каже-
ся, начинало уже всходить для меня солнце радости. Посланникъ представилъ меня своему семейству. Супруга его, добрая, почтенная женщина, приняла меня какъ роднаго. Я увидѣлъ здѣсь—божественную Емилию, дочь ихъ — Ангела красою и сердцемъ, и спалъ какъ очарованный, едва произнося нѣсколько несвязныхъ словъ на привѣтствіе супруги Посланника.

Испорія моя близка къ окончанію. Скоро сдѣлался я шушь домашнимъ чело-

вѣкомъ, проводилъ цѣлые часы съ Емили-
ею за ея шитьемъ, или за рисованьемъ,
аккомпанировалъ ей на флейпъ, когда она
своими волшебными перстами вливала
жизнь въ бездушныя струны арфы. —

Такъ прошекли въ блаженномъ соспо-
янїи полгода. Я почиалъ себя счастли-
вѣйшимъ человѣкомъ въ мїрѣ. Открылся
Емилии, что я обожаю ее, и мое призна-
нїе не было отвергнуто. Въ сіе время
высшїй Судъ разобралъ мое дѣло, и я сдѣ-
лался опять владѣтелемъ опеческаго до-
стоянїя. Судьба въ награду за прежнїя
мои горести не хопѣла сдѣлать мнѣ пре-
пященїей, и я скоро получилъ руку и
сердце прекрасной Емилии.

Съ сихъ поръ наслаждаюсь я на землѣ
райскими минушами. Судьба съ избыт-
комъ наградила меня за мои прежнїя спра-
данїя, которыя уже давно изгладились изъ
моей памяти и только представлялись
иногда моему воображенїю, что бы пемъ
съ большою силою дать мнѣ почувство-
ванїе наспоющее мое благополучїе. И
всемъ я обязанъ мячу! Изъ благодарности
сохранилъ я его, и велѣлъ нарисовать на

своей табакеркѣ, что бы имѣлъ всегда предъ глазами виновника моего счастья.,

---

Здѣсь кончилъ мой дядя свое повѣствованіе, которое произвело во мнѣ глубокое впечатлѣніе, и современемъ, когда я достигъ извѣстной значимости въ Государствѣ, убѣдился въ истинѣ словъ моего дяди, что если бездѣлка и не можешь сослѣдовать нашего счастья, то, по крайней мѣрѣ, можешь иногда онкрыть случай быть счастливыми.—

В. Троцкій.

~~~~~

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГЕОРГІЙ.

Дума.

На хладномъ утесѣ, склонивши главу,

Георгій задумчивъ сидѣлъ;

На синія горы, на быстру рѣку,

Георгій печально смотрѣлъ;

И мечь былъ преломлень, разсѣченъ шоломъ;

Изрублены лашы спальныя на немъ.

И алая кровь — по кольчугѣ рѣкой
Лилася изъ раны его.

И онъ опиралъ ослабѣвшей рукой,
Покрышное кровью чело.

И, въ локонахъ русыхъ, въспрѣ горный иг-
раль.

И, въ думѣ глубокой, онъ усъ завивалъ.

*

“Ахъ! скороль ударить, часъ жизни моей?,”
Онъ съ мрачной улыбкой вѣщаль.

“Я видѣлъ паденье безспрашныхъ Князей;
Но щещно я смерти искалъ!

Тамъ въ битвѣ кровавой всѣ пали — а я!..
Уже ли я въ рабствѣ жить долженъ спеня?,”

*

„Ужель предъ Башыемъ главу я склоню?

Уже ли мой духъ охладѣлъ?

Уже ли я славу своей измѣню?

Мнѣ провъ, иль могила удѣлъ?

Не спрашны мнѣ въ битвахъ сверванья
мечей;

Но рабства страшуся, поносныхъ цѣпей.,”

*

“Съ дружиной безспрашныхъ я встрѣшилъ
Ташарь.

Ужасна ша сѣча была.

Тамъ много избранныхъ погибло бояръ;

Тамъ кровью покрылись поля,

За падшихъ опмщая, Ташарь я разилъ,

И вскорѣ ихъ трупамъ поле покрылъ.,,

*

“Ряды ихъ сомкнушы мечемъ разпоргалъ;

Дробились на часши щипы;

И смерть презирая, въ крови утопалъ;

Какъ классы, сѣкалъ я главы.

Достойно за павшихъ друзей опомстилъ;

Но мщеньемъ пылая, я раны забылъ.,,

*

“Сбылось предсказаніе мудрыхъ бояръ:

Погибла отчизна моя!

И градъ мой преспольный—добыча Ташарь!

И спонуть въ оковахъ друзья!

Бышь можешъ, Бапый, сей ужась людей,

Бышь можешъ, ужь алчешъ онъ крови моей.

*

“Увы! я отчизну мою погубилъ,

Презрѣвши совѣшы друзей.

Мечшой ослѣпленный, я ближнихъ забылъ—

Лишь помнилъ о славѣ своей.

Ахъ! шамо въ отчизнѣ, не слава, не шронъ,

Меня ожидають—оковы и спонъ!.,,

*

Вошь шронъ мой роскошный — сей дикой

утешъ;

Богашство — обломокъ меча!

Не славой безсмертной сплечень мнѣ въ-

нецъ —

Вънчаешъ безславье меня!....

Не въ перемѣ пышномъ, не съ милой же-
ной;
Я въ дикой пуспынѣ, жипь долженъ съ
шоской.,,

*

“Бышь можешъ, попомспву молва возвъ-
спишь:

Отгество онѣ погубилѣ! —

Безславие славу навѣки запмишь;

Я кровью безславье омыль.

Опчизна! опчизна! проспишь ли меня?

Ты гибнешъ...такъ долженъ погибнуть и я!.,,

*

“Свѣтъ пускнешъ въ очахъ, я перзаюсь,
спрашусь —

Ужасенъ могильный мнѣ сонъ!

Опчизна! съ побою навѣкъ разлѣчусь:

Прими—хощь прощальный мой спонь!.,,

И сердце пронзиль онѣ обломкомъ меча;

И пшажко споная, сомкнуль онѣ глаза.

А. Шидловскій.

ОДИНОЧЕСТВО.

Элегія.

Тускнѣетъ неба сводъ и мрачный видъ при-
роды

Возвращъ осеннихъ бурь съдымъ челомъ су-
лишь!

И вѣспрь въ нагихъ поляхъ бушуетъ и сви-
спишь!

И тихо капящя на лоно смерпи воды—

И слабо въ небесахъ свѣспило днѧ горипшь!

— — — — — — — — — — *)

Душъ разшерзанной знакомы скорби звуки!

Какъ будшобъ цѣлый мѣръ спрадаешъ вмѣ-
спшь съ ней!

Зачемъ, мой юный другъ, средъ сумрачныхъ
шѣней,

Къ селенью вѣчноспи я просшираю руки?

Бесѣдую одинъ съ уныніемъ ночей?

Ищу шаиншвенный предметъ моихъ жела-
нѣй?

Хочу обняшь швой прахъ подъ камнемъ гро-
бовымъ,

Брожу среди могилъ—и шорохомъ глухимъ

Привѣшшвую возвращъ невѣдомыхъ мечша-
нѣй?

Зачемъ, какъ ясный днѧ просшрешся на
холмахъ,

---

*) Знаки сіи поспавлены самимъ Сочинителемъ.

Печашь уныніа въ природѣ водворится?
 Зачемъ, мнѣ кажется, что цѣлый міръ въ
 слезахъ,
 Что радость прошлыхъ дней уже не воз-
 вращится?
 Увы! мой юный другъ, мнѣ, въ сумракахъ
 ночныхъ,
 Повсюду слышится знакомое призванье:
 И мертвыхъ листьевъ шумъ и мершвое мол-
 чашье,
 И говоръ вѣчности въ пустыняхъ горъ съ-
 дыхъ,
 И пасмурной луны печальное мерцанье,
 Предсказываютъ мнѣ блаженствъ земныхъ
 конецъ!
 Тотъ брегъ невидимый, куда ладьи печали,
 Среди суешъ мірскихъ, владыкъ земныхъ
 примчали;
 То мѣсто, гдѣ молчишь кипѣніе спраспей;
 Гдѣ ты, мой милый другъ, цѣлешь для
 жизни новой,
 Гдѣ нѣтъ унылыхъ душъ — и взоръ судьбы
 суровой
 Не проникалъ еще въ обитель мирныхъ
 дней!
 Какъ сладостно заснушь душой среди упо-
 ванья!
 Мечтаешь, что близокъ часъ желаннаго сви-
 данья,
 Что все прекрасное сулишь намъ новый
 міръ,

Гдѣ сейчасше—не мечта; надежда не кумиръ,
 Что скоро...но опять мой малыи сонъ рѣ-
 дѣетъ!
 Опять угрюмый день: ужь лучъ зари блѣд-
 нѣетъ—
 Зачемъ проснувшись мнѣ судилъ угрюмый
 рокъ,
 Среди испытанія, среди горестныхъ волне-
 ній?
 Ужель надежды лучъ польстили для огорче-
 ній?
 Ужель унылому блуждашь среди долинъ
 И въ шумѣ рѣзвыхъ волнъ и древнихъ соснъ
 въ шептаньи,
 И въпра бурнаго въ печальномъ завываньи,
 Внимать единый гласъ: “плачь, скорбный!
 Ты одинъ!,,

Э.

~~~~~

Б — МУ.

Ужель находишь, другъ мой милый,
 Ты въ томъ опраду, чтобъ всегда
 Ропшашъ на жребій свой унылый?
 Ужель веселье никогда
 Своей плѣнишельной улыбкой
 Тебя не можешъ обольститьъ,
 И иногда, хошабъ ошибкой,
 Къ себѣ на время заманишь?

О Б.....ій мой! печали
 Всегда знакомы будущъ намъ!
 Мы съ первымъ вздохомъ ихъ познали!
 Ты вѣрно согласишься самъ,
 Что очевидно возрастали
 Съ лѣтами нашими они;
 Что и въ счастливейшіе дни
 На жребій часно мы роптали!

Къ чемужь, скажи мнѣ, упомляшь
 Еще безвременно жизнь нашу?
 Не будемъ скупы раздѣлять
 Благотворишельную чашу!
 Ахъ! продолжисьельныль для насъ
 Минуты вѣпреннаго счастья,
 И продолжисьелень ли часъ
 Рескошной нѣги сладоспрасья?
 Мой другъ! не будемъ упускашь
 Мы шѣ счастливыя мгновенья,
 Въ кошорья даешъ вкушашъ
 Любовь свои намъ наслажденья!

Б. — Рю — нб.

СПАРТАНКИ.

Ахъ! почто опплыль я опъ бреговъ Родос-
скихъ?—

Миѣ бы вѣкъ не видѣшь дѣвъ Лаведемон-
скихъ!

Не видавъ Аресы, я счасливо жилъ.
Я спокоемъ былъ!

*

Кшо не зрѣль Спаршанокъ въ шумныхъ и-
грахъ, рѣзвыхъ,

Топъ не видѣль Грацій, не знавалъ прелесн-
ныхъ!

На берегахъ Эвропа въ Спаршѣ не бывалъ,
Сердца не перялъ!

•

Смѣлая невинность шамъ краснѣть не зна-
ешь,

Тяжкій дискъ подъемлешь, копья — въ цѣль
бросаешь,

Въ нагошѣ природной, дружную толпой,
Рѣзвисья борьбой.

*

Сердцемъ завладѣли, умъ очаровали!

Кудри на плеча ихъ нерадиво пали,

По высокой груди спелюся волной,
Дышуть красошой!

*

Черные глаза ихъ...кто имъ не уступишь?
 Будь хоть камнемъ хладнымъ, пламень въ
 сердце вступишь!
 Нѣга юной жизни—прелестъ ихъ ланишь,
 Спирасью взоръ помиишь.

*

Ямки вписнуль въ щечкахъ легкій перстъ
 Эроза;
 Вешнихъ розъ приащнѣй, слаще свѣсла со-
 та,
 Первымъ поцѣлуемъ прикоснушься къ нимъ,
 Къ ямкамъ огневымъ!

*

И изъ всѣхъ Спаршанокъ—равной нѣшь А-
 ретѣ.
 Легче горной серны и стрѣлы въ полетѣ,
 Какъ Діаны Нимфа, правами чиста,
 Дѣва красаха!

*

Но чужда мнѣ сердцемъ, любишь Еври-
 стей!
 Я не передамъ ей сладость Гимедея!
 Ошъ бреговъ Родоса я зачемъ ошплыль?
 Тамъ спокоенъ былъ!—

Б. Федоровъ.

КЛЯТВА ОСКОРБЛЕННАГО ПОЭТА.

“Я не пишу стиховъ, я отрекаюсь ихъ!
 Хотябъ мнѣ Гемій далъ перо изъ крыль
 своихъ.—

Цѣвницу громкую свою,
 Кошорая такъ сладостно звучала,
 Кошорая друзей моихъ плѣняла,
 Я брошу въ прахъ и разобью!
 Поэтомъ бышь не жизнь—мученье!

Я превосходную Поэму написалъ,
 Я Даншу, Байрону счастливо подражалъ,
 Я свѣшу подарилъ свое произведенье —
 И чпожь? — недѣльный нашъ жур-
 наль
 Меня—кшобъ вѣришь могъ? — меня вралемя
 назваль!

О стыдъ! о поношенье!
 Клянусь съ сихъ поръ для свѣша мерпи-
 вымъ бышь,
 Талантъ отъ всѣхъ людей шайшь;
 Клянусь языкъ боговъ забыть!,,—
 Гдѣ клятва—шущъ и преступленье.

Прошла недѣля, много двѣ —
 И снова призраки неясные кружатся.
 Въ разгоряченной головѣ,
 И риѣмы подъ перо ложатся.
 И вновь на лирѣ тихострунной
 Бряцаешь нашъ Поэтъ —

И снова сей подлунной,
Ему внимая, дремлеть свѣшь.

***

ПЧЕЛА И ОВЦА.

Басня.

Порой весеннею Пчела,
Едва заря воспокъ зажгла,
Съ цвѣшовъ пишь влагу полешѣла
И сѣла
На розовый кустокъ,
Откуда въ ближній ручеекъ,
Любуясь, какъ въ стекло, глядѣла.
Случись же и Овцѣ здѣсь встрѣпшиться съ
Пчелой.

Вотъ разговоръ такой
Ведеть Пчела съ Овцой;
“Слоняся день-денской кого въ лугахъ не
встрѣпишь?
Но жалкую Овцу едва ли и примѣпишь *)!
Ну что въ тебѣ?..Тебѣ и пойло дай,
И сѣно къ зимѣ припасай.

---

*) Ошибка прошигъ правдоподобія! Пропитательнѣе овцѣ не прилѣтитъ слона, ряпушкѣ кипа, чемъ пчелѣ овцу, которая и въ нѣсколько пысячь разъ больше ее и обыкновенно бываетъ лѣшомъ на лугахъ. Изд.

А для чего?—Клочекъ волны! О, бѣдное шворенье!

Вошь я такъ медь даю! Какое же сравненье!

Что я въ день ясный на поляхъ
Летаю не напрасно,

Хвалишься шемъ могу передъ тобою гласно.

Мой медь звѣздился въ хрустальяхъ *)!

Имъ жажду утоляютъ!

На пиршествахъ его же выхваляютъ...;

Овца въ отвѣтъ: достоинствъ много;

Но только и о мнѣ суди не слишкомъ спростаго.

Послушай, коль шволя не оскорбится честь:

Достоинства Овцы хулою не умалишь.

Твой сладокъ медь, но..больно жалишь!

Н. Бушмакинъ

Литтлтон

ЭПИГРАММЫ.

I.

Ты Пушкина произведение

Цѣнишь не можешь, знаю я!

Ушамъ Осла невнятно пѣнье

И свѣшлый голосъ соловья.

✽

---

*) Удачный, каршинный стихъ!

2.

Для денегъ, славу полюбя,
 Вралейкинъ не щадитъ себя,
 Своимъ оружіемъ себя же побиваетъ:
Безграмотнымъ перомъ безграмотныхъ ру-
 ешь.

3.

Когда бы Гераклишь свидѣшелемъ случился
 Всему, что Фалинь здѣсь кушипъ:
 Тобъ старый плакса расшутился;
 Но зарыдалъ бы—Демокришь.

4.

Браню лжеца, браню я самохвала,
 Клеветника, змѣю журнала —
 Все на свой счешь
 Бурунь беретъ!
 Браню плутовъ, браню двуличность—
 А онъ сердитъ,
 Кричитъ, шумитъ!
 Но кто же виноватъ, что брань ему за
 личность?

Б. Федоровъ.

О НѢМЕЦКОМЪ ЯЗЫКѢ ВЪ ОТНОШЕНІИ СКЛОННОСТИ ЕГО КЪ РАЗГОВОРУ.

Изучая духъ и характеръ языка, съ темъ вмѣстѣ узнаемъ философическую исторію мнѣній, нравовъ и обычаевъ народныхъ; происходящія съ нарѣчіемъ измѣненія должны разливатьъ большой свѣтъ на ходъ мысли; но подобный разборъ былъ бы естесственнo слишкомъ мешафизическимъ и попребовалъ бы познаній, копорыхъ мы почти никогда не имѣемъ въ языкахъ чужестранныхъ, а часпо даже и въ ошечесшвенномъ. И пакъ должно ограничиться общимъ впечатлѣніемъ, производимымъ нарѣчіемъ народа въ наспоащемъ его положеніи. Французскій языкъ, копорымъ болѣе говорятъ, нежели какимъ другимъ Европейскимъ, равно очищенъ упопребленіемъ и изошренъ для выраженія желаемаго предмета. Нѣшъ языка яснѣе и быстрѣе, намѣкающаго съ болѣшею легкостію и выражающаго съ болѣшею опредѣленностію что хошяпъ сказать. Нѣмецкій языкъ не споль гибокъ для точности и быспрошы въ разговорѣ. По самому свойсшву граммашическа-

го состава онаго, смысл обыкновенно заключается при концѣ предложенія. Такимъ образомъ удовольствіе прерывать разговоръ, что дѣлаешь его столь одушевленнымъ во Франціи и заспавляешь говоришь поспѣшиѣе о томъ, что за нужное починаяшь сообщить, сіе удовольствіе не можешь существовать въ Германіи: ибо начала предложеній ничего не выражаютъ безъ окончанія; каждому должно предоспавишь приличное для него пространство, что гораздо лучше въ отношеніи къ существу вещей и вѣжливости, но за то не столь занимательно.

Нѣмецкая вѣжливость гораздо искреннѣе, но съ меньшими оппѣнками, нежели Французская; во всемъ видно болѣе вниманія и осмотришельности къ различнымъ сосипояніямъ. Во Франціи болѣе ласкающъ, нежели щадящъ, и какъ обладающъ искусствомъ все обозначашъ, то гораздо охотнѣе касающъ до самыхъ употребленныхъ предметовъ. Нѣмецкій языкъ весьма блистателенъ въ Поэзіи, весьма обиленъ въ Метафизикѣ, но и весьма ограниченъ въ разговорѣ. Французскій, напротивъ, истинно богатъ только въ обо-

ропахъ, означающихъ самыя тонкія отношенія общества, но бѣденъ и ограниченъ во всемъ принадлежащемъ къ воображенію и Философіи. Нѣмцы не столько желаютъ нравиться, сколько опасаются навесни скуку. Отсюда происходить, что они подчинили по мѣрѣ возможности вѣжливостъ правиламъ; и языкъ ихъ, споль сильный въ книгахъ, сдѣлался слишкомъ рабскимъ въ разговорѣ отъ обременяющихъ его условныхъ выраженій.

Я помню, что во время пребыванія моего въ Саксоніи, однажды на лекціи метафизической, знаменитый философъ упоминалъ часно о Баронѣ Лейбницѣ, и въ рѣчи своей не могъ ни одного раза опустить шипло Барона, нимало не совмѣстное съ именемъ великаго человѣка, умершаго уже почти за цѣлое столѣтіе предъ шемъ.

Нѣмецкій языкъ удобнѣе для Поззіи, нежели для прозы, и болѣе для прозы письменной, нежели разговорной; это орудіе весьма способное къ живому описанію, или точному выраженію: но на Нѣмецкомъ языкѣ нельзя, какъ на Француз-

скомъ, перебирашь слегка представляющіеся различные предметы. Если расплагаешь слова Нѣмецкія, какъ въ разговорѣ Французовъ, то исчезла бы вся ихъ приятность и все ихъ достоинство. Нѣмцы умѣютъ съ пользою проводить время, а Французы заспаваютъ забываешь оное.

Хотя смыслъ періодовъ Нѣмецкихъ изъясняется часто на концѣ, но расположеніе словъ не позволяешь всегда оканчиваешь фразу выраженіемъ самымъ сильнымъ; а это составляетъ одно изъ лучшихъ средствъ подѣйствовать въ разговорѣ. У Нѣмцовъ рѣдко услышишь такъ называемыя острые слова: у нихъ надобно удивляешь самымъ мыслямъ, а не придаваемому онымъ блеску.

Нѣмцы почитаютъ нѣкоторымъ образомъ за шарлатанство блестящее выраженіе и употребляютъ болѣе отвлеченное, ибо оно гораздо опредѣлительнѣе и ближе къ самому существу истины; но въ разговорѣ не должно быть ни малѣйшаго пруда ни для слушателей, ни для говорящаго. Когда дѣло идетъ не о

общихъ выгодахъ жизни и когда вступающъ въ область мыслей, по разговоръ въ Германіи спановишся слишкомъ мешафизическимъ; нѣшь середины между обыкновеннымъ и возвышеннымъ; а искусство вести разговоръ приобрѣшается однакожь въ подобномъ средоточіи.

Нѣмецкій языкъ имѣеть веселость, ему только свойственную; въ обществѣ не сдѣлалась она робкою, а добрые нравы сохранили ея чистоту! Но это народная веселость, общая всѣмъ сословіямъ. Спранные звуки словъ, ихъ древняя простота придающъ шуткамъ нѣчто живописное, копорыми просный народъ можеть забавляшся наравнѣ съ людьми высшаго сословія. Нѣмцы не споль зашрудняются, какъ мы, въ выборѣ выраженій, ибо языкъ ихъ, не будучи споль часто упошребляемъ въ разговорѣ людей большаго свѣша, не соспавленъ, подобно нашему, изъ словъ, копорыя опъ случая, опъ приложенія, опъ сравненія дѣлаюшся смѣшными — изъ словъ, копорыя, испытавъ всѣ перевороты общества, несправедливо, можеть быть, исключены, но не могушь бышь опяшъ допущены. Гнѣвъ

часто выражался на Нѣмецкомъ языкѣ: но языкъ сей не превратился въ орудіе насмѣшки, и употребляемыя слова сохраняютъ испинное свое значеніе и всю силу, что составляетъ особенное преимущество его: но за то на Французскомъ можно выразить множество тонкихъ замѣчаній и привѣтливый, къ которымъ языкъ Нѣмецкій доселѣ неспособенъ.

Бороться съ мыслями должно на Нѣмецкомъ, съ людьми на Французскомъ; углубляться должно съ помощію Нѣмецкаго, достигать цѣли говоря по Французски: одинъ живописуетъ природу, другой общество. Гете, въ своемъ романѣ: *Вилгельмъ Мейстеръ*, заставляетъ говорить Нѣмку, что она предвидѣла измѣну своего любовника, ибо онъ написалъ къ ней по Французски. Въ самомъ дѣлѣ языкъ нашъ изобилуетъ оборотами для того, что бы говорить что либо и въ то же время ничего не сказать, обнадежить не обѣщая, даже обѣщая, не обязываясь исполнить. Нѣмецкій языкъ не столь гибокъ и пускъ осмѣаешься таковымъ: ибо что можешь быть опшрашипельнѣе, эпито Нѣмецкаго нарѣчія, когда выражаешь

имъ ложь какого бы то ни было свойства. Расхлябанное словорасположеніе, часно повноряемая согласныя, ученая Грамматика его лишаютъ всякой приажности въ тонкихъ изворотахъ; и можно сказать, что онъ спановится упругимъ самъ собой вопреки намѣренію говорящаго, когда хопяпъ на немъ измѣнитъ испинѣ:

(Изъ Соч. Гжи Спаль sur l'Allemagne.)

А. Г.

ПИСЬМО ИЗЪ РЕВЕЛЯ.

Въ домѣ *герноголовыхъ* (Шварценгейпшеровъ) я былъ въ первый разъ во время концерта Джіованни Фиданца, Испальянскаго пѣвца, который (такъ сказано было въ афишѣ) возвращался въ свое оперешиво. Въ концертѣ участвовали первые артисты здѣшняго театра: Г. г. Бейеръ, Біанки и Гжа Шверинъ. Посѣшителей было не много: билеты раздавались медленно.

Увертюра кончилась. Жисѣли пригешовились аплодировать Испальянскому

Орфею, удостоившему ихъ Reval своимъ посѣщеніемъ, и которыи нарочно своропили съ прямой дороги, желая доставить имъ такое нечаянное удовольствіе. Джіованни Фиданца показался *съ гитарой за плечами*, ведя подъ руку Гжу Шверинь. Онъ игралъ на титарѣ довольно приятно, пѣлъ съ большимъ искусствомъ, но слабо — опъ того ли, что въ низкой и загроможденной залѣ нельзя было ожидать хорошаго резонанса, или опъ неудовольствія на худой приемъ публики. *Бѣдный пѣвецъ!* Повидимому въ немъ нѣтъ этой гордости, опличающей иногда съ избыткомъ первокласныхъ арписповъ. Гжа Шверинь пѣла, какъ и всегда, очень хорошо; эту актрису наши Петербургскіе всегда встрѣчаютъ рукоплесканіемъ: ея талантъ, простиона манеровъ и скромность заслуживаютъ уважанья ея. Концертъ кончился скоро; зрители разошлись, разговаривая между собою о бравурныхъ аріяхъ, руладахъ и варіаціяхъ. Я со своимъ знакомцемъ, членомъ общества *герноголовыхъ*, обѣщавшимъ мнѣ показанья всѣхъ рѣдкости своего клуба, оспался въ залѣ. Здѣсь даются балы и концерты,

сюда приходятъ Ревельскіе полишики почищать газеты, поговорить объ важныхъ происшествіяхъ и подивиться безпресшаннымъ переспрълкамъ нашихъ журналистовъ. (Здѣсь получающся многіе Русскіе журналы.) Зала убрана очень просто: люстры, зеркала и мебель стариннаго вкуса. Промежутокъ оконъ (здѣсь всего два окна) украшаетъ портьера ображаемаго Государя,

Кого безсмертная ЕКАТЕРИНА
Надеждою Россіи нарекла,
Кто низложилъ героя-исполина,
Чья грудь опечесшву щипомъ была.

Должно сказать съ сожалѣніемъ, что художникъ, копировавшій съ Жерара, во многомъ опспунилъ опъ подлинника. Въ лицѣ мало сходсшва.

Мой шоварищъ взялъ ключи у старшины и мы пошли вверхъ. Я остановился въ передней нижняго этажа; вниманіе мое остановили: модели кораблей, прицѣленные къ пополку, гербъ Шварценгейпшеровъ, голова Мавра съ повязкою, и между музыкальными пупитрами, скамьями и всякимъ хламомъ, большая карпи-

на, изображающая Карла XII. Побѣдитель при Нарвѣ представленъ сидящимъ на бѣломъ, гордомъ конѣ, съ обнаженною шпагою; вдали вѣютъ знамена его страшнаго войска; густая пыль, покрывающая все изображение, *усуѣубляетъ* дѣйствіе перспективы.

Въ первой комнапѣ верхняго эпажа надъ дверями виситъ огромный доспѣхъ вороненаго желѣза. Вошъ турнирные ланцы съ шупыми концами и рукояшкою. По стѣнамъ разсѣялены портреты прежнихъ владѣтелей. Нѣкоторые написаны весьма плохо, другіе превосходно: знашокъ могъ бы здѣсь опличить кисть Вандика; но

Я въ живописи знахокомъ
 Себя не почиаю,
 Хошъ иногда карандашомъ
 Въ альбомы и мараю;
 Но я съ палишрой не знакомъ.

Припомъ

Крылова часпо я чишаю;
 А онъ намъ понко даль поняшь,
 Чпо дѣло мастера боится:
 Тому не лучше ли молчашь,
 Кшо не умѣешъ изъяснишься ?

Люцернскій Герой Гуспавъ Адольфъ, въ лавромъ вѣнкѣ, съ жезломъ и въ огромныхъ сапогахъ съ кружевами — вопшъ все, что можно сказашъ о семъ дурно нарисованномъ портретѣ. Напрасно искаль я на лицѣ сего превосходнаго Государя благороднаго мужества и великодушія — добродѣтелей, его обезсмертившихъ. Подлѣ него Царь Иванъ Васильевичъ III. Его великолѣпное плашье, унизанное изумрудами и яхонтами, не опдѣляется ошъ полошна. Живопись грубая, иконописная.

Въ этой же комнашѣ показывается за чудо огромная створчатая картина, названная, не знаю по чему, *Жизнiю Св: Маврицiя* *). — Объ ней разсказываютъ анекдотъ, извѣстный почти каждому Ревельскому жителю. Эта картина испорчена была изъ зависти Каполиками, что опечаливало господъ Шварценгейншеровъ, почтившихъ ее за превосходнѣйшее произведение, какимъ шолько можетъ похвасташъ ихъ рыцарскiй городъ. Къ счастью нашелся въ нынѣшнемъ (1825) году

---

*) *Побѣдка въ Ревель*. стран. 97.

художникъ, который обѣщаетъ очистишь ее отъ посторонней поправки, сполько ее обезобразившей. На переднихъ дверцахъ каршины бѣлою краскою, съ красноватою оппѣвкою, написано *Благовѣщеніе*. Внутри Саваоѣ, Божія Матерь, Іоаннь Крещитель и еще нѣсколько святыхъ стоящихъ на колѣнахъ. Хопя и предувѣдомиль я васъ въ моемъ неискусствѣ цѣнишь живопись; но замѣчу, что манерь ея напминаешъ Голбейна, или Дюрера, и въ шакомъ же родѣ какъ и Toden-Tanz *). Въ оглавленіи рѣдкостей упомянуто, что каршина взята изъ монастыря Св. Бригиттшы и подарена обществу однимъ изъ его членовъ. Въ углу комнаты поставлень небольшой памятникъ, въ видѣ пьедестала, въ воспоминаніе трехсолѣшняго юбилея принятія Люперанскаго исповѣданія въ Эспляндіи. Огромные серебряные кубки свидѣтельствуютъ о богатствѣ и умѣньи пожиль и попись прежнихъ Рыцарей. Нѣкоторые изъ кубковъ,

---

*) *Пляска мертвыхъ*, извѣстная картина въ Ревелѣ. См. *Календарь Музѣ* 1826, стран. 69.

сдѣланные на подобіе ноги серны, подарены Русскими Государями.

За неимѣніемъ мѣста въ залѣ нѣсколько поршрешовъ помѣщено въ боковой комнатѣ. Въ семь уединеніи я увидѣлъ двухъ Государей, любившихъ славу болѣе всего на свѣтѣ, хощя ихъ средства къ достиженію извѣстности и безсмертія были совершенно противоположны: великолѣпнаго Людовика XVI, въ раззолоченныхъ лапахъ и въ красной маншіи, и знаменитую Королеву Шведскую, прославленную Вольшеромъ:

A sa mine galante et fière
 D'amazone et d'avanturière,
 A ce nez de consul romain,
 A ce front altier d'heroïne
 A ce grand oeil fier et hautain,
 Soudain je reconnus Christine.

Черты лица этой ученой Государыни правильны и благородны: но на ея устахъ нѣтъ улыбки — въ глазахъ ея холодный блескъ ума, и эшопъ взглядъ выражаетъ какое-то непріязненное чувство. Можно ли удивляться такой женщинѣ, коюрой были вовсе неизвѣстны мирныя добродѣтели?

Мелькомъ взглянувши на оспальныя карпины и опасаясь бысть въ пягость своему поварищу (мы пробыли здѣсь два часа), я поблагодарилъ его и раскланялся.

Наружность дома *терноголовыхъ* довольно приятна: ее украшаютъ два чепвероугольныхъ барельефа, изображающіе конныхъ рыцарей въ полномъ вооруженіи съ опущенными забралами и поднятыми коньями. Надпись на дверяхъ показываетъ, что домъ построень въ XVI столѣтіи.

* * *

~~~~~

П И С Ь М О.

Начальника Миссиі, опправленной по Высочайшему повелѣнію въ прошедшемъ 1824 году для обращенія оупь идолопоклонства въ Православную Христіанскую вѣру Самоѣдовъ, обитающихъ Архангельской Губерніи въ Мензенскомъ Уѣздѣ *).

Я общался прислать къ Вамъ описаніе послѣдней опправки до сего въ Тунд-

---

*) Письмо сіе писано къ одной почтен-

ру, и вопшъ оно: і прошлаго Юля на купленномъ и опдѣланномъ Миссією суднѣ ошправились мы изъ Мезени, и при хорошемъ, попутномъ вѣтрѣ, 2 числа, менѣе, нежели въ одни сущки, прибыли на Канинъ, въ рѣку Чижу, куда и шли. Первый шагъ на землю сдѣлалъ я съ образомъ Спасителя. Вышедши всѣ на землю, ошправили пошчасъ Спасителю и Божіей Машери молебствіе. Здѣсь нашли двѣ промышленныхъ избы и баню. Въ одной избѣ жили мы, гдѣ пекли и хлѣбы на все наше многлюдство, очень покойно. Сколько въ близкомъ разстояніи отъ сей рѣки ни стояло Самоядоеъ, по часямъ, въ разные дни, всѣхъ ихъ здѣсь обрашили и крестили. Здѣсь крещень первый богачъ Канина Самоядинъ Илья Баркулевъ съ семействомъ. У шрехъ крестившихся, женатыхъ его сыновъ, не мало крестилось мальчиковъ и дѣвочекъ: еще крещень здѣсь очень умной и бойкой Десяпской, конорой нынѣ, какъ всѣми замѣченъ, весьма

ной духовной особѣ, копорая по благосклонности своей сообщила оное для напечатанія къ Издателю *Благонаимѣреннаго*.

горячій въ вѣрѣ Христіанинъ. Три сына его, крещенные же съ нимъ, усмотрѣны мною очень острыми. Отець хочеть ихъ обучить грамотѣ; но мать нынѣ, по привязанности къ нимъ, не соглашалась на вывозъ ихъ въ Мезень. Черезъ двѣ недѣли крещено здѣсь 40 человекъ. За симъ, не знаю, какъ описать нашъ вояжъ. Представыше, что каждый изъ насъ по одиначкѣ сидитъ на легкихъ санкахъ; подъ каждымъ въ упряжкѣ по 4 оленя, а шолько подо мною 5, шакъ какъ у меня на санкахъ еще и извощикъ Самоядинъ; ѡдемъ прямо, безъ всякой дороги шундрою, чрезъ горы, коихъ шуть много, чрезъ ручьи, даже чрезъ рѣчки, по вѣрѣ (шакъ называется здѣсь въ аршинъ и два вышиною распуцій ивовый, частый куспарникъ) чрезъ великое распояніе, по кочкамъ, или большимъ и частымъ грядамъ шундры, по мокрымъ, а иногда шолько зыбкимъ мѣстамъ, что олени всѣ понушъ и плавають въ блашѣ и съ нашими санками, и выскакивая опшуда, снова быспропекушъ по такимъ же мѣстамъ, гдѣ иѣшему о проходѣ нельзя и подумать, впередъ. Такъ проѣхали мы не менѣе 250

верспъ, или гораздо болѣе. Оленей перемѣняли въ распановленныхъ чумахъ чрезъ 50 верспъ, или болѣе. Дорогою крестили 10 Самоядовъ. Съ превысокой горы свергли двухъ идоловъ, подобныхъ описаннымъ мною прежде. Болѣе, нежели за 100 верспъ, увидѣли мы Канинскій хребтъ (каменной горы, покрытой дерномъ), и на немъ по разнымъ мѣстамъ снѣги. Чумы шлояли не по прямой линіи, шакъ и мы много кружили и наконецъ прибыли къ самому хребту (на дальнемъ концѣ Канина), гдѣ Самояды всѣ собрались въ одно мѣсто безъ женъ и дѣшей, съ шемъ нарочишо, что бы проповишься Миссіи. Въ самомъ дѣлѣ: ни предложенная всѣмъ вообще проповѣдь, ни частныя убѣжденія, ни многократное прочишываніе и объясненіе Высочайшаго Указа Господиномъ Исправникомъ, ни объявленіе имъ щедротъ Монаршихъ, не могло преклонить и опврашить ихъ отъ упорствованія, которому научили ихъ, какъ сами явно и открыто здѣсь признались, Русскіе ихъ хозяева. Спрашась погибнуть безъ хлѣба, въ коемъ имъ, въ случаѣ крещенія, грозась опказашь, а еще болѣе спрашась новой Нико-

ніанской вѣры, и *шепоту* (нельзя описать подробно всѣхъ недѣлоспей, какія хозяевами—раскольниками Самоядамъ напѣтованы), они дерзко и даже грубо и прошивъ Г. Исправника, шакъ какъ всѣ въ совокупности, сопротивляются. Обращено и крещено изъ нихъ здѣсь 4 человека, изъ коихъ одинъ ихъ Соцкой (ихъ начальникъ, коего они чшупъ и бояшся), а другой особливой богачъ. У сихъ и прежнихъ богачей восприемнымъ опцомъ былъ Г. Исправникъ. Въ присутствіи всѣхъ здѣсь Самоядовъ 19 и 20 числа Іюля опправляемы были всенощное бдѣніе, часы и молебствіе съ водоосвященіемъ для освященія и здѣсь пундры, копорую вездѣ, гдѣ ни оспанавливались, освящали: поелику съ самага начала, даже до сего мѣста, къ крайнему ушѣшенію и восхищенію нашему, позади насъ вездѣ спояли уже Христіанъ-Самоядовъ чумы, въ коихъ мы и оспанавливались и жили не шолько безъ всякой скуки (по непривычкѣ), но даже съ большимъ удовольствіемъ, видя ихъ усердіе, ожиданіе, приверженность, даже и малыхъ дѣшей и всѣхъ вообще нелицемѣрную любовь. Уже совсемъ другое въ

Чумахъ ихъ, нежели некрещенныхъ. Нѣтъ падалики: нѣтъ и худаго и въ чуму, и опъ нихъ самихъ запаха. Сами ежедневно моюшся, чего некрещенные не дѣлають, и чумъ держашъ опряшнѣе: это произво- дить удивительную въ нихъ перемѣну. Они спановяшся веселѣе и свободнѣе въ обращеніи. Сіе всѣми нами замѣчено. Видя же явное и рѣшишельное сопротивле- ніе некрещенныхъ, 20 Іюля мы опбыли обратно къ своему судну, близко къ намъ подошедшему при случившейся повѣпери, а Г. Исправникъ поѣхаль въ Пустозерскъ. На обратномъ пуши еще мы нашли и крестили 12 Самоядовъ. Дождавшись по- пупнаго вѣпра съ конца Канина, паки пришли на средину, въ рѣку Чижу. Най- дя очень удобное и превыгодное мѣсто для церкви и дома священно и церковно- служителей, водрузили на немъ честный крестъ, и совершили ему праздникъ 1 го Августа съ освященіемъ воды на рѣкѣ Чи- жѣ. Паки посѣщили здѣсь чумы крещен- ныхъ и о всемъ нужномъ для нихъ въ по- слѣдствіи съ ними переговоры. До глу- бины сердца пронуло всѣхъ насъ и даже до слезъ, какъ усердно идя за нами богачъ

Баркулевъ, десятской, другіе, и малые дѣти, насъ, опъѣзжающихъ опъ нихъ, провожали. Лѣсовъ въ Канинѣ вовсе нѣтъ. Крайне эшо тревожило, нарочно проѣхали въ Несь: и здѣсь, слава Богу! нашли хорошіе лѣса липшвенничные на церковь и домъ. Впередъ и обратно по морю плавали и въ Тундрѣ жили благополучно и и весело. 13 числа прибыли въ Мезень. Покорнѣйше прошу всѣмъ опъ меня нашимъ кланяясь и сіе желающимъ изъ нихъ прочесть. Подарише и меня, сущаго опъ васъ далече, подобнымъ описаніемъ вашего пребыванія.

24 Августа

Вашъ покорн. слуга.

1825.

~~~~~

Р ъ ч ь,

говоренная по отправленіи панихиды по ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ, ГОСУДАРѢ ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ ПАВЛОВИЧѢ, Павломъ, Епископомъ Вяпскимъ, въ Вяпскомъ Каѳедральномъ СоборѢ, въ 12 день Декабря 1825 года.

Не прошло еще у насъ и десяти дней, какъ всѣ мы, печальные слушатели, всѣ сынове Россійскіи, съ чувствомъ радости и благоговѣнія, ожидали дня сего, дабы предъ олшаремъ Господнимъ возрадоваться, яко же и прежде, о ЦарѢ своемъ и пролить предъ Вседержителемъ теплыя молитвы, моленія и прошенія о продолженіи драгоценныхъ дней Монарха, Ангела хранишеля нашего: но вмѣсто того что мы теперь совершаемъ, пораженные горестію жестокою и внезапною?—Вмѣсто торжественныхъ пѣснопѣній въ день сей, прежде радостный, а нынѣ жестокой, изливается предъ Господемъ душа наша—вмѣ-

что собранія свѣплыхъ ликовъ, облачаем-
 ся въ одежду плача, туги и сѣпованія,
 збо мирный Ангель, оспавя насъ-сырыхъ,
 оплешѣль опъ насъ на небо—вмѣсто ра-
 досныхъ другъ другу привѣстній, вмѣ-
 сто сыновнихъ желаній изъ глубины ду-
 ши и сердца о пробавленіи дней Оица
 своего. Оица Опечества нашего, изпе-
 кавшихъ у каждаго вѣрноподданнаго (да
 и кпоже могъ не бытъ вѣрноподданнымъ
АЛЕКСАНДРУ I?), вмѣсто всего сего мы
 единственнѣй день сей обратили въ день
 глубокаго унынія—мы особенно, обиташе-
 ли града сего. Не много еще прошло по-
 му времени, какъ съ радостнымъ воспор-
 томъ наслаждались мы лицезрѣніемъ Ца-
 ря кропкаго, Оица чадолубиваго въ семь
 градѣ; въ семь храмѣ, мы видѣли ЕГО, раз-
 глагольспвовали съ НИМЪ — мы видѣли,
 какъ ОНЪ здѣсь являлъ намъ СОБОЮ поучи-
 тельный примѣръ примѣрнаго благоче-
 стія и благоговѣнія къ Святынь, нами
 хранимой — какъ ОНЪ обшекалъ здѣсь
 мѣста бѣдности и скорби, оспавленные
 единственному ЕГО попеченію; какъ ОНЪ,
 съ опеческимъ сердоболіемъ входилъ въ
 нужды наши—мы чувспвовали, какъ ОНЪ

оставляя насъ, восхитилъ сердца наши неизъяснимымъ восторгомъ сыновней къ НЕМУ преданности. Все миновалось: и лучезарное свѣтило Россіи сокрылось за горизонтъ, откуда уже не увидимъ мы лучей ЕГО въ сей мрачной для насъ нощи: Ипакъ дадимъ мѣсто горести и скорби въ сердцахъ и душахъ нашихъ; да проліются слезы наши на ланипахъ нашихъ о лишеніи Великаго во Царѣхъ земныхъ АЛЕКСАНДРА. Плачьше, сынове Россіи! Плачь, Россія, вознесенная ИМЪ на верхъ благоденствія своего: ты никогда не можешь оплакать сей потерю: но вмѣстѣ покорись еудьбамъ Всевышняго, вмѣстѣ научись, яко естъ Господь, вла въ и Царствомъ человѣческимъ; естъ Бгъ вѣчный, владѣющій жизнью и смертію смертныхъ. Онъ, призывая нѣкогда раба Своего Моисея въ небесныя кровы, указавъ ему и мѣсто его кончины. *На гору възиди*, (Второз. 34, 49.) изрекъ Онъ ему, послѣ всѣхъ подвѣданныхъ подвиговъ, послѣ скончанія дней въ спарости масиитѣй, *возиди на гору, и сконтайся тамо.*—Взиди, посмотри съ мѣста високаго долу на плоды трудовъ Твоихъ, на мѣста, кои Ты покорилъ

подъ власть Свою; обьими взоромъ съ вершины горы всѣ предѣлы пупей, коими Ты проходилъ, изчисли прудности, кои Ты перенесъ — и наконецъ *сконтайся тамо*, (сп. 50.) ибо Ты уже коснулся предѣла швоихъ подвиговъ.

Плакаль древній Израиль по Моусеѣ плачемъ великимъ: но онъ зналь, что Моусей былъ во исполненіи дней своихъ. Плачь новаго Израиля, сыновъ Россійскихъ, о Моусеѣ своемъ, плачь о Царѣ нашемъ темъ сильнѣе поразиль и поражаешъ сердца наши, чемъ шверже было наше увѣреніе о вождѣлнномъ ЕГО здоровіи, среди дней, цвѣпущаго въ силѣ и крѣпости, душевной и шѣлесной, ЕГО мужеспва, чемъ живѣе и оцупишельнѣе наше наслажденіе миромъ, пишиною и благоденспвіемъ, каковымъ съ преизбышкомъ упоены мы подъ державнымъ ЕГО скипепромъ. Такова надежда, шаковы желанія челошеческія—впрочемъ самыя свяшыя и непорочныя: но что онѣ значашъ предѣ Величеспвомъ Судебъ Божіихъ?—По вѣрѣ нашей мы не сомнѣваемся, что успшій Монархъ нашъ давно уже слышалъ гласъ Господа, воззавшаго попомъ ЕГО въ небесное жи-

лице Свое — ибо жизнь Праведника не лѣшми измѣряется, а подвигами въ добродѣтеляхъ. По вѣрѣ нашей мы не сомнѣваемся, что Вождю новаго Израиля указаль Господь гору высокую, съ которой узрѣль ОНЪ мѣру и исполненіе своихъ безчисленныхъ попеченій, трудовъ и бремени для блага Опецества нашего и внѣшнихъ народовъ, ИМЪ подъяныхъ, и потомъ дароваль ЕМУ покой и сладость мира въ горнемъ жилищѣ угошовааннаго.

Время шягостныхъ трудовъ, каковыми каждая минуша жизни сопровождалась, прошло уже для праведнаго Самодержца. ОНЪ почиль ошъ нихъ, источники заботъ и попеченій на пупи многотруднаго Царствования изсякли для него навѣки — и *Богъ отбѣль всякую слезу отъ огію Его, и смерти для него не будетъ ктому.* Но мы, Сл., еще во времени, а пошому будемъ еще поучашь изъ примѣра, оспавленнаго намъ ошшедшимъ къ Богу Монархомъ, какъ послушашь со временемъ, ежедневно и ежечасно ушекающимъ. Жизнь человѣческая исполнена суешь, скорбей и печалей. Такъ по большій часши мы говоримъ. И она ешть

драгоцѣннѣйшее благо для приугошовленія нашего къ будущей жизни: она есть преддверіе къ жизни вѣчной, коей всѣ мы часемъ о Іисусѣ Хриспѣ. Безсмертіе въ блаженной вѣчности приобрѣщается въ сей жизни, слѣдовательно не можно, да и не должно чрезъ мѣру выславлять жалоспъ жизни человѣческой, какъ обыкновенно посшупають тѣ, кои, мало понимая о будущемъ своемъ предназначеніи, осыпають жизнь настоящую упреками. Она достойна оныхъ тогда, когда прошекаешь въ занятіяхъ, посрамляющихъ человека — когда чувствуешь и спрашишь управляющихъ имъ. Но Хриспанинъ, водимый духомъ Евангелія, исполненный мыслей высокихъ и благородныхъ объ угошованныхъ ему благахъ въ жизни будущей — Хриспанинъ, украшающійся плодами благихъ дѣлъ, освящаетъ жизнь настоящую, дорожитъ каждою ея минутою, благодаритъ Господа о ея продолженіи, не сокрушается о ея поперѣ. Такова жизнь Праведника! Такова жизнь, Россіане, прешавльшагося въ мирѣ Благочеспивѣйшаго ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I. Теченіе дней ЕГО далеко не достигло, по мыслямъ нашимъ, предѣ-

ловъ жизни, каковыхъ достигаютъ многие, и мы желали бы ЕМУ сего многолѣтня съ пожертвованіемъ собственной жизни, ежели бы по было возможно. Но Богъ измѣрилъ число дней ЕГО своею мѣрою. Такъ успшій Самодержецъ! Мы, взирая на великія дѣла ТВОИ, истинно и неложно можемъ сказать о ТЕБѢ, или лучше: ТЫ САМЪ въ дѣлахъ СВОИХЪ, ТОБОЮ для насъ ославленныхъ, въ мирѣ и покоѣ, ТОБОЮ для насъ упроченномъ, въ вѣрѣ и благочестіи, ТОБОЮ въ насъ насажденномъ, ТЫ САМЪ изрѣкаешь о СЕБѢ во уши наши сію благочестивую со Апостоломъ похвалу: «Любезные Россіяне! Я все для васъ сдѣлалъ, что только Богъ благоволилъ совершить чрезъ МЕНЯ для вашего счастья и благоденствія; Я подвизался для васъ въ печеніе двадцатипятилѣтняго Царствованія МОЕГО *подвигомъ добрымъ*, (2. Тимое. 47), чему сами вы свидѣтели. Я уже *скончалъ течение* на многотрудномъ поприщѣ Самодержавствованія; *соблюлъ Вѣру* во Иисуса Христа: *Протее чюбо соблюдается Мнѣ вѣнецъ правды* (сп. 8.) въ Царствіи Небесномъ, куда призвалъ МЕНЯ Царь цар-

спвующихъ . Вы же ушѣштесь, яко Господь милосердый не оставишь васъ сирыхъ . Царь, избранный Имъ изъ дома Ошца МОЕГО, единокровный мой, упокоишь и унасешь васъ въ грядущія лѣта, и будешь для васъ Спасишелемъ, какъ и Я былъ, яко рука Господня съ НИМЪ и милоснь его съ НИМЪ., Печальные Слушатели ! будемъ внимашь гласу сему, вѣщающему сердцамъ нашимъ ошъ горняго жилища Господня, и вмѣстѣ дозволимъ себѣ пролишь слезы о лишеніи Любезнѣйшаго Государя . Слезы сіи лучше изваній бездушнаго мрамора будешь свидѣшельспвовань любовь нашу къ НЕМУ и всегдашнее о НЕМЪ воспоминаніе . Памяшь ЕГО пребудешь для насъ и послѣдующихъ родовъ вѣчною въ имени ЕГО и безсмертныхъ ЕГО дѣянійхъ . Сіе шолько оштаешся по смерти праведника .

Боже духовъ и всякія плоти ! по непреложному обѣщанію Твоему, сошвори, Молимъ Тя присно, да душа преспавльшагося ошъ насъ Благочесшивѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I. почишь во свѣшлоспехъ святыхъ Твоихъ, въселеніи праведныхъ во вѣки вѣковъ, Аминь .

АНЕКДОТЫ *).

1.

Фридерикъ II далъ съ вечера приказаніе новому своему каммердинеру разбудить себя на другой день въ чешыре часа ушра. Въ назначенное время каммердинеръ вошелъ въ спальню Короля и разбудилъ его. — “ Дай мнѣ уснуть еще не много, сказалъ Фридерикъ II: я такъ уснулъ., — Ваше Величество приказали мнѣ придти въ чешыре часа. — “Еще не болѣе 15 минушь, слышишь ли?., — Ни одной секунды! Уже прошло чешверть часа. Вспавайте, Ваше Величество! — “Бышь поповоому, сказалъ Король: ты исправный малой; люблю кпо съ такою почностію исполняешь свою должностъ **).,,

2.

Въ то время, когда Франциска I вели, какъ военноплѣннаго, въ Мадридъ, одинъ Испанскій гренадеръ, продравшись

---

*) Съ 3й книжки пойдушь и Русскіе анекдоты.

**.) Много естъ подобныхъ сему анекдоту и о великомъ нашемъ Суворовѣ.

сквозь толпу, поднесъ ему золошую пулю и сказалъ: “Ваше Величество! прекрасная ваша жизнь не должна была прекратиться опъ обыкновенной пули: эту золошую пулю вылилъ я нарочно, что бы убить васъ; но ненашедши къ тому случаю ни въ одномъ сраженіи, осмѣливаюсь шеперь поднести ее вамъ., — Монархъ-плѣнникъ съ добродушіемъ принялъ споль спранный подарокъ и наградилъ гренадера.

3.

Акшерь Сарразень въ первый дебютъ имѣлъ самый блестящій успѣхъ. Дюмираль, кошораго роли игралъ Сарразень, не могъ, несмотря на свою посредственность, перенести шакого униженія опъ актера, въ первый разъ выступившаго на сцену. Удобно нашель онъ случай поссориться съ нимъ и предложилъ ему дуэль на шагахъ. Сарразень опвѣчалъ, что онъ вовсе не имѣеть охоты рѣзаться.— “Такъ ты человекъ безъ души и безъ чести!”, сказалъ ему Дюмираль.— Другъ мой! возразилъ Сарразень, когда естъ душа, то надобно беречь ее для ролей; а что касается до чести, то вступаая сюда, оставляюшь ее у дверей.

4.

Одинъ лакей, выигравъ кучу денегъ въ игорномъ домѣ, взялъ для себя наемную карету (фіакръ). Когда надобно было ѣхать, то онъ, вмѣсто того, что бы сѣсть въ карету, по старой привычкѣ спалъ на запышки. — “Что вы эшо, баринъ, дѣлаете? сказалъ ему кучеръ: вѣдь вы для себя наняли карету., — Правда пвоя, отвѣчалъ онъ: я было и позабылъ.

5.

Гжа де Лонгевиль умирала со скуки въ Нормандіи, гдѣ мужъ ея долженъ былъ прожить съ нею очень долго. — “Вы скучаете, сударыня?,, спросили у нея знакомые. — Несносная жизнь! — “Но вы можете имѣть разсѣяніе, наиримѣрь: здѣсь есть прекрасныя собаки и лѣса; поѣдемъ же на охошу., — Нѣтъ, я не люблю охошы. — “Не хопите ли заняться работою?,, — Нѣтъ, я не люблю работашь., — “Такъ не угодно ли вамъ прогуляшья, или играшья во что нибудь?,, — Нѣтъ, не люблю ни того, ни другаго. — “Чего же вы хотите, сударыня?,, — Чего я хочу? Я не люблю *невинныхъ удовольствій.*—

6.

Какой-то Французскій солдатъ, бывъ на дуели съ однимъ изъ своихъ поварищей, получилъ опъ него смершельный ударъ шпагою. Однако же онъ имѣлъ еще сполько силы, что повалилъ его и обезоружилъ. “Дарю шебѣ, сказалъ онъ ему, по, что пы у меня опняль.,” — и въ шу же минушу умеръ.

7.

Нѣкто испощилъ всѣ возможныя хипроспи для поддержанія своего кредитпа. Однажды получилъ онъ вдругъ опъ пяпи, или шеспи заимодавцевъ своихъ письма, кошорыми пребовали они скорѣйшей уплаты своего долга. — “Вошь хорошо! вскричалъ онъ съ досадою. Какого шруда спощишь мнѣ занимашь деньги; спану же я еще мучишь себя, что бы опдавать ихъ!,”

8.

Одному креспьянину пришла охоща записашься въ солдашы. Вошь онъ явился къ Полковнику, кошорый спросилъ его, чувспвуешъ ли онъ себя въ соспоянii но-

сипь ружье. — “Помилуйше, Г. Полковникъ! опвѣчалъ оскорбленный шакимъ вопросомъ крешьянинъ: да я снесу цѣлую дюжину ружей.,”

(Изъ разныхъ иностранныхъ журналовъ.)

О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

3. *Антенскій Пустынникъ или изображение Парижскихъ нравовъ и обычаевъ въ началѣ XIX столѣтїя. Сот. Г. Жуи. Перевелъ съ Французскаго С. де Шанлетъ, Членъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности.* Часъ первая и впорая. Съ гравированнымъ заглавнымъ листомъ и карпинкою при каждой часпи. С. п. бургъ. Въ шипографіи Александра Смирдина. 1825. въ 8 ку. Въ первой часпи 327, во впорой 336 сбран.

Вошъ книга, кошорую смѣло можно рекомедовашъ всѣмъ любителямъ приятнаго и полезнаго чшенїя (и спарикамъ и молодымъ людямъ и дамамъ) и кошорая заключаешъ въ себѣ при достоинства, рѣдко случающїяся у насъ вмѣстѣ: она очень хо-

рошо написана, очень хорошо переведена и очень хорошо напечатана. О Г. Жуи говорить нечего. Этого шонкій наблюдатель нравовъ и остроумный писатель принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ словесниковъ, копорые забавляя, непримѣнно исправляютъ и предостерегаютъ. Г. де Шаплешъ, извѣстный уже нашей Публикѣ прекраснымъ переводомъ *Лондонскаго Пустынника*, заслуживаетъ искреннюю благодарность отъ всѣхъ любителей отечественной словесности за то, что принялъ на себя трудъ перевести и *Антенскаго Пустынника*, копорый служилъ для перваго образцемъ. Сдѣлаемъ мимоходомъ замѣчаніе для молодыхъ нашихъ пишперашоровъ, что не возможно узнать хорошо собственнаго своего языка, не упражняясь довольное время въ переводахъ.

По праву Журналиста выпишемъ что нибудь для удовольствія нашихъ читашелей изъ этой прекрасной книги—хоть о *Журналистахъ*

“Желаю, что бы Журналисты не употребляли во зло присвоваемой ими пишпературной власти; что бы личности и злоба не водили перомъ нѣкопорыхъ изъ нашихъ присяжныхъ кришниковъ; что бы эти господа размыслили хорошенъко о томъ, что должно имѣть гораздо болѣе ума для

сочиненія самой посредственной книги, въ какомъ бы то ни было родѣ, нежели для наполненія десяти помовъ журнальною крипикою, кошовую вѣрно поспыдмались бы писать, если бы она не была такъ прибыльна., — *Часть I, № XXVI. Подарки въ новый годъ, стран. 514.*

Книга: *Антенскій Пустынникъ*, въ пяти частяхъ, съ гравированными (и весьма хорошо) картинками, продается въ Москвѣ у А. Ширяева, а въ С. п. бургѣ у А. Смирдина, чпо у Синяго моста. Цѣна самая умеренная: за всѣ пять частей 30 р.; съ пересылкою же въ другіе города 35 р. При подпискѣ первыя двѣ части выдаются, а послѣднія при выдушѣ не позже первыхъ чиселъ будущаго Апрѣля мѣсяца.

Г. де Шапельъ занимается переводомъ и прочихъ сочиненій Г. Жуи, изъ которыхъ (*Le Franc Parleur*) *Гильолибъ Чистосердечный и Гвіанскій Пустынникъ* почти уже приведены къ окончанію.

4. *Уранія. Карманная книжка на 1826 годъ для любителей и любителей Русской Словесности. Изданная М. Погодинымъ. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго. Съ гравированнымъ заглавнымъ листомъ, въ 16 ю долю листа, 303 стран.*

Очень хорошій алманахъ и хорошо напечатанъ. Проза здѣсь перемѣшана со стихами. Прозаическія спашьи суть слѣдующія: *Веневетинова*: Утро, полдень, вечеръ и ночь. *Де Санглена*: Опрывокъ изъ жмзни и мнѣній новаго Тристрама. *Ломоносова*: Письмо къ И. И. Шувалову (весьма любопытное и показывающее въ полной мѣрѣ умъ и доброе сердце этого великаго человѣка). *Одвск*. Завѣшная книга. *Ознобишина*: Споръ. *Платона*: Письмо къ Князю Г. А. Пошетьину-Таврическому. *Погодина*: Нищій (повѣсть). Какъ аукнешся, такъ и опкликнешся (повѣсть). *Снегирева*: Синонимы. *Строева*: Ощечественная спарина. ZZ. Свѣшлая недѣля. Стихотворенія Гг. Барашынскаго, Кн. Вяземскаго, Дм. Гл., М. Дмишрѣева, В. Капциспа, Мерзлякова, М — ча, Невѣдомскаго, Нечаева, Ал. Норова, Ознобишина, Ал. Пушкина, Полежаева, П. Раича, Ропчева, Соловьева, Ф. Тюшчева, Шевырева и неизвѣстнаго, всего 54 піэсы.—Изъ прозаическихъ спашей болѣе прочихъ понравились намъ по легкому, простодушному и остроумному разсказу повѣспи Г. Погодина и *Свѣшлая Недѣля ZZ*, а изъ стихотвореній переводы Г. Раича двухъ опрывокъ изъ *Освобожденнаго Іерусалима*: *Источникъ смѣха* и *Чародѣйство Исмена въ дремцетелѣ лѣсу*. Прочія какъ стихотворныя, такъ и

прозаическія спашьи, имѣющъ шакже свое достоинство. Не многіе изъ издашелей нашихъ алманаховъ имѣли шакую похвальную разборчивость, съ какою поступилъ почтенный Г. Погодинъ въ составленіи своей карманной книжки.

Выпишемъ шакже—немножко и изъ *Ураніи*:

Свѣтлая Недѣля. стр. 299 и 300.

“Москва, исполненная спранныстей въ обычаяхъ, въ кошорыхъ нынѣшніе модники ее ежедневно упрекающъ, имѣетъ и свои собственныя спранныя добродѣтели, кошорыя рѣдко встрѣчающся въ образованныхъ городахъ. Самая привлекательная картина для глазъ челошкколюбца происходить при дверяхъ городской шюрмы. — Нельзя безъ особеннаго чувства благоговѣнія смощрѣшь, какъ шолпншся народъ къ кружку, что бы удѣлишь часть своего достоянія въ пользу несчастныхъ зашворниковъ—Однажды, въ первый день праздника, провелъ я часть утра у входа въ шюрму. — Мнѣ хотѣлось узнать, какое сословіе людей сохранило болѣе чувства, самыхъ естественныхъ природѣ челошкка—любовь къ своимъ собратамъ, состраданіе... Я видѣлъ шолпы мужиковъ, клавшихъ деньги и хлѣбы; я видѣлъ и бѣднаго солдаша, удѣляющаго часть

своего достоянія для челоуѣка, который бѣднѣе его... Я видѣлъ купцовъ, привозившихъ коробами съѣстные припасы; но, сознаюсь, замѣчанія мои были оскорбительны для другихъ сословій. Счастливицы не помышляютъ о бѣдномъ. Можетъ быть иной бы и удѣлилъ нѣсколько денегъ; но естъ ли у людей большаго свѣща время думать о тѣхъ, которые живутъ не въ свѣпльхъ госпитальныхъ, но подъ темными сводами шемницы? Припомъ на что благошвореніе людямъ, которые могутъ представишь печальныя доказательства своего добраго сердца, своего челоуѣколюбія, которые могутъ съ самохвальствомъ показать шишлы многихъ филантропическихъ обществъ, какъ на бездѣйствіе, на отверженіе слезныхъ просьбъ просящаго во имя Іисуса Христа? „

~~~~~

Омонимъ, напечатанный въ I N^o значить *Перунъ*.

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1826 — № III.

АРАБЪ, ИЛИ ГОСТЕПРИИМСТВО.

Повѣсть Г. Праделя.

Недалеко отъ древняго города Ана, столицы Пустой Аравіи. въ плодородныхъ равнинахъ, просиравющихся вдоль береговъ Евфрата, жилъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, почтенный Сулейманъ, родственникъ Шеика города Ана и начальникъ поколѣнія Фаимейдовъ. Это Арабское поколѣніе раскидывало иногда шашры свои на границахъ Каменистой Аравіи, подлѣ дороги, ведущей въ Суезъ; иногда же переносило ихъ въ прелесныя долины Іемена, обильныя смирною, бальсамомъ, амброю, алоемъ и алмазами; но гораздо чаще старый начальникъ кочующаго народа направлялъ блуждающіе шаги его къ западу, по дорогѣ въ Сирію, гдѣ переѣздъ каравановъ Меккскихъ и Св. Земли способствуешь размѣну произведеній той страны на шелковыя манеріи Моссуль-

скія, оружіе Дамасское и богатыя шкани Кашемирскія.

Дѣшскія ласки Эмиры, единственней дочери Сулеймана и спрасно любимой имъ женщины, соспавляли единственное его наслажденіе, единственное его счастье. Прекрасная Эмира, вспутившая уже въ принадледашую весну, съ кропоспю и живоспю газеллы *) соединяла въ себѣ всѣ прелести своего пола. Имѣя отъ природы доброе, чувспвительное сердце, она не знала другихъ удовольствій, кромѣ шѣхъ, копорыя нравились лучшему изъ ошцовъ. Не было во всемъ поколѣніи Фапмеидовъ споль послушной и нѣжной дочери, какъ Эмира, и споль прелестной, достпойной дѣвицы, какъ она.

Извѣспно, что въ сихъ спранахъ, подѣ палящимъ небомъ, природа, ускоряешъ развитіе всѣхъ сущеспвъ; женщины особенно, по нѣжностіи своихъ органовъ, бо-

---

*) Газелла - Африканская коза, весьма смирная и красивая. Арабскіе Поэты сравниваютьъ глаза своихъ любезныхъ съ глазами газеллы.

лѣе подверженныя вліянію климаша, дѣлающіяся способными къ супружеству въ такомъ возрастѣ, который едва выводитъ ихъ изъ дѣтства въ умѣренныхъ поясахъ Европы. Сердце Эмиры уже открылось къ новымъ впечатлѣніямъ любви. Видъ молодыхъ воиновъ производилъ въ ней такое волненіе, котораго не умѣла она изъяснить. Когда вечеромъ сидя на берегу ручейка, изливающагося въ Евфратъ, внимала она журчанію воды, мѣшавшемуся съ приятнымъ шумомъ пальмы, колеблемой вѣтеркомъ; когда пѣніе птицъ поражало ея слухъ — или, когда полуденные вѣтры, обнаживъ благовонныя равнины Іемена, доносили къ ней попоки благоуханія — какое-то непонятное и неизъяснимое безпокойство вселялось въ ея душу. Она дѣлалась задумчивою; прекрасные глаза ея невольно устремлялись на лазуревую бабочку, которая порхала по душистымъ цвѣтамъ необозримыхъ луговъ, гдѣ паслись стада кочующаго племени.

Однажды вечеромъ. Эмира въ задумчивости возвращалась къ ошцу своему, и лишь только выступила на дорогу, ведущую къ стану Фатмидовъ, какъ услы-

шала звукъ цѣпей и пронзительные вопли, за копорыми послѣдовала глубочайшая пишина. Трепеща отъ страха, идешь она далѣе: удушашющіе вздохи оледѣняють ея сердце. Она осмѣливается подойти ближе, и что же видишь?—молодаго незнакомца, распросперпаго на землѣ и плавающего въ крови своей. Несчастннй испускаешь тяжелые стоны и, повидимому, борется со смертію. Эмира, побуждаемая чувствомъ челоѣколюбія, кошорое даетъ ей мужество превыше ея силъ, оспанавливаетъ кровь, текущую изъ его ранъ; попомъ изъ ближняго источника приноситъ въ пригоршняхъ воду, омываетъ ею язвы его и прикладываетъ къ нимъ цѣлительный дикій бадьянь, распуцій повсюду въ этой долинь. Незнакомецъ откываетъ глаза; душа его, готовая отлешиться, кажется, на минушу оспановилась на блѣдныхъ его устахъ. — “Ангель небесный! сказалъ онъ: не въ раю ли я у Пророка и не вижу ли одну изъ стѣхъ божеспвенныхъ Гурій, кошорыя назначены правовѣрнымъ?,, — Несчастннй! отпвчала Эмира; я дочь честнаго Судеймана и готова пожерт-

вовашь жизнью своею для своего спасенія.—Звукъ очаровательнаго голоса проникъ, какъ тонкій пламень, въ жилы умирающаго юноши. Онъ поднимаетъ голову, съ жадностію разсмащиваетъ черпы прелестной Эмиры, и вдругъ какая-то сверхъ естественная сила возвращаетъ его къ жизни. Спусти нѣсколько минутъ вспаетъ онъ на ноги и попомъ идетъ, поддерживаемый своею благодѣльницею. Незнакомецъ хочетъ изъяснить ей свою благодарность; но Эмира проситъ его умѣрить порывы этого чувства, опаснаго въ его положеніи, и наконецъ, съ наступленіемъ ночи, приходятъ они въ шатеръ начальника Фаимеидовъ.

Сулейманъ благодаритъ Провидѣніе и милую дочь, которая доставила ему счастье оказавъ гостепріимство, самую священную добродѣтель между Арабами. Довольно было прехъ дней для выздоровленія незнакомца. Сулейманъ и Эмира узнали ошъ него, что онъ сынъ Шеика Адена, впораго города счастливой Аравіи; что прикрывая караванъ до самаго входа въ степи, подвергся онъ нападенію Бедуиновъ Окшадскаго поколѣнія и что у-

видя поварищей своихъ разбѣжавшихся при ихъ приближеніи, не хопѣлъ погибнуть безъ боя—и палъ подъ ударами непріятели. Храбрость и мужеспвенная красота Асфелира (имя молодого челоѣка) внушили живое учасніе въ спарика, который съ удовольспвіемъ слушалъ его. Сулейманъ не только увѣрять его въ своей дружбѣ и обѣцалъ дать ему большой опрядъ для препровожденія его съ богатыми дарами къ опцу; но пребовалъ, что бы Асфериръ не прежде оставиль берега Евфрата, пока выздоровѣеть совершенно. Прекрасный чужеземець согласился, и вѣрный служитель Сулеймана немедленно посланъ былъ къ Шеику города Адена, который уже оплакивалъ потерю возлюбленнаго сына.

Асфелиръ не могъ отказаться опъ великодушнаго приглашенія Сулеймана. Но излѣчась опъ ранъ, получилъ онъ неизлѣчимую рану въ сердце. Прелеспная Эмира спасла его опъ неизбѣжной смерти; инакъ могъ ли онъ смопрѣшь на нее равнодушно? — А видѣшь Эмиру, для спраспнаго, молодого челоѣка значило поже, что и любить. Всякой день

открывалъ глазамъ пылкаго юноши новую въ ней прелесць. Но что почувствовывалъ онъ, когда узналъ, что и Эмира была равнодушна къ его любви! Бросясь къ ея колѣнамъ, цѣлуя прахъ ея ногъ, клялся онъ ей, что обожаетъ ее, что никогда не будетъ имѣть другой любезной, другой супруги, кромѣ Эмиры. Слова его были столь убѣдительно, столь краснорѣчивы, что не оставили въ ней ни малѣйшаго сомнѣнія. Какія сладостныя ощущенія послѣдовали за этими обѣщаніями, за этими нѣжными клятвами, копорыя шакъ приятно повтораешь и слытаешь, когда ихъ повторають! Надобно любить со всею воспоргомъ и быть рождену подъ палящимъ небомъ Аравіи, что бы соснавилъ себѣ справедливое понятіе о восхищительномъ удовольствіи первыхъ дней любви.

По несчастію, не одинъ прекрасный Асфелиръ удивлялся прелестямъ Эмиры. Фэфшаръ, военачальникъ Сулеймана, человекъ надмѣнный и жестокій, вшайнѣ пылалъ къ ней любовію. Обладая богатствомъ, равнымъ несмѣннымъ сокровищамъ Сулеймана, и не опасаясь соперниковъ, ко-

шорые могли бы соспязашься съ нимъ въ имущесшвъ, заслугахъ и мужесшвъ, на дѣлся онъ вскорѣ получить руку преле- сшной его дочери и сдѣлалъ ему о шомъ предложеніе. Передъ шемъ однако отецъ Эмиры, узнавъ о любви Асфелира, согла- сился уже на соединеніе двухъ любовни- ковъ, если шолько Шейкъ города Адена одобритъ эшомъ союзъ. Ужасное быщен- сшво изобразилось въ глазахъ Фэфшара, когда Сулейманъ сказалъ ему о шакоемъ не ожиданномъ препяшсшвіи. Будучи споль- ко гордъ, что ни предъ кемъ не обнаружи- валъ своего огорченія, и сполько хипрь, что во всякоемъ случаѣ скрывалъ гнѣвъ свой и досаду, шовичасъ перемѣнилъ онъ разговоръ и вскорѣ потомъ удалился, что бы обдумать планъ своего мщенія. Фэф- шаръ зналъ, что молодой человекъ чрезъ нѣсколько дней отпрашился въ Адень, от- куда, безъ сомнѣнія, возвратишся съ согла- сіемъ отца своего на эшомъ бракъ. Выбра- ли провожающихъ и начальникомъ надъ ними пославилъ онъ одного изъ своихъ чиновни- ковъ, человекъ кровожаднаго и совершенно ему преданнаго. Онъ сдѣлалъ еще болѣе. Что бы опдалишь опъ себя всякое подозрѣ-

ніе. Фэфшаръ попросилъ у Сулеймана позволенія отправиться съ войскомъ къ степямъ Сирійскимъ, для наказанія Бедуиновъ, ограбившихъ караванъ Мединскій. Получивъ на сіе согласіе, высунупилъ онъ со своимъ опрядомъ, и вмѣсто того, что бы продолжашъ путь, остановился на дорогѣ, по которой долженъ былъ ѣхать Асфелиръ.

Какъ нѣжно и прорагпельно было прощаніе молодыхъ любовниковъ! Сколько слезъ пролила чувствительная Эмира и съ какимъ сердечнымъ краснорѣчіемъ Асфелиръ старался успокоить еѣ. Надежда имъ улыбалась и уменьшала прискорбія кратковременной разлуки. Асфелиръ былъ столько любимъ своимъ опцомъ, что тотъ не могъ воспротивиться его счастью; опсуществовіе его будетъ непродолжительно и молодой человекъ возвратится чрезъ нѣсколько дней еще влюбленнѣе, возвратится для того, что бы навсегда соединить судьбу свою съ судьбою Эмиры. Онъ называлъ уже еѣ своею обожаемою супругою, осыпалъ непороч-

ными поцѣлуями и распочалъ ей невинныя ласки. *).

Наконецъ Асфелиръ удалился отъ предмета своей любви, отъ поколѣнія Фашмеидовъ.—Нужно ли сказывать, что несчастный не увидишь болѣе своей возлюбленной... такъ, онъ палъ подъ ударами Фефшара. Прекрасный, храбрый юноша самымъ безчестнымъ образомъ схвачень былъ сообщникомъ гнуснѣйшаго изъ людей и немедленно умерщвленъ.

Между шемъ другая подлѣйшая хитрость Фефшара надѣлала много безпокойствъ Сулейману. Фефшаръ извѣспилъ его чрезъ одного преданнаго ему Араба, будто Бедуины окружили отрядъ его въ одномъ оазѣ **), гдѣ непременно погибнетъ онъ со всѣми воинами, если не подадутъ ему скорой помощи. Вспревоженный шакою мнимою опасностію, отецъ Эмиры собралъ храбрѣйшихъ воиновъ и поручивъ

*) И вѣрно глядѣлъ все ей въ глазки.
Прим. Изд. Благ.

*) Такъ называются на песчаныхъ степяхъ мѣста, на кошорыхъ расщепъ шрава и деревья.

Эмиру и шапры свои премь сшарфйши-
намь поколѣнія, полешѣль къ Фѣфшару.

Въ то время, какъ присланный ошъ
него Арабъ нарочно блуждалъ въ шепяхъ
съ Сулейманомъ, Фѣфшаръ приготоовлял-
ся къ новому прешупленію. Скрываясь
въ одной пещерѣ, находящейся въ скалахъ,
облегающихъ Евфрашъ, съ неперпѣніемъ
ожидалъ онъ благоприяшной минушы для
исполненія своихъ намѣреній. Наспупала
полночь, и вопшь онъ выходиль изъ пе-
щеры, приближается къ спану Фашмеи-
довъ, подкупаешъ спражу, приказываешъ
окуришь шапры шрехъ спаршишь, дру-
зей Сулеймана, копорые могли бы унич-
пожишь его предпріятіе; попомъ прони-
каешъ въ палашку своего начальника,
гдѣ покоилась Эмира. Воины Фѣфшара
зажали ршы женщинамь, копорыя окру-
жали ее, и увлѣкли ихъ съ собою. Наконецъ
зажгли свѣшпильникъ, и вѣроломный пред-
сшаешъ предъ дочерью Сулеймана. Пробу-
дясь ошъ спраха, Эмира вскрикнула; но
Фѣфшаръ наложилъ на нее молчаніе, ска-
завъ: “слезы и вопли швои, Эмира, бесполез-
ны: ты должна покорилься своему жре-
бію. Асфелирь не можешъ бышь швоимъ:

отецъ его далъ клятву, что никогда не позволишь ему соединиться съ Фашмеидами, и женихъ твой навсегда опказываешь опъ себя. Но бракъ, несравненно выгоднѣйшій, предстоить тебѣ. Я люблю тебя, Эмира; спода мои и богатство не менѣ Сулеймановыхъ. Согласись бышь моею. Родитель твой поспѣшишь исполнишь мое требованіе, и я сдѣлаю тебя, клянусь въ помъ Магомешомъ, счастливейшею женщиною.,

Наглый приходъ Фештара и рѣчь его привела въ трепеть Эмиру. Чувствуя опасность своего положенія, покусилась было она смягчить этого злодѣя, просила у него времени, что бы подумать о его предложеніи. Но онъ объявилъ, что не удалится до шѣхъ поръ, пока не получишь рѣшишельнаго отвѣта. Эмира сказала ему о данныхъ ею клятвахъ сыну Шеика города Адена. — “Если отецъ его не соглашается на нашъ союзъ, присокупила она, что все не могу я нарушишь моихъ клятвъ., — Напрасно Фештаръ дѣлалъ ей возраженія, напрасно и Эмира спаралась пронуть его сердце.— Знай же, вскричалъ онъ наконецъ, когда

надобно знать тебѣ все, что я не спрашусь болѣе гнуснаго своего соперника: Асфелирь уже не существуетъ! — При сихъ словахъ бѣдная Эмира едва не упала въ обморокъ; но подумавъ, что онъ нарочно выдумалъ это, сказала: “если дѣйствительно нѣтъ болѣе Асфелира, то конечно не могу я принадлежать ему; но на это нужны мнѣ доказательства., — Злодѣйская радость блеснула шурь въ глазахъ Фефпара.— Доказательства, Эмира, тебѣ нужны доказательства? Воупь онѣ! — При сихъ словахъ развернулъ онъ окровавленную попону и къ ногамъ Эмиры упала голова ея возлюбленнаго. Въ блѣдныхъ чертахъ узнала она лице Асфелира, и при семъ ужасномъ зрѣлищѣ безчувствь упала на полъ. Фефпарь, наслаждаясь ея горестію и полагая, что уже нѣтъ болѣе препятствій къ исполненію его желаній, ожидалъ, пока несчастная придетъ въ себя, что бы вынудить у нее согласіе на брачный съ нимъ союзъ. Но Эмира, возвращаясь къ жизни, почувствовала силу сверхъестественную: Отчаяніе заставило ее презрѣть всякую боязнь; она осыпала злодѣя упреками, покля-

лась ему именемъ Пророка и Сулеймана, что скорѣе предпочтеть смерть несчастію принадлежащю чудовищу, и до такой степени раздражила изверга, что онъ, въ припадкѣ бѣшенства, обнажилъ кинжалъ и при раза поразилъ имъ прещущую грудь Эмиры. Невинная жертва, при первомъ ударѣ, упала на соломенную плетенку, гдѣ лежала голова ея возлюбленнаго. Невольно прижала она къ своей груди плачевный оспапокъ друга ея сердца; кровь ея смѣшалась съ кровавыми слѣдами любезнаго, предупредившаго ее смертію, и она испустила духъ, произнося имя Асфелира!

Въ совершенномъ забвеніи самаго себя, а можетъ быть, и почувствовавъ весь ужасъ гнуснаго своего пресупленія, убійца Эмиры выбѣгаетъ изъ палатки, бросается на первую попавшуюся ему лошадь и лепишь, съ быспрошою молніею, безъ цѣли и самъ не зная куда. Заря начинала показываться, а Фэфпаръ все еще скакалъ по равнинамъ, ведущимъ въ большую степь, преслѣдуемый угрызениями совѣсти и раздирающимъ сердце образомъ невинныхъ жертвъ.

Между шемъ почтенный Сулейманъ узналъ въроломство Фефигара, а вскорѣ попомъ и извѣстіе о новомъ его преступленіи достигаетъ до ушей царца. Надобно бышь опцемъ, что бы поняшь ошчаяніе злополучнаго родителя. Безчуживенность заслушила мѣсто воплей оскорбленной природы. Ничшо уже болѣе не привязываетъ Сулеймана къ землѣ. Что ему въ богатствѣ, въ почестяхъ, когда нѣтъ возлюбленной его дочери? Ему оспалась одна шолько горестъ; присущивіе людей несносно для него; расперзанное сердце его имѣеть нужду въ шшинѣ и уединеніи.

Обдумавъ вшайнѣ одно намѣреніе, злощасный царецъ съ неперивнѣемъ ожидаетъ наступленія ночи. Когда всѣ успокоились и заснули, скрывается онъ ошъ своихъ родныхъ и друзей, удаляется ошъ своего народа, имущества и сокровищъ: онъ оставилъ все и навсегда.

Долго блуждалъ Сулейманъ изъ одной страны въ другую, питаясь дикими плодами и водою изъ немногихъ источниковъ, которые Провидѣніе изрѣдка представляетъ путешественникамъ въ песчаныхъ и зной-

ныхъ спешяхъ. Наконецъ остановился онъ въ одной лощинѣ, на ушесѣ, около предѣловъ Пустой Аравіи. Уединеніе дикаго эшого мѣста, по видимому, никогда не нарушалось присутствіемъ смертнаго: оно согласовалось съ состояніемъ души злополучнаго спарца. Пещера, заросшая мхомъ и украшенная капельникомъ въ разнообразныхъ его видахъ, сдѣлалась его убѣжищемъ. Недалеко отъ нея былъ ключъ чистой воды. Виноградныя и финиковыя деревья, спасительный бадьянъ освѣняли это тихое жилище, гдѣ несчастнѣйшій изъ опцевъ рѣшился умереть.

Прошло десять лѣтъ, а смерть, которую всякой день призывалъ Сулейманъ, не положила еще конца продолжительнымъ его спраданіямъ. Будучи изнуренъ лѣтами и горестію, единственное свое утѣшеніе находилъ онъ въ томъ, что бы нѣсколько часовъ сряду размышлять у памятника, грубо сооруженнаго имъ подлѣ пещеры; нѣсколько камней, сгромаженныхъ безъ всякаго искусства, представляли гробницу. Воздвигнувъ ее въ память незабвенной и нѣжно любимой дочери, несчастный опецъ только здѣсь

находилъ себѣ нѣкоторую отпрату. Онъ воображалъ, будто дѣйствительно обладаетъ драгоценными оспатками жерпвы Фешара, плакалъ надъ этою пустою гробницею, которую препоющія его руки украшали цвѣтами, разговаривалъ съ тѣною усоншей и чувспвовалъ себя не споль злополучнымъ.

Однажды послѣ безпокойнаго сна, по близоспи своего жилища, Сулейманъ пробудился опъ спрахъ. Слѣдующія слова вырвались у него: “Дочь моя, милая дочь! мнѣ казалось, что я видѣлъ тебя, ты пожимала мнѣ руку и получила роковый ударъ! Спрашный и милый образъ! ты не оставишь меня болѣе. Вошь уже десяць лѣтъ, какъ я покинулъ мое опечесство, друзей, родныхъ и плодоносныя поля Темена; но кровавая пѣнь Эмиры всегда носишься предо мною! Гнусный Фешаръ! въ какихъ мѣстахъ скрываешься ты опъ моего мщенія? Долго блуждалъ я въ степяхъ, что бы принести тебя въ жерпву справедливаго моего гнѣва. Чудовище, извергнуное адомъ! возвратишься ли ты навсегда въ его бездны?”

Иди, злодѣй: пресшупленіе твое и шамъ наведешь ужась.,,

Потомъ, предавшись приятной мечтѣ, которая одна успокоивала мученіе его сердца, старикъ вскричалъ: “милая и несчастная Эмира! У меня нѣтъ другаго богатства въ мірѣ, кромѣ смертныхъ твоихъ оспашковъ: я сохранилъ ихъ подъ симъ кладнымъ камнемъ; никакая власть человѣческая не можетъ лишить меня этого сокровища. Скоро, скоро — я чувствую это — бѣдный отецъ твой соединится съ тобою въ лучшемъ мірѣ. Ахъ какъ медленно идетъ смерть! Любимая Эмира! она не слышитъ моего стона; вопли мои потрясають воздухъ, горестъ снѣдаетъ меня, и я не могу умереть! Какими прелестями и добродѣтелями природа надѣлила тебя, дочь моя! Едва исполнилось тебѣ четырнадцать лѣтъ, какъ ты во всемъ блескѣ молодости и красоты, погибла отъ желѣза злодѣя, подобно распустившемуся цвѣтку, незапно увядшему отъ зловоннаго дуновенія пустыннаго вѣтра! О возлюбленная дочь! сколько слезъ стоитъ мнѣ твоя потеря! Старый Отецъ твой благословляетъ тебя; ничего дру-

гаго не желаетъ онъ, какъ полько, что бы скорѣе соединить прахъ свой съ швоимъ. И, ты Богъ Омара, пронься моими слезами! Я потерялъ все, что привязывало меня къ жизни, все; открой же мнѣ скорѣе гробницу Эмиры!.,

Лишь только Сулейманъ сказалъ слова сіи, какъ послышался необыкновенный шумъ. Онъ всматривается, подставляя ухо: шумъ приближается, и какое ужасное зрѣлище представилось его взорамъ! Несчастный, покрытый рубищемъ и изнуренный усталостію, медленно подходилъ къ его убужищу: онъ опирался руками о скалы. Первое движеніе спарца было — сокрыться въ пещеру; но челоуѣколюбіе османавливаетъ его; онъ хочетъ, онъ долженъ помочь несчастному.—Приблизься, незнакомецъ, сказалъ Сулейманъ. Не бойся ничего. Мнѣ извѣстно удовольствіе пособлять злополучнымъ.

Незнакомецъ. Челоуѣкъ великодушный! я изнемогаю... ноги мои всѣ въ явахъ и обожжены палящимъ пескомъ.

Сулейманъ. Ободрись, незнакомецъ! Вошь мое жилище.

Незнакомецъ. Пять дней не вкушаль я пищи.

Сулейманъ. (подавая ему воду и плоды). Возьми эти плоды... утоли жажду этою чистою водою.

Незнакомецъ. О гостеприимный и благодарительный спарецъ! Ты спасаешь мнѣ жизнь.

Сулейманъ. Какая странная судьба сдѣлала тебя столь несчастнымъ и привела въ мѣста сіи?

Незнакомецъ. Я бѣглець блуждающій; долго слѣдовалъ по теченію Евфраата, но удаюсь отъ его береговъ, заблудился.

Сулейманъ. Скажи, какая причина заставляетъ тебя скитаться?

Незнакомецъ. Я бѣгу отъ моихъ воспоминаній. Счастье, долго лаская меня, вдругъ оставило навсегда. У меня уже нѣтъ ни друзей, ни богатства, ни имущества: одинъ только образъ ... Ахъ, горестъ, опчаяніе всюду будутъ меня преслѣдовать!

Сулейманъ. Ты очень несчастливъ ... но я еще злополучиѣ тебя. Прискорбіе мое улаживаешь мыслию, что могу сдѣлать тебѣ добро. Подобно мнѣ, у тебя нѣтъ ни родныхъ, ни опечесства; останься же здѣсь и живи со мною подъ однимъ

кровомъ, раздѣли мои плоды: спанемъ съ-
пovahъ и плакаемъ вмѣстѣ.

Незнакомецъ. О благодѣшель мой! какъ
прогаюшь меня твои предложенія! Но
увы! я не могу принять ихъ. Я долженъ
покориться своему жребію.

Сулейманъ. Какъ! я открываю тебѣ
мое сердце и благодѣяніе мое пятаюшь
тебя! Ахъ! нѣтъ, нѣтъ, ты самъ будешь
моимъ благодѣтелемъ. Выслушай, незна-
комецъ! Я касаюсь предѣла пруднаго зем-
наго моего души; ты закроешь мнѣ гла-
за, положишь смертные мои ошашки
въ эту гробницу, подлѣ пѣхъ, на копо-
рые сколько пролилъ я слезъ; каждый
день будешь украшать цвѣтами эшошь
памятникъ. Небо вознаградишь тебя: оно
пошлетъ тебѣ другаго друга.

Незнакомецъ. Друга! Не могу болѣе
имѣть друга!

Сулейманъ. Что говоришь ты?

Незнакомецъ. Чшо не заслуживаю ни-
малѣйшей жалости. Горестъ, копорая
грызетъ мое сердце. не шакова, какъ швоа.

Сулейманъ. Какъ?

Незнакомецъ. Ты всегда былъ добро-
дѣшелень?

Сулейманъ. Конечно.

Незнакомецъ. А я преспуникъ, злодѣй!
Угрызенія совѣспи перзаюшь меня.

Сулейманъ. Говори, другъ мой; излей
въ грудь мою спраданія души твоей.

Незнакомецъ. Ахъ! чего ты перебуешь?
Подумай, что съ омерзѣніемъ будешь смо-
прѣшь на меня.

Сулейманъ. Раскаяніе все загладитъ.

Незнакомецъ. Ты хочешь этого? — и
вскорѣ сокроешься опъ меня, будешь про-
кличать несчастнаго. Нѣшь нужды! я
долженъ подвергнуться моей участи. И-
пакъ слушай и не прерывай меня. Я ро-
дился въ приятныхъ окресиносняхъ го-
рода Санаа, гдѣ очень рано прославился
мужествомъ моимъ и нѣкоторыми под-
вигами. Опець мой со славою погибъ на
сраженіи: я опмстилъ его смерть. Онъ
оставилъ мнѣ множество рогашаго ско-
па, лошадей, оружія... я былъ богатъ и
не зналъ другаго удовольствія, кромѣ охо-
шы и войны; другой любви, кромѣ любви
къ быспрой и живой газеллѣ. Однако же
я путешествовалъ: прелестная дѣвица
поразила мои взоры. При взглядѣ на нея,
внезапная перемена сдѣлалась во всемъ

моемъ существѣ; неизвѣстный огонь пробѣжалъ по моимъ жиламъ; я лишился спокойствія, свободы! Предложилъ мое сердце эпой божественной красотѣ; она приняла меня холодно, почти съ презрѣніемъ. Я осмѣлился думать, что нѣжностію и постоянствомъ заставлю полюбить себя. Надежда поселилась въ спѣсненной моей душѣ; но что сдѣлалось со мною, Великій Боже! когда одинъ невольникъ увѣдомилъ меня, что я имѣю соперника! Я не хотѣлъ вѣрять; но сомнѣніе мое вскорѣ исчезло. Я убѣдился въ сей жестокой истинѣ, и раздраженная любовь требовала мщенія. Должно бы мнѣ было удалиться навсегда отъ предмета несчастной моей спраски; но я не могъ рѣшиться на это. Сердце моей возлюбленной принадлежало другому, и я принялъ ужасное намѣреніе — умершвить его.

Сулейманъ. Возможно ли?

Незнакомецъ. Я умѣлъ удалить отъ нихъ всѣхъ тѣхъ, копорые могли бы мнѣ воспрепятствовать въ исполненіи адскихъ моихъ намѣреній. Умершвивъ своего соперника, проникнулъ я въ шаперъ, гдѣ покоилась невинность.

Сулейманъ. Оканчивай скорѣ!

Незнакомецъ. Слабый лунный свѣтъ освѣщаль шаги мои. Съ ужасомъ пробудилась несчастная! Она отвергла мои предложенія, презрѣла мои угрозы ... Скажешь ли себѣ все? Наконецъ, наконецъ я пронзилъ кинжаломъ ея сердце!

Сулейманъ. Злодѣй! Какъ звали ее?

Незнакомецъ. Эмира.

Сулейманъ. А пы ...

Незнакомецъ. Фефтарь!

Сулейманъ. Чудовище! Ты видишь предъ собою ея отца! *(лишается чувствъ.)*

Фефтаръ. Ея отецъ! Куда бѣжашь? Куда скрышься? Но эпопъ старецъ близокъ къ смерти; оставлю ли его безъ помощи? Онъ спасъ мнѣ жизнь. *(Фефтаръ беретъ изъ клюта воду и обливаетъ ею лице Сулеймана.)* Онъ приходишь въ себя. Уйдемъ...*(удаляется.)*

Сулейманъ. Остановись!

Фефтаръ. Чего пы опъ меня хочешь?

Сулейманъ. Такъ эпо пы, пы, копорый лишилъ меня болѣе, нежели жизни—пы, копораго щещно искалъ я, чпо бы насыщилъ мое мщеніе .

Фефтаръ. Довольно уже я наказанъ.

Угрызенія моея совѣсти, мое опчаяніе опмстили мнѣ за себя болѣе, нежели самъ ты желалъ.

Сулейманъ. Нѣтъ, нѣтъ, вѣроломный! Ты недостоинъ видѣть дневнаго свѣта! Ты оскверняешь землю!

Фефтаръ. Правда! Жизнь для меня есть мучительная казнь, а смерть будетъ благодѣніемъ. Но не уже ли ты хочешь опмстити за преступленіе преступленіемъ? Ахъ, оставь лучше меня ужаснѣйшему моему жребію!

Сулейманъ. Нѣтъ, ты не уйдешь отъ меня. Судьба привела тебя ко мнѣ: она предаешь тебя моему гнѣву; нѣтъ, ты не скроешься уже отъ меня.

Фефтаръ. Такъ ты хочешь моей крови?

Сулейманъ. Да: она должна быть пролита на гробницѣ моей дочери.

Фефтаръ (подходя къ гробницѣ). Какъ? это ея гробница!

Сулейманъ. Остановись и не смѣй ругаться надъ прахомъ Эмиры!

Фефтаръ. Нѣтъ, почтенный старецъ, нѣтъ! Совѣсть шерзаетъ меня! Ты видишь мое соспояніе ... я обожалъ Эмиру.

Сулейманъ. Злодѣй!

Фефтаръ. Ты хочешь моей жизни, а я дамъ тебѣ пролишь кровь за кровь ... Если небесное правосудіе пребудетъ этого ...

Сулейманъ (*вынувъ кинжалъ*). Требуешь, и я исполню его опредѣленіе!

Фефтаръ (*ставъ на колѣни и обнаживъ грудь*). Рази!

Сулейманъ. О пѣнь моей дочери! прими жертву моего мщенія и пусть Аравія ... Аравія! но что скажетъ она?

Фефтаръ. Не размышляй, а рази; вопль мое сердце!

Сулейманъ. Онъ умертвилъ дочь мою.

Фефтаръ. Опмочи за нея.

Сулейманъ. Онъ оправилъ жизнь мою; онъ сдѣлалъ меня навѣкъ несчастнымъ! (*плачетъ*). Но заблудясь въ пустынь, онъ пришелъ просить у меня убѣжища и я умерщвлю его! (*кинжалъ падаетъ изъ его рукъ*.)

Фефтаръ. Что дѣлаешь, Сулейманъ?

Сулейманъ. Гласъ, сильнѣйшій чувства мщенія, вопіетъ мнѣ за себя. Бѣги, несчастный, и спрашись въспрѣшишься со мною.

Фефтаръ. Я хочу смерти.

Сулейманъ. Возьми это золотио и сокройся.

Фефтаръ. Превосходный человекъ! ддячего щедишь ты вичовнаго?

Сулейманъ. Бѣги, говорю я. Не хочу нарушитъ священныхъ законовъ госпе-пріимства. (*удаляется въ пещеру.*)

Фефтаръ. Ужасные законы! Пагубная жалоспъ! Несносное бремя жизни! И это золотио! Мнѣ принялъ его? (*поднимаетъ кинжалъ*). Вошь этошь даръ несравненно ддя меня пріяпнѣ! Сулейманъ! рука швоя не хочеть обогричься ненавистною тебѣ кровію; такъ я самъ опмщу за тебя и за Эмиру. (*подходитъ къ гробницѣ*). — Ишакъ здѣсь покоишся прахъ шой, копорую сполько любилъ я и копорую лишилъ жизни! Варваръ! какъ могъ ты осквернитъ себя споль ужаснымъ злодѣяніемъ? Ни молодоспъ, ни красота, ни самая невинноспъ, ничшо не могло тебя пронуть; она была безъ всякой защипы и ты поразилъ ее! Возможно ли, что ты дошелъ до шакой степени изсшупленія? Но не мечта ли все это? Нѣшь, нѣшь! Вошь пещера Сулеймана! Вошь гробница Эмиры! А этошь кинжалъ? И шакія пре-

лесни сдѣлались ничтожнымъ прахомъ...
 ... эша рука, эша злодѣйская рука въ одно
 мгновеніе разрушила прекраснѣйшее шво-
 реніе природы ... Эмира! ахъ, если можешь
 ты внимаешь мнѣ изъ жилища мертвыхъ!
 Эмира! могильная пишица окружаетъ
 меня! Эмира.. Великій Пророкъ! что я ви-
 жу? *(читаетъ буквы, нагертанныя на
 тустой гробницѣ.)*

“Родитель мой! ша, которая надѣя-
 лась долго, долго любить тебя, умираетъ
 во швѣшѣ лѣшь.,,

“Несчастный! мучительная спрасъ,
 ужасная ревность! *“(еще читаетъ.)*

“Прощаю моему убійцѣ; пусшь жи-
 вешь Фэфшаръ: собственная его совѣсть
 опмспитъ ему за меня.,,

“Божественная дѣвица! ты проспи-
 ла меня! Такъ, долго и жестоко спрадалъ
 я; но эшого еще недовольно: надобно, на-
 добно, прошиву воли швоей, опмспитъ
 за тебя. Ты покоишься сномъ вѣчнымъ, без-
 мятежнымъ, а въ груди моей свирѣспиву-
 ешь весь адъ. Ты проспила меня, дражай-
 шая пѣнь! *(кладетъ руку на гробницу.)*
 Сердце швое: непорочное и нѣжное сердце,
 хладно какъ эшопъ камень!. Ты проспи-

ла меня..но я не прощу себѣ. Та самая рука, копорая лишила тебя жизни, прольешь и мою кровь на швоемъ прахѣ. Да загладишь она мое преспуиленіе! Эмира простила меня *)! (*поражаетъ себя кинжаломъ.*)

Сулейманъ (*выходитъ изъ пещеры*).
Что я вижу! Онъ умираешь! Эпошь кинжалъ ...

Фефтаръ. Опмспиль за Эмиру...жизнь для меня несносна: съ радоспю оспавляю ее ... Прости, Сулейманъ! Я лишилъ тебя дочери; но она простила меня. (*Указываетъ на буквы, нагертанныя на гробницѣ и испускаетъ послѣдній вздохъ.*)

Б. X.

~~~~~

---

*) Но не простишь небесное правосудіе, раздраженное новымъ злодѣяніемъ. Самоубійцы, въ припадкѣ безумія ослѣпляющаго ихъ, забываютъ, что есть будущая жизнь и что совѣсть также безсмертна, какъ и душа.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Бейронъ.

Прозрѣвши сердце челоуѣковъ,
 Волшебникъ думъ, Британіи пѣвецъ,
 Бейронъ—спаль за свободу Грековъ;
 Но смершью ошлученъ, оплаканъ какъ о-
 щецъ
 Опчизною Аѳилла и Омира,
 Къ своей Британіи пришекъ чрезъ бездны
 волнь;
 Ей шѣломъ возвращень, въ Елладѣ сердцемъ
 онъ —
 И всѣмъ спранамъ его блискаетъ лира.

Б. Федоровъ.

~~~~~

Алинъ.

По слугаю пропажи портрета ея. *)

Царица Паѳоса, гордясь красой своею,
 Въ собраніи богинь не разъ хвалилась ею.
 Богини-женщины, Алина, можполь имъ
 Такое оскорбленье

---

*) Піеса сія напечатана съ невѣрнаго списка въ Январской книжкѣ *Новостей Литтературы*, на сей 1826 годъ. *Прим. Сог.*

Оставишь безъ ошмщенья?

Никакъ! и мспшшелемъ своимъ

Безсмершныя избрали

Нельштивый швой поршрешъ:

За нимъ Меркурія послали.

Онъ, невидимкою елешя въ швой кабинетъ,

Унесъ швое изображенье. -

Узря его, соборъ боговъ, ошъ восхищенья

Разиня ропъ споялъ.

Венеру Зевсъ признавъ, съ упрекомъ ей ска-

заль:

“Напрасно, дочь моя, гордилась ты собою,

Мечная всѣхъ зашмишь своею красошою,

Когда и смершная тебя ей превзошла!

Но что бы ты и впредь забышься не мог-

ла,

Поршрешъ сей пусть швои черпоги укра-

шаешъ,

И о смиреніи тебѣ напоминаешъ.,,

1824.

М — лѣ Яковлевѣ.

Басни.

1. Чай и Шалфей.

Дорогой Чай съ Шалфеемъ повстрѣча-
лись

И разболшались.

“Куда везушь тебя?», спросилъ Шалфей Чай.

— Да изъ Москвы въ Китай.

А ты куда изволишь отпрапляешься? —

“Въ Россію ѣду оплечаюсь.

Скажи: что дѣлаюшь въ Китай изъ тебя?»,

— Какъ что? Тамъ пьютъ ме-

ня.—

“Рошъ чудеса какія!

Тебя въ Китай пьютъ?

Да изъ Китая - то меня въ Москву везушь,
И чаю потребуешь всѣхъ болѣе Россія!»,

•

Ахъ! право чудень бѣлый свѣтъ!

Нельзя всему довольно надивишься

Что ешь у насъ, намъ не годишься,

А дай того, чего здѣсь нѣтъ.

2. Бѣдная Лилія.

Въ горшечкѣ мраморномъ Лилія на окнѣ
Гордилася своею красою

И думала сама съ собою:

“Ну право нѣшъ подобной мнѣ,
 Когда вчера самой Лизетѣ
 Меня Лариса не дала,

А не дороженья ей она всего на свѣшъ?,
 (Лизета другъ ея была.)

Но вошъ Лариса прибѣгаетъ:
 Лилею ухвасивъ съ окна,

На кусъ шиповника бѣдняжечку она
 Въ цвѣточной лавочкѣ мѣняетъ. —

“Ужъ лучшебъ пы меня Лизетѣ ошдала:

Она тебѣ вчера просила.,,

—Вчера?— съ побой распашься не мо-
 гла;

Я шакъ тебѣ любила!—

Ну, чемъ же я сегодня прогнѣвила?.,

—Ничемъ, а скучно мнѣ

Имѣть тебѣ все на окнѣ. —

*

Довольно женскія достоинства здѣсь видны,

Но шолько незавидны!

Друзья џ насъ

Калифъ на тасъ *)...

Однакожь у иныхъ прошу я извиненья:

Нѣшъ правила безъ исключенья.

М. Даргомыжская.

~~~~~

*) Стишки погести хороши и скоро войдушъ въ по-
 оловицу. (vers proverbes). Изд.

Князю Н. А. Цертелеву,

По слугаю согиняемой имѣ Исторіи Русской Словесности.

Цертелевъ! славный трудъ швоихъ усилій
 ждепъ:
 Въ заслугахъ Русскихъ Музъ — попомощву
 дашь опчешъ.
 Но ты не избѣжишь враговъ и порицанья,
 Поклонникъ испины и чшишель дарованья!
 Не оскорбляйся шемъ: завистники ума
 Тьмой кришикъ зашумяпъ; но судъ ихъ
 скроешь шьма!
 Трудъ, избранный побой, опечешву поле-
 зень—
 А къ славъ пушь прямой всегда шерниспъ
 и шѣсень.

Б. Федоровъ.

~~~~~

На заданныя слова: *Сириусъ—Лордъ
 Беиронъ—Бавій—Баллада—Минер-
 ва—Москва—концертъ—стерлядь—
 ананасъ.*

Нѣшь, нѣшь, я признаюсь, чрезмѣрно мудре-
 ны
 Слова, что вами мнѣ шрешьягодни даны.

Коль сдѣлаюсь больна, 'вы будете виною:
 Васъ совѣсть упрекнешь тогда передо мною.
 Конечно вамъ смѣшно, но право не солгу,
 Что прѣшью уже ночь заснуть я не могу.
 Все шихо вокругъ меня — нѣтъ мнѣ опъ
 словъ покою—

Лишь *Сиріусъ* одинъ бесѣдуетъ со мною.
 Но не поможетъ мнѣ его прияшній свѣтъ.
Лордъ Байронъ на сполѣ, и въ шомъ отпра-
 ды нѣтъ!

Приводишь онъ меня собою въ восхищенье;
 Но что же въ эпомъ мнѣ? Какое ушѣщенье!
 Ужь не себя ли мнѣ, о *Бавій!* попросишь:
 Съ шобою, кажется, мы дружны можемъ
 бышь.

Спишокъ я напишу, поищешь ты другаго—
 Лишь смысла-шо у насъ не будешь никако-
 го,

Но это не бѣда! Чшо нужды до шого?
 У многихъ риѣмачей не болѣ моего.
 Въ смяшеніи моемъ я очень буду рада,
 Чшобъ вышло что нибудь—не славная *Гал-*
лада.

Минерва! оѣни ты благосшью своей,
 Авось придешь мнѣ мысль при помощи шво-
 ей.

Была ты нѣкогда въ великомъ уваженьи;
 Но разлюбивши свѣтъ, находишься въ заб-
 веньи

И можешь швой совѣтъ казашься спрашенъ
 намъ.

Но сжался, помоги шеперь моимъ стихамъ
 Вошь шакже и въ *Москвѣ*, бывало мы зи-
 мою

Сидя у комелька вечернею порою,
 Другъ другу задаемъ шарады и слова.
 Коль очень заболишь опшь думы голова,
 Тогда заняшя имѣли мы другія:
Концертъ играшь начнемъ—шамъ въ фаншны
 дорогія..

О юность милая! куда дѣвалась ты?
 Не зрѣшь ужъ болѣе швоей мнѣ красоты!
 Однакожь о тебѣ я помню безъ ропшанья:
 Все счастье со мной — лишь нѣшь очаро-
 ванья *).

Читатель! кшати здѣсь подумай о себѣ,
 А я ужъ, кажется, наскучила тебѣ;
 Довольно мнѣ болшашь — а вамъ довольно
 слушашь:

Пробило три часа; поидемъ-ше *стерлядь* ку-
 шашь.—

И послѣ эшихъ словъ должна признашья я,
 Что сочиняшь прошла охота у меня.
 Не знавъ Поэзіи, пишашь я вижу шрудно,
 А словъ у васъ просишь ужасно безразсудно.
 Теперь хотъ дайше вы мнѣ цѣлый *ананасъ*
 И слышашь не хочу о имени *Парнассъ*.

М. Даргомыжская.

~~~~~

*) Удачный, памятный стихъ (vers á retenir) Прим.
 Изд.

О НОВЫХЪ КНИГАХЪ .

5. *Драматическій альбомъ для любителей театра и музыки на 1826 годъ. Изданный А. Писаревымъ и А. Верстовскимъ.* Москва. Въ Типографіи Императорскаго Московскаго Театра, у Содержателя А. Похорскаго. Книжка первая въ 16 ю долю, 376 стр. Съ липографированною виньешкою, представляющею Петровскій театръ, и съ шестью липографированными портретами артистовъ, принадлежащихъ къ тому же театру, а именно: Гг. Мочалова, Щешкина, Львовой - Синецкой, Сабурова, Гюлень-Соръ и Сабуровой. Книжка вторая, въ 8 ю долю, 26 стр. съ ношами для куплетовъ изъ разныхъ Оперъ-Водевиль, сочиненныхъ М. А. Дмишріевымъ, М. Н. Загоскинымъ и А. Писаревымъ, а положенныхъ на музыку Графомъ М. Ю. Віельгорскимъ, А. А. Алябьевымъ, Ф. Е. Шольцомъ и А. Вершовскимъ.

Оглавленіе первой книжки: I. Разговоръ одного изъ издашелей *Драматическаго Альбома* съ будущимъ чашателемъ онаго (А. П.).

II. Изъ Есхиловой Трагедіи: *Агамемнонъ*. (А. О. Мерзлякова) III. Изъ Комедіи: *Урокъ старикамъ* (О. О. Кокошкина.) IV. Изъ Волшебной Трилогіи: *Финъ* (Кн. А. А. Шаховскаго). V. Изъ Комедіи: *Свѣтской служай* (Н. И. Хмельницкаго). VI. Изъ Водевиля: *Хлопотунъ*, или *дѣло мастера боится* (А. П.). VII. О качествахъ, необходимыхъ для драматическаго артиста... (я...я...ъ...аго).—Рекомендуемъ эту спашью молодымъ и благонамѣреннымъ нашимъ драматическимъ артистамъ. VIII. Изъ Комедіи: *Чванство Гранжирина* (Кн. А. А. Шаховскаго). IX. Изъ Комедіи: *Благородный Театръ* (М. Н. З.). X. Изъ Водевиля: *Фениксъ*, или *утро журналиста* (Кн. А. А. Шаховскаго). XI. Изъ Трагедіи: *Марія Стюартъ* (Н. Ф. Павлова). XII. Опрывки изъ исторіи Драматической музыки (А. Версповскаго). XIII. *Выкупъ Барда*, или *сила пѣснопѣнія*, Драматическая картина (М. А. Дмипріева). XIV. Изъ Комедіи: *Школа женщинъ* (Н. И. Хмельницкаго). XV. Изъ Водевиля: *Тридцать тысячъ словѣкъ*, или *находка хуже потери* (А. Писарева). XVI. Изъ Комедіи: *Егоизмъ и Филантропія* (М. М. Карніюлина Пинскаго). XVII. Изъ Трагедіи: *Орестъ* (Альфіери). XVIII. Изъ Водевиля: *Встрѣта дилижансовъ* (А. П.). XIX. Изъ Трагедіи: *Андромаха* (Н. Ф. Павлова.). XX. Нѣсколько сценъ въ кандиперской лавкѣ, прологъ Комедіи: *Христофоръ*

Колулибб (А. Писарева). XXI. Театральные анекдоты. (Жаль, что ихъ мало: только одиннадцать.)

Желательно, что бы ежегодно выходили у насъ такіе хорошіе драматическіе альманахи, каковы: *Русская Галія* Г. Булгарина и *Драматическій Альболб* Гг. Писарева и Вершовскаго. Въ послѣднемъ изъ прагическихъ опривковъ особенно понравились намъ переводы: изъ Есхила почтеннаго нашего Теорепика и Поэпа А. Θ. Мерзлякова и неизвѣснаго, изъ Алфіери, а изъ комическихъ (кромя піесъ, видѣнныхъ уже нами на здѣшнемъ шеапрѣ, но еще *ненапетанныхъ*) помѣщенные подъ слѣдующими нумерами: III, V, IX, XVI и XX.

Не понравились же намъ въ *Драматическоиб Альболб* двѣ вещи. *Вопервыхъ* неумѣстная и плоская насмѣшка надъ форматомъ Русской Галіи. — «Форматъ (Драм. Альб.) хорошъ и лучше формата Галіи, копорая огромностию своею болѣе похожа на лексиконъ, нежели на *карманный подарокъ*, и вѣрно не помѣстится даже въ *карманъ лихонлица*, или въ *ридикюль эконолки.*,» (стр. 5). — Если Галія похожа форматомъ на лексиконъ, то вѣрно на *карманный*, копорый также можетъ бытъ малъ, какъ и альманакъ, и легко умѣстится во всякомъ карманѣ и ридикюль. — *Восторыхъ* слѣдующій анекдотъ, въ справедливо-

ещи кошораго имѣемъ причину сомнѣваться. — “Представленіе безсмертной *Аббды* нашего *Аристофана* - Каиниста такъ поразило купца, почти разореннаго дѣломъ въ Гражданской Палатѣ, что онъ вскричалъ въ концѣ піэсы: “Ну вошь! эшихъ опдали въ Уголовную Палату! Чемъ же буду я дарить новыхъ судей?,, — Издавайше журналъ, сказалъ ему сосѣдъ. — “Эхъ батюшка! да я плохо грамошу знаю,, — Нужды нѣшь, не вы первые, не вы послѣдніе. — “Но кажется не было еще журналистовъ изъ купечества!,, — Пустое:

Когда издатели бываютъ порганами,
Зачемъ же поргану издателемъ не быть? —

Остро! Ну какъ не похвалить!

Почему же не прудишься издателямъ для своихъ выгодъ и не издавашъ журнала купцу, если онъ имѣешь нужныя къ тому способности и свѣденія? Благодаря нынѣшнему просвѣщенію, многіе изъ почтеннаго купческаго сословія пишутъ лучше, нежели иные дворяне. Вспомнимъ, что одинъ изъ лучшихъ нашихъ ученыхъ и Поэшовъ, именно *Ломоносовъ*, былъ крещянинъ рыбака.

6. *Календарь Музъ на 1826 годъ, изданный А. Измайловымъ и П. Яковлевымъ.*
С. п. б., въ шип. А. Смирдина, 1826 года, въ 16 ю долю, 180 и 160 сшран.
Съ грав. заглавнымъ лисшкомъ.

Эпошь алманахъ имѣють два отдѣленія: въ первомъ помѣщена проза, въ послѣднемъ стихотворенія. Прозаическія піэсы суть слѣдующія: 1) О новѣйшихъ словахъ и выраженіяхъ, изобрѣшенныхъ Россійскими поэтами въ 1826 году. 2) Что скажущь? 3) Вблизи - издали. 4) Екашериненпальскій садъ и церковь Св. Николая въ Ревелѣ. 5) Пяшь писемъ (къ пяти днѣмъ изъ моего Прапорщичьяго Журнала 1815). 6) Поѣздка въ Вяшку. Стихотворенія болѣе, или менѣе извѣстныхъ поэшовъ, какъ то: Григорьева, Даргомыжской, Измайлова (самаго издашеля) Кудряшева, Лардем., Ободовскаго, Панаева: Рындовскаго, Сушкова, Чеславскаго, Шкляревскаго, Языкова, Федорова и многихъ другихъ. Г. Булгаринъ, по благосклонности своей къ издашелямъ *Календаря Музъ*, сказалъ объ эпош карманной книжкѣ въ 6 № *Сѣверной Пчелы*:

Ну, словомъ: альманахъ

Хорошь и въ прозѣ и въ стихахъ!

А вотъ что сама издашеля написала къ своему приятелю *отъ искренней души*:

Тутъ въ прозѣ, кажешся, пѣски хороши,
И есть хорошія весьма стихопвореня —
Не всѣ ... кшо безъ грѣховъ?
И образковыя твореня
Не безъ плохихъ стиховъ!

Календарь музъ продается въ С. п бургѣ у А. Ф. Смирдина, а въ Москвѣ у А. С. Ширяева. Цѣна 10 р. Иногородные прилагають за пересылку 25 к. серебромъ.

7. *Аббатъ, или нѣкоторыя герты жизни Маріи Стюартъ, Королевы Шотландской. Сочиненіе Сира Валтера Скотта. Въ четырёхъ частяхъ. Переводъ съ Англинскаго. С. п. б. Въ типографіи Императорскихъ Театровъ. 1825. Въ 8 ку. Въ первой части 177, во второй 184, въ третьей 190 и въ четвертой 219 стран.*

Одинъ изъ лучшихъ романовъ самаго лучшаго, если не перваго Романиста-историческаго, такъ сказать *Живописца Шотландіи*, который вѣрно и мастерски пишеть съ натуры. Странно только, почему Сочинитель назвалъ эшошь романъ *Аббатомъ*,

когда настоящимъ герой романа есть не Аббапъ, а молодой сирота Роландъ. Здѣсь, какъ и въ прочихъ сочиненіяхъ знаменитаго Вальтера Скопша, читатели найдутъ много оригинальныхъ характеровъ. Особенно замѣчательны и хорошо выдержаны характеры пылкаго и благороднаго Роланда, остроумной, чувствительной и несчастной Королевы Маріи Стуартъ, и проказницы ея фрейлины Катерины Сейптонъ. Переводъ очень не дуренъ. Въ доказательство выпишемъ два любопытные отрывка: *избраніе Аббата во время притѣсненія Католиковъ въ Шотландіи* и *описаніе передней, или приемной Регента Лорда Муррея.*

“Прежде это было однимъ изъ торжествъ, наиболѣе достойныхъ уваженія у правовѣрныхъ. Время, въ которое мѣсто Аббата оставалось незанятымъ, почиталось временемъ печали, или, какъ выражались монахи, временемъ вдовства; отголоски скорби перемѣнялись въ пѣсни радости и удовольствія, когда избирался новый глава. Лишь только отворядись церковныя двери и показывался новый Аббапъ съ митрою на головѣ, съ посохомъ Епископскимъ въ рукахъ, облеченный во всѣ ризы первосвященника, предшествуемый толпою *церков-*

никовъ *) съ кадилницами, и послѣдуемый соборомъ монаховъ своихъ, однимъ словомъ: окруженный всею, означавшимъ санъ, въ который посвящали его—подавали знакъ къ игръ на органахъ, изливались торжественные звуки *Te deum*, на которые **) все собраніе опивчало гласомъ радости и восхищенія. Нынѣ, какая *разница* ***)! Семь, или восемь шарцовъ, согбенныхъ подъ бременемъ лѣтъ, которые съ шрепешомъ носили облаченіе ордена своего, вели къ олшарю начальника, ими избраннаго, дабы признашь его шаковымъ среди мрачныхъ сихъ развалинъ, подобно шолпъ заблудившихся *пустынниковъ* ****), избирающихъ себѣ главу среди песковъ степей Аравійскихъ, или плавашелей, заброшенныхъ вѣтромъ на мѣсто, для нихъ неизвѣстное, назначающихъ себѣ путешеводителя., — (Часъ II, стр. 14 и 15.)

---

*) Не правильнѣ ли: *церковнослужителей*?

**) Выше за двѣ строки было уже слово: *который* и будешь ниже черезъ двѣ строки въ слѣдующемъ періодѣ. Ужь лучше бы поспавишь здѣсь хоть: *кои*.

***) Лучше бы: *разность*; слово: *разница*, нѣсколько низко для шакого возвышеннаго описанія.

****) Не *путниковъ* ли? вмѣсто *пустынниковъ*.

“Въ самомъ дѣлѣ зрѣлице сіе было совершенно незнакомо Роланду. *Вѣ* *) первый разъ въ жизнь еще видѣлъ онъ приходящую дворца, черезъ копорую проходили толпами все новыя и новыя лица; одни съ видомъ радостнымъ и довольнымъ, другіе съ думою на челѣ и занятыя важными дѣлами. Здѣсь стоялъ человекъ государственный — — — — — съ гордымъ видомъ, но въ случаѣ нужды готовый ползати предъ всякимъ, кто его сильнѣе; шамъ — воинъ, покрытый буйволовою кожею, съ большою саблею при бедрѣ, съ поднятымъ усомъ и нахмуренными бровями; далѣе — услужливый придворный, копорого сердце исполнено гордости — — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — — Подлѣ него — покорный проситель съ безпокойнымъ взглядомъ и боязливою поступью — — — — —
 — — — — — надмѣнный Пропештанскій Баронъ, *который* ищещъ случая завладѣти церковнымъ имѣніемъ — — — — —

---

*) Къ чему здѣсь *вѣ*, когда черезъ два слова будетъ эшопъ же самый предлогъ?

— — — — — *) . Посреди сей разнообразной толпы ходила справа, безпрестанно приѣзжали и отправлялись гонцы. Въ дворца слышно было ржаніе коней, звукъ оружія; *однимъ* **) словомъ блистательное зрѣлище сіе представляло молодымъ людямъ *одну* только пышность и великолѣпіе; престарѣлые же видѣли въ ономъ гордость и коварство, обманушыя надежды, лживыя обѣщанія, надмѣнность сокрытую подъ личиною покорности, и дерзость подъ чертами искренности и великодушія., — (Ч. II. стран. 102—104)

Еще самая маленькая выписка: “Благодарные служители должны имѣть глаза и уши, но не языкъ., (Ч. I, стр. 88.) Это изрѣченіе годится не для однихъ служителей и заслуживаетъ сдѣлаться пословицей.

На 64 страницѣ III части узнаемъ, что

*) Въ четырехъ мѣстахъ при разѣ употреблено слово: *который*. Можно бы замѣнить это мѣстоименіе причастіями, на примѣръ: *желающій* получить . . . . *пришедшій* и т. п.

**) *Однимъ, одну* — или по, или другое слово надобно исключить: смыслъ ничего не потеряетъ.

во время Королевы Маріи Стюартъ, когда не были еще изобрѣшены для призыва служителей колокольчики, знатныя дамы употребляли — *серебряные свистки*.

Повторимъ, что переводъ этой занимательной книги, несмотря на пѣкопорыя въ ономъ неисправности и небрежности, очель не дурень. Есть мѣстами галлицизмы, напримѣръ: “женщина сія кажеться *слишколѣ* спара, *ттобѣ* бышь его матерью., (Ч. I. стр. 18.) Порусски надлежало бы сказать: “женщина сія кажеться *такѣ* спара, что не можешь бышь ему матерью. И для чего *сія*, когда это говоришь горничная? У насъ въ простомъ разговорномъ слогѣ слова: *сей, сія, сіе*, никогда почти не употребляющя, кромѣ *сей такѣ, сію минуту*, а здѣсь въ другомъ мѣстѣ (стр. 60) горничная же говоришь: *поселу*. Вспрѣчающя также въ разговорѣ слова, употребительныя только въ сочиненіяхъ возвышеннаго рода, или въ канцелярскомъ слогѣ, напр. “колдунья, *каковою* вся деревня шеперь ее почитаетъ., (Ч. I. стр 27.) — “Значишь лишишь себя спокойствія, *содѣлать* несчастною., (стр. 37.) Почему не просто: *какою, сдѣлать*? — Есть ошибки противъ плавности отъ спеченія гласныхъ и согласныхъ буквъ: “глядя *на его*., (Ч. I стр. 141.) — “мнѣ *нечего* бояшья., (111—56.) — *сѣ* своего

поспа,, (шамже эспр. 82.) Должно бы ска-
зашь: глядя на него — нечего мнѣ бояшья—
со своего поспа. Многіе наши словесники
забываютъ мѣлочное, но довольно важное
правило, что предлоги: *сѣ* и *вѣ*, если слѣ-
дуешь за ними слово, начинающееся двумя
согласными, измѣняютъ букву *ѣ* на *о*.—Нѣ-
которыя слова употреблены не въ настоя-
щемъ значеніи, напр. красивый *ростѣ* (II—
90) вмѣсто красивый *станѣ*, или *талія*, къ
которымъ лучше идешь прилагательное
стройный, нежели *красивый*.— “Пчела изго-
няетъ изъ своего улія (улья) бесполезное
жургало (IV, 187). Что это за слово? Вѣр-
но обласное, означающее прущня, или
шмеля.—Мы не вошли бы въ такія мѣлоч-
ныя подробности, еслибъ не надѣялись, что
скромныя и благонамѣренныя замѣчанія на-
ши могутъ бытъ полезны молодымъ пере-
водчикамъ.

Аббатѣ, или *нѣкоторыя терты жизни*
Маріи Стцартѣ, продается какъ здѣсь, такъ
и въ Москвѣ, во всѣхъ книжныхъ лавкахъ
по 10 р. за всѣ чешыре часши, *Иногород-*
ныя плашатъ за при фунша.

---

8. *Письма Морскаго Офицера, служащія дополненіемъ къ Запискамъ Морскаго Офицера. Часть первая. Напечатано по Высочайшему повелѣнію. Съ гравированнымъ заглавнымъ листомъ, на которомъ изображенъ видъ Неаполя. Москва. 1825. въ большую 8 ку, XIV и 267 стран. *)*

Оглавленіе: *Кронштадтъ. Плаваніе Балтійскимъ моремъ. Копенгагенъ. На пути въ Портсмутъ. Портсмутъ. Плаваніе Западнымъ Океаномъ. Плаваніе Средиземнымъ моремъ. Корфа—сравненіе Англіи съ Греціею —маскерадь на площади—театръ. Корфа—Кавальшино — описаніе укрѣпленій — развалины древней Корциры — одежда Корфіоповъ — обычаи отдавать церкви на откупъ. Островъ Цефалонія — заливъ Аргосполи—климатъ и произведенія Цефалоніи и другихъ Іоническихъ острововъ —*

---

*) Цѣна за двѣ части 15 р. Подписка на послѣднюю вторую часть, оканчивающуюся уже тисненіемъ, принимается здѣсь въ С. п. бургъ у книгопродавцевъ А. Ф. Смирдина и И. В. Сленина. На пересылку прилагается за три фунта.

подземные гроты, изрытые водою. *Корфа* — карнавальные увеселенія — содержаніе одного балеша — Адмиралшество въ Гуви — особенный способъ говорить проповѣди. *Исторія Корфы отъ героическихъ временъ до XII столѣтія. Плаваніе Адриатическими морями — Генералъ Шпренгпортенъ — Тріэстскій карантинъ — отважный Албанецъ. Корфа — праздникъ Пасхи — доходы острова — Сенатъ Республики. На пути къ Тріэсту — отношенія Корфіопскихъ дворянъ къ земледѣльцамъ. Тріэстъ — торгъ черепахами — Ивановъ день — спроектъ купеческихъ кораблей — Казины — шершмостъ вѣръ — казармы — бапарей — картина, представляющая Императора ПАВЛА I и Костюшку — опера. Адриатическое море — морскіе разбойники — Корфа — лѣтніе жары. На пути въ Неаполь — видъ Калабріи и Сициліи — Мессинскій проливъ — изверженіе Стромболи. Неаполь — живописное положеніе города — Королевскій дворецъ — театръ Санъ Карло и другія зданія — неудобства гавани — укрѣпленія Неаполя — многолюдство — нѣкопорые обычаи народа. Путцоліи — описаніе окрестностей столицы: Павзипскій гротъ — видъ съ горы — монументъ Тиверія — мостъ Калигулы — новая гора, возникшая изъ озера Лукрино — Сибиллины бани — Нероновы бани — древніе храмы Діаны, Меркурія, Венеры — амфитеатръ — храмъ Юпитера Серапійскаго.*

Неаполь—праздникъ Грошской Богородицы—балъ у Министра—Кардиналь Руффо. *Иезуиты во время изверженія. Кастель а Марс*—Генераль Графъ Дамасъ. *Неаполь*—церковь Св. Януарія — Картезианскій монастырь—Страшный судъ, Мишель Анжело—Св. Петръ въ пемницѣ, Рафаеля. *Мальта*—видъ города—церковь Иоанна Иерусалимскаго—покореніе острова Наполеономъ—замѣчательный способъ ловишь перелетныхъ птицъ. *Агоста*—взглядъ на городъ и положеніе рейды—способъ добыванія соли. *Крѣпость Брукюла*. *Агоста*—приятныя знакомства — Капуцинскій монастырь. *Море*—бѣдствіе. *Сиракузы*—развалины. *Мессина*. *Въ крейсерствѣ у Іенци*. *Неаполь*—выступленіе союзныхъ войскъ въ походъ—*Портичи и Геркуланъ*. *Баия*—описаніе порша—гробница Агриппины—спло подземныхъ комнатъ — удивительный прудъ—Елисейскія поля—Салфатаря—огненные поля—Аньянское озеро—собачій гротъ—Аструни. *Гаета* — Принцъ Гессенъ—(Филипсталъскій. *Озеро Футзаро*—превосходныя устрицы. *Полпеанъ* — Нѣсколько замѣчаній о характерѣ и обычаяхъ народа — занятіе столицы Французами.

Изъ сего подробнаго объявленія можно видѣшь, сколь занимательны предметы, о-

писываемые въ *письмахъ* своихъ, или въ журналъ *Морскій Офицеромъ*, покойнымъ Н. В. Коробкою, другомъ почтеннаго Сочинителя *Записокъ Морскаго Офицера* В. Б. Броневскаго, который при редакціи сихъ писемъ сдѣлалъ *многя прибавленія и перемѣны*, стараясь по возможности сохранить и удержать его мысли и разсказъ. Вошь что говоритъ одинъ кришикъ о семъ сочиненіи: “Въ сей книгѣ описывается только то, чего нѣтъ въ *Запискахъ Морскаго Офицера*, слѣдовательно оба сочиненія, описывающія одну компанію, должны составить одно цѣлое твореніе: кто читалъ первое, тошь непременно долженъ прочесть послѣднее. Книга сія занимательна для всѣхъ родовъ читателей, и мы увѣрены, что она, имѣя одинаковое достоинство съ *Записками Морскаго Офицера*, будетъ имѣть равный съ ними успѣхъ.,” (*Сѣверная Пчела*, 1826, № 9). А другой: “вообще *Записки* Г. Коробки уступаютъ въ занимательности *запискамъ* Г. Броневскаго.,” (*Московскій Телеграфъ* 1826, № I, стран. 100.) Не смѣемъ еще произнести рѣшительно своего мнѣнія на этошь счетъ, пока не прочтемъ со вниманіемъ вшорой послѣдней части, а теперъ повторимъ съ Рецензентомъ *Сѣверной Пчелы*, что какъ *Записки Морскаго Офицера*, такъ и *Письма Морскаго Офицера*, принадлежатъ

въ небольшому числу самыхъ любопытнѣйшихъ книгъ, изданныхъ на отечественномъ языкѣ въ первую четверть пекущаго столѣтїя. Рецензентъ М. Т. говоритъ, что любопытны описанїя Корфу, Неаполя и отчасти Сициліи. А намъ важутся любопытны также и описанїя окрестностей Неаполя, которыя занимають довольно мѣста въ книгѣ.

При извѣщенїи о хорошихъ, любопытныхъ, изданныхъ на отечественномъ языкѣ книгахъ, особенно о путешествїяхъ, не возможно почти обойтись безъ выписокъ, которыя лучше всего дають понятїе какъ о содержанїи, такъ и о слогѣ книги.

“Мы молодые люди ищемъ оныхъ (приключенїй) иногда неосторожно, часто ошибаемся, часто раскаиваемся; но при первомъ случаѣ снова ищемъ, прашимъ деньги и здоровье, сожалѣемъ и снова темъ же начинаемъ. Въ двадцать лѣтъ пламенное воображенїе юноши облагороживаешь всякій предметъ, всякое почти намѣренїе; и сколько опасность ни очевидна, мы тогда только оную замѣчаемъ, когда уже бѣды избѣжать не возможно. Счастливъ, счастливъ, кому благоразумный другъ подастъ добрый совѣтъ, или собственная похваль-

ная застенчивость предупредитъ печальныя
вѣдствія неопытности., (стр. 7)

“Въ Англіи всѣ вещи чрезмѣрно доро-
ги; здѣсь напримѣръ, сукно дороже про-
дается, нежели у насъ въ Россіи. Всемир-
ная торговля доставляетъ трудолюбивому
классу народа изобиліе — — — — —
— — — — —
— — — — —
— — — — —
— — — — — — промышлен-
ность достигла высочайшей степени у-
пущенія. Англинскій народъ, кажется,
только способенъ къ полезнымъ занятіямъ;
ни одинъ ремесленникъ не унижитъ се-
бя какимъ нибудь шутовствомъ ничтож-
нымъ. Фокусники Парижскихъ бульваровъ
заслужили бы здѣсь одно презрѣніе и ни-
кого бы не заставили удивляться сво-
ему шарлапанству. Впрочемъ Англинскій
художникъ не пренебрегаетъ никакимъ
трудомъ и изъ всего старается извлечь
деньги. Недавно одинъ гражданинъ Портс-
мутскій получилъ привилегію на истреб-
леніе мышей. Бывши въ Адмиралтействѣ,
я видѣлъ, какъ онъ вывелъ изъ корабля
не одну тысячу сихъ вредныхъ животи-
ныхъ. Вошъ какимъ образомъ онъ дѣлалъ
сію операцію:

“На днѣ прюма разгруженнаго корабля поставилъ онъ нѣсколько жаровень съ разкаленнымъ угольемъ, на которое посыпалъ какой-то порошокъ, составленный изъ разныхъ специй и правъ Мыши, какъ бы привлеченныя приипнымъ для нихъ запахомъ, всѣ вышли изъ своихъ норъ и окружили курильницы. Сначала онѣ бѣгали отъ него, когда онъ приближался къ жаровнѣ, а потомъ несмотря, что онъ билъ розгами по небольшому шамбурину, не прогались почти съ мѣста и не боялись его присутствія. Послѣ сего, заливъ огонь въ курильницахъ и зажегши два факела, составленные изъ тѣхъ же правъ, онъ вывелъ за собою всѣхъ мышей по доскѣ на берегъ и безъ малѣйшаго затрудненія собравъ ихъ въ приуготовленную яму, побилъ и повезъ домой, что бы выварить изъ нихъ сало.,,
(стр. 27 и 28)

“Недавно пришло сюда (въ Триэсть) небольшое Турецкое судно съ 24.000 земляныхъ черепахъ: счастливый Турокъ, покупая оныя (не проще ли бы: ихъ?) въ Албаніи по копѣйкѣ, въ пять дней всѣ здѣсь распродалъ, взявъ за каждую по $3\frac{1}{4}$ коп. Предшественникъ его симъ ничтожнымъ торгомъ составилъ капиталъ въ миллионъ червонцевъ, и теперь вмѣсто своей лодки, построилъ

корветъ, на кормъ коей *) поставилъ чистаго золоша въ настоящую величину черепаху. (Стран. 101.)

9. *Повѣсти, посвященныя дѣтямъ Франціи; сог. Г. Бульи, Члена многихъ ученыхъ и литературныхъ Обществъ. Съ 17 ю картинами (т. е. гравированными карпинками). Переводъ съ Французскаго А. Пеше. Москва, въ пип. Авг. Семена, 1825.*

Очень хорошія повѣсти—и очень дурно переведены. Неоспоримыя тому доказательства видѣшь можно въ № 16 *Сѣверной Пчелы*. Вообще повѣсти переводить не такъ-то легко—особенно же повѣсти Г. Бульи требуютъ опытныхъ переводчиковъ.

10. *Ботаника для юношества, содержащая начальные основанія Ботаники и изображенія 102 растѣній съ три-*

---

*) Въ письменномъ слогѣ должна быть такая же поучи простота, какъ и въ разговорномъ, а въ послѣднемъ слова: кой, коя, кое не употребляють, хотя они можеть быть и лучше чемъ: кошорый, кошорая, кошорсе.

цатью таблицами. С. п. б. 1826. Печашано въ шип. И. Глазунова и его иждивеніемъ, въ 12, 276 стран. *).

Полезная сія книжка весьма справедливо похвалена въ 1 № *Свѣрной Ители.* Желаетъ, что бы она разошлась скорѣе всѣхъ алманаховъ.

И.

*****

Собака и Кошка.

Можно сдѣлать довольно любопытныхъ и важныхъ вопросовъ, заслуживающихъ вниманіе даже нашихъ ученыхъ; но едва ли и они въ состояніи будутъ рѣшить нѣкоторыя изъ нихъ. Напримѣръ, почему названіе добраго, вѣрнаго и преданнаго намъ животноаго, того, которое не спрашится съ нами ни бѣдності, ни опасності, которое въ полной мѣрѣ заслуживаетъ нашу признательность, однимъ словомъ: *собака*—почему, спрашиваю, названіе это сдѣлалось самою грубою, оскорбительною и презрительною бранью? Называть человека *собакою*—значитъ не имѣть къ нему ни малѣйша-

---

*) Продается у книгопродавца И. И. Глазунова по 7 руб. Право дешево.

го уваженія. Хотя это выраженіе и неупотребительно между свѣтскими, образованными людьми; однако же оно въ обыкновеніи въ нѣкоторыхъ государствахъ. Англичане, въ патриотической своей грубости, не встрѣшаютъ иностранца безъ того, что бы не дать ему прилагательнаго *собаки*, которое означаетъ у нихъ презрѣніе, и слово *french dog* обыкновенно первое раздается въ ушахъ вышедшаго на берегъ Англии съ корабля Француза. И враги наши Турки величаютъ насъ собаками христіанскими, когда пощучють хребты наши палочными ударами.

Почему же въ самое то время названіе живошнаго, которому угодобляютъ лицемѣра, почему названіе *кошки* означаетъ приязнь и дружбу *)? Любовники почти не употребляютъ другихъ выраженій для изъясненія своей нѣжности, какъ: *кошечка*, *котенокъ*, (*mon chat, mon petit chat*), и все слова, означающія происхожденіе кошовъ, щедро распочаюшся въ приятныхъ, любовныхъ связяхъ. А если бы какой любовникъ назвалъ свою возлюбленную *собакою*, то безъ сомнѣнія покраснѣла бы она, или поблѣднѣла бы отъ досады и пощчасъ прекрашила бы съ нимъ всякое сношеніе.

---

*) Не у насъ, а у Французовъ.

Замѣчено, что кошки играютъ довольно важную роль въ любовныхъ дѣлахъ и что съ ними обходящся несравненно лучше, нежели онѣ того заслуживаютъ. Собака никогда не укусишь своего господина, даже и тогда, когда онѣ бьютъ ее; а кошка нерѣдко царапаетъ ту руку, копорая кормишь ее и ласкаетъ. Молоко, кофей, пирожное соснавляютъ обыкновенную пищу любимой кошки; она раздѣляетъ мягкое и великолѣпное ложе красавицы — а собака спитъ за дверью на полу, или на голой землѣ и часто дрожитъ шамъ отъ спужи.

Съ Франц. X.

~~~~~

Русскіе Анекдоты.

1.

Къ одному липшерапору, не здѣшнему, а Московскому, копорого не имѣю удовольствія знать лично, пришла просить о помощи бѣдная старая женщина въ то самое время, когда не было у него, что называется, ни копѣйки денегъ. Съ липшерапорами не рѣдко это бываетъ.—“Отець мой! если ты не пожалуешь, такъ придется мнѣ нынчѣ весь день сидѣть голодомъ.,— Что же сдѣлалъ добрый липшерапоръ? — Снялъ съ руки обручальное кольцо (онѣ не

какъ давно былъ женатъ и спраспно любилъ жену свою) и опдалъ бѣдной спарухѣ, сказавъ: “на тебѣ, матушка, возьми, продай и купи, что надобно..”

2.

Такой же почти случай былъ съ покойнымъ В. В. Попугаевымъ. Пришелъ просить къ нему денегъ одинъ несчастный, благородный человекъ; а денегъ у В. В. не было. Онъ не зналъ чпо дѣлать, но взглянувъ нечаянно на новый свой фракъ, который за нѣсколько предъ темъ часовъ принесенъ былъ къ нему отъ порпнаго, принудилъ гостя взять этотъ фракъ, а самъ мѣсяца три лишнихъ проходилъ въ шаромъ.

3.

При одной престарѣлой любительницѣ словесности говорили о романахъ Валпера Скопша и очень часто упоминали его имя. — “Помилуйте, батюшки, сказала она: *Валтеръ* конечно большой вольнодумецъ, а *скоттибъ* право нельзя называть его., — Эта почтенная спаруха была большая охотница до книгъ, особливо до романовъ.

4.

На провинціальномъ театрѣ новичокъ

актеръ, вышедъ въ первый разъ анонсировать, сбился, поклонился и за кулисы со стыдомъ ворошился. Товарищи спали надъ нимъ смѣялись. Въ оправданіе свое сказалъ онъ, будто суфлеръ сбиль его—и прибавилъ съ жаромъ: “докажу въ слѣдующій разъ что могу анонсировать.,”

5.

Секретарь въ первый день вступленія своего въ должность, съ важностію подошелъ къ писцу и отдавая ему переписанную набѣло бумагу, сказалъ сердитымъ пономъ: *пропустилъ! вшиш!* — “Кажешся, сударь, мы чинали вѣрно: что такое пропущено?., — *Лоллиа* —И долго послѣ того спрогий эптошь Секретарь, когда замѣчалъ, что пропущенъ какой нибудь знакъ препинанія, выносилъ исходящія къ писцамъ и приказывалъ имъ по своему произволению ставить *коммы, семикомы и пункты*, пока присутствующіе не запретили ему эптого.

6.

Другой Секретарь (это было встари-ну) сказалъ писцу: “помилуй, брашець! сколько заняшыхъ наславилъ ты: что слово, то заняшая! Къ чему эпто?.,—Да съ заняшыми-то, сударь, красивѣе!—

Н. Н. имѣлъ несчастье лишиться еще въ молодыхъ лѣтахъ жены, которую любилъ страстно и съ которой жилъ полъдва, или при года. Поплакалъ, похоронилъ и опять спалъ плакать. Единственная прогулка его была на то кладбище, гдѣ покоился прахъ любезной его супруги; единственная ограда молилась на ея могилѣ и орошалъ ее своими слезами. Въ пятый, а можетъ быть и въ десятый разъ послѣ похоронъ, нечаянно замѣнилъ онъ неподалеку отъ себя на кладбищѣ молодую женщину въ траурѣ, горько плачущую на свѣжей могилѣ, и оставилъ это безъ вниманія. Въ слѣдующій разъ видитъ онъ ее опять на томъ же самомъ мѣстѣ и въ такомъ же почтено положеніи, какъ и прежде...потомъ опять и опять. Несчастливые имѣютъ между собою симпатію, невольно влекущую ихъ другу къ другу. Вошь несчастный нашъ вдовецъ, частію изъ состраданія, частію изъ любопытства, подходитъ къ плачущей незнакомой дамѣ и видитъ, что она прекрасна собою (горестъ, равно какъ и радость увеличиваетъ красоту); вступаетъ съ нею въ разговоръ и узнаетъ, что она вдовушка, лишившаяся добраго и любимаго мужа. Послѣ того вся-

кой разъ, когда они бывали вмѣстѣ на кладбищѣ, разговаривали между собою, поплакавъ разумѣется напередъ каждый на своей могилѣ. *N. N.* нашель въ прелестной вдовушкѣ чувствительную, умную, образованную, истинно благородную съ прекраснѣйшими правилами женщину. Однажды осмѣлился онъ попросить у нея позволенія посѣпить ея; она позволила и приняла его какъ человѣка, заслуживающаго по многимъ отношеніямъ искреннее уваженіе. Онъ спалъ посѣщать ея чаще, приобрѣлъ ея довѣренность и дружбу, которая, какъ извѣстно въ молодыхъ лѣтахъ между особами разнаго пола скоро превращается въ любовь...наконецъ...наконецъ нашъ вдовецъ женился на вдовушкѣ. Жилъ онъ съ нею совершенно счастливо тридцать лѣтъ и имѣлъ несчастіе пережить ея. Бѣдному *N. N.* было тогда слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ; давно уже онъ спрадалъ подагрою и не только не могъ идти на кладбище, но даже ходить по комнашѣ. Старый другъ навѣщалъ его каждый день и горевалъ съ нимъ вмѣстѣ. Однажды, и чушь ли не въ сороковый день, дряхлый и хворый *N. N.* ропшалъ передъ другомъ на бѣдспвенную свою участь, что не можетъ быть на кладбищѣ.— “Да, жаль, очень жаль, что ты не можешь быть тамъ, сказалъ его старый приятель: авось

нашелъ бы ты еще на кладбищѣ хорошую вдовушку да и женился бы на ней.—N. N. не могъ уперѣть, что бы сквозь слезы не улыбнулся; а пришелю его только и хотѣлось, что бы какъ нибудь развеселить его *).

И.

~~~~~

*) Случаешься иногда—разумѣется чрезвычайно рѣдко—что въ самой величайшей горести нельзя никакъ не разсмѣяться отъ неожиданной шутки. Напомнимъ здѣсь два извѣстные случая. Въ одномъ сраженіи у Французовъ съ Нѣмцами запрещено было первымъ давать пощаду неприятелямъ. Во время схватки Французскій гренадеръ устремился со штыкомъ на Нѣмецкаго Офицера. Тотъ бросилъ шпагу и просилъ о пощадѣ жизни. — *Все радъ для васъ сдѣлать*, сказалъ вѣжливый Французъ: *но жизни оставить вамъ никакъ не могу.*—Спарушка Француженка, окруженная за нѣсколько часовъ до своей кончины любимыми дѣтьми и внуками, сказала имъ съ чувствомъ: “дай Богъ, чпобъ вы, любезныя дѣти, были счастливы., Сидѣвшій у ея изголовья зять, котораго любила она какъ роднаго сына, спросилъ, ее съ прищворною важностію: *а зятьямъ, матушка, желаете ли также счастья?* Добрая спарушка почти расхохоталась на одрѣ смерши.—

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1826 — N° IV.

НЕАПОЛЬ *).

Недаромъ сильно хошѣлось мнѣ бытъ въ Неаполь: ничего нѣтъ прекраснѣе этого города, и, думаю, ни одинъ не можетъ похвалиться такимъ прелеснымъ мѣстоположеніемъ. Неаполипанцы не безъ основанія говорятъ: *кто видѣлъ Неаполь, тотъ все видѣлъ*. Чтoby лучше судить обь удивительномъ мѣстоположеніи сего города, мы взобрались на бельведеръ Карпезіанскаго монастыря, находящагося на горѣ Сп. Ельмъ. Оттуда мы наслаждались восхищительнѣйшими видами, какіе вообразить себѣ только можно. Одна часть города возвышается къ западу амфитеатромъ на горахъ Павзилишы, Сп. Ельмъ и Анпиньяньо; другая простирается къ востоку по мѣсту, болѣе ровному, и имѣетъ въ перспективѣ

---

*) Изъ *Jeunes Voyageurs* 1823.

знаменистую гору Везувій, копорый сколько величественъ, сколько же и ужасенъ, извергая по дымъ, по пламя. Съ высоты бельведера онъ виденъ съ его окрестностями и прекрасными дачами, копорыми усѣяна равнина опъ Неаполя до Порпичи и далье. Планъ города, съ прелестными садами въ окрестности, опшуда раскрывающа въ полночь. Площади, прекраснѣйшія улицы, величайшія зданія такъ расположены, что видъ ихъ ни мало не перьяется. Можно различить дома, экипажи, мужчинъ и женщинъ и даже цвѣшь ихъ плащя, когда небо чисто. Наконецъ съ сѣверной стороны видны богатые холмы, возвышающіеся нечувствительно къ счастливой Кампаніи и покрытыя виноградникомъ, плодовитыми садами, фиговыми, апельсинными, оливковыми и лимонными деревьями. Эпошь видъ простирается даже до Капуи и до замка Казерша, опстоящаго на пять миль.

Прекрасный климатъ и плодоносная почва доставляють сему мѣсту всевозможныя наслажденія. Исключая шрехъ, или чешырехъ мѣсяцевъ, климатъ здѣсь уди-

випельно припшень; но лѣпомъ жары очень сильны и могутъ показаться не-носными для приѣзжаго изъ сѣвера; однакожь воздухъ прохлаждается морскими вѣспрами. Эпа жара и еще болѣе подземныя печи Везувія и Сольфатера, безъ сомнѣнїя причиною необыкновенной скорости, съ копорой поднимаюся всѣ произрощенїя. Въ Февралѣ мѣсяцѣ, маленькїй горохъ, спаржа, аршишоки и даже дыни, очень обыкновенны. Во всякое время рынки наполнены плодами и всякаго рода правами, соснавляющими главнѣйшую пищу Неаполишанцевъ.

Въ садахъ, окружающихъ Неаполь, и особенно въ тѣхъ, копорые ближе къ морю, или закрытыхъ отъ сѣвернаго вѣспра, плоды въ большомъ изобилїи и чрезвычайно вкусны. Земля щедрая на произведенїя, никогда не истощевается. Житва богата и разнообразна: многія деревья сохраняють непрерывную зелень, другія теряють ее уже очень поздно и скоро снова въ нее облакаются. Вездѣ распушь цвѣшны; розы, гвоздики, ясины цвѣшуютъ даже зимою; тысяча припшнѣйшихъ запаховъ наполняютъ воздухъ.

Для освѣженія атмосферы, есть множество водометовъ, которые доставляютъ въ изобиліи воду во все часы города, площади и набережныя. Сія водометы поддерживаются водами, проходящими черезъ подземныя трубы отъ сѣверныхъ высотъ къ западной сторонѣ города и чрезъ Сибирскія, соединяющіяся съ моремъ.

Городъ съ предмѣстіями простирается болѣе, нежели на двадцать миль. Въ немъ шестнадцать заславъ, всегда открытыя по причинѣ непрерывнаго движенія жидкостей. Онъ окруженъ простою стѣною съ башнями, прилежащими къ сосѣднимъ высотамъ. Три укрѣпленныхъ замка служатъ къ его защитѣ. Первый—замокъ *айца*, такъ названнаго по его длинной и овальной формѣ. Онъ построень на скалѣ посреди моря въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Лукуллъ имѣлъ домъ и прелестнѣйшіе сады. Этого замка, въ который входятъ по большому мосту, простирается къ заливу и защищенъ его. Второй—замокъ *Новый*, порядочная крепость на берегу моря, противъ большой площади у испани. Онъ окруженъ глу-

бокими рвами и башнями, очень высокими и снабженными артиллерією. Тамъ находився большой арсеналь. Эпошь замокъ, служившій нѣкогда пребываніемъ Государей, заключаешъ въ себѣ нѣсколько памятниковъ и сохраняетъ какое-то величіе, котораго не имѣюшъ другія обыкновенныя крѣпости. Въ него входятъ по большой, не слишкомъ гладкой равнинѣ, украшенной множествомъ водоемовъ. Пространный дворъ служишъ хранилищемъ оружія. — Прекрасная лѣсница ведетъ въ большія комнаты; тамъ ешъ триумфальныя ворота, древнія списуи, очень хорошая церковь, колодцы, и проч. Можно подумашъ, что это маленькій городъ.

Наконецъ замокъ Сп. Ельмъ, лежащій на горѣ сего же имени. Онъ защищаешъ самый городъ. Эпо крѣпость съ минами, подземными ходами, широкими рвами вырытыми въ скалѣ, большой водоемъ, сильная артиллерія и гарнизонъ. Ешъ еще не такъ важная крѣпость: она служишъ не только къ защитѣ города, сколько къ обузданію черни. Предосторожность, которая кажешся необходимою

въ этой странѣ, гдѣ врожденное безпокойство, непоспоянство, бѣдность и лѣность жишелей могутъ легко произвести внутреннія волненія.

Въ южной части города находится предмѣстіе *Сантѣ-Люгія*, мѣсто Неаполя лучше всѣхъ застроенное, болѣе населенное, удобнѣйшее по близкому сосѣдству своему ко двору, здоровѣйшее и приятнѣйшее по своему мѣстоположенію, выдавшемуся къ заливу. Оно смѣжно съ предмѣстіемъ *Чяя* (*Chiaia*), проспирующимся къ горѣ Павзилиппы къ западу. Высокіе дома однообразной постройки, водометы украшенные архитектурою и расположенные въ извѣстномъ распоянїи по набережной, которая въ ширину имѣетъ болѣе ста проазовъ, дѣлають весьма приятный видъ на сіе предмѣстіе. Съ другой стороны города къ востоку, идя къ *Портичи* по берегу моря, находится предмѣстіе *Лоретта*, также украшенное прекрасною набережною и красивыми однообразными домами. Эта набережная оканчивается мостомъ Магдалены, подъ которымъ *Сибето* низвергается въ море.

Въ сосѣдствѣ находится скотный дворъ, также и придворныя конюшни, гдѣ можно видѣть прекраснѣйшія породы Неаполитанскихъ лошадей. Предмѣстіе *Св. Антонія*, не много болѣе къ сѣверу-есть одно изъ величайшихъ въ Неаполѣ. Въ немъ улицы широки и прекрасны. Наконецъ пятое предмѣстіе, называемое *Дѣ-вильмиб*, простирается по высотамъ къ сѣверу.

Всѣ улицы какъ въ городѣ, такъ и въ предмѣстіяхъ, вымощены широкими плитами, копорыя походятъ, по черному своему цвѣту и твердости, на лаву изъ Везувія. Эти улицы по большей части прямыя и широкія. Толедская улица, (*strada di Toledo*) превосходна. Она простирается отъ воротъ Св. Духа до входа на королевскую площадь, въ длину на 540 тоазовъ. Она также и широка; зимою служитъ для ристалищъ, или публичныхъ гуляній. Туда собираются къ ночи - всѣ лавки освѣщаются фонарями, и продажа тогда идетъ гораздо успѣшнѣе, нежели днемъ.

Вообще всѣ дома въ Неаполѣ одной формы, одинаково высоки, въ чешыре, или

пять этажей, съ плоскими кровлями на подобіе шеррасъ, гдѣ спавяпть горшки съ цвѣтами и вазы съ плодовишыми деревьями и куда выходяпть прогуливапсья, освѣжашься ночнымъ воздухомъ, бесѣдовашь съ жильцами дома, или съ сосѣдями. Нѣтъ страны, въ которой было бы столько церквей, какъ въ Италіи. Въ Неаполѣ также въ нихъ нѣтъ недостатка. Ограничусь описаніемъ главнѣйшихъ, начавъ съ квадратной, посвященной Св. Яннуарію, первому покровителю города и Королевства.

Передъ церковью есть площадка, на которой поставленъ обелискъ съ большимъ изваяніемъ Св. Яннуарія на верху. Обелискъ мраморный, украшенія и изваяніе бронзовыя. Церковь, построенная на развалинахъ храма Аполлонова—есть старое, готическое зданіе съ чепырмя огромными башнями, что даетъ ей видъ крѣпости. Внутри храма на стѣнахъ изображены Апостолы и Евангелисты. Надъ хоромъ есть маленькая часовня, въ которой покоятся мощи Св. Яннуарія; она обложена бѣлымъ мраморомъ; эпошъ священный имѣеть еще другую часовню, назы-

взаемую сокровищелѣ, попому, что чрезвычайно великолѣпна и богата. Церковь Св. Филиппа Неринскаго великолѣпнѣйшая, какую гдѣ либо можно видѣть. Въ самомъ Неаполѣ, она почиается достойною удивленія. Произведенія живописи, ваянія, мраморъ, колонны, позолоты, вазы, хранилища мощей, драгоценные камни во всѣхъ эсихъ украшеніяхъ—видно даже распоченіе. Однакожь послѣ этого зданія, можно посѣшить и даже удивляшсья славному карпезіанскому монастырю, находящемуся на горѣ Св. Ельмъ.

Церковь, построенная на новый образецъ, естѣ поржество народнаго вкуса. Помостѣ мраморнѣй, сводѣ украшенѣ позолотою и карпинками, алтарь покрытѣ серебромъ, золотомъ и драгоценными камнями. Вездѣ лучшій мраморъ, живопись, ваяніе и позолота. Замѣчательны двѣнадцать карпинѣ Еспаньолета, изображающія двѣнадцать Пророковъ. Лица ихъ имѣютѣ несбыкновенную выразительность, краски безподобны; ризница богашѣйшая и украшена лучшими произведениями живописи, какъ равно и часовня и прапеза. Библіотека и комната

для приема иностранцевъ замѣчательны по множеству разнообразныхъ украшеній. Но что выше всего, это комната Наполеона, поистинѣ царская. На плафонѣ прекрасная живопись, оригинальныя картины, сохраняемыя подъ стекломъ очень дорогою цѣны, между прочими знаменитое изображеніе Спасителя Мишель-Анжа—маленькая картина около фуста въ вышину. Наконецъ прелестныя сады, которые выше всякаго описанія. Въ концѣ садовъ на маленькой террасѣ находится эрота славный бельведеръ, куда приходяшь всегда съ новымъ удовольствіемъ, осматриваешь всѣ красоты и рѣдкости внутри Картезіанскаго монастыря.

Неаполитанскій Король имѣетъ два дворца. Одинъ построенъ на горѣ, называемой *Caro di Monte*: мѣстоположеніе очень приятно по здоровому воздуху и по свѣжести, которою можно наслаждаться въ самые сильные жары лѣта; но эрота дворець не дѣлаетъ большей чести своему архитектору. Другой—обыкновенное пребываніе Короля — есть лучшее зданіе въ Неаполѣ. Онъ стоить на площади, гдѣ оканчивается Толедская ули-

ца. Здѣсь бывають различныя увеселенія народныя, какъ то: поединки пиками на лошадяхъ, сраженія звѣрей, фейерверки и особливо такъ называемое *Кокань* *).

Чтобы дать себѣ понятіе объ эпомѣ Кокань, представь себѣ большой амфитеатръ, на которомъ въ срединѣ стоятъ коровы, шелята, бараны, свиньи и кучи хлѣба; по сторонамъ гуси, индѣйки, куры, каплуны, и проч. Большая часть сихъ живописныхъ привязаны живыя. Тушь сшавятъ вино, которое бьешь фоншанами. Король даетъ эпомѣ праздникъ народу всякой разъ, когда есть предлогъ къ народнымъ увеселеніямъ. Онъ начинается какимъ нибудь зрѣлищемъ, послѣ котораго солдашы, окружающіе амфитеатръ, оповоряютъ входы. Тотчасъ Лазарони, бѣднѣйшій классъ жишелей, но и самый рѣшишельный, въ однѣхъ рубашкахъ и исподнихъ плащяхъ кидаются спремительно на добычу. Всѣ кучи въ одну минуту разбишы. Не думай однакожь, что эпомѣ народъ, забавляющійся такимъ вар-

---

*) Почти то же, что у насъ праздникъ быковъ. *Изд.*

варскимъ образомъ, былъ хуже народовъ другихъ странъ. Чернь вездѣ одинакова, и та, копорая бьетъ окна въ Лондонѣ, когда не шакъ скоро освѣщающъ ихъ, какъ ей хочется, споль же буйна, какъ и въ Неаполѣ. Я удивляюсь не сполько эшимъ Лазарони, сколько зрителямъ, копорые находятъ удовольствіе глядѣшь на сихъ несчастныхъ, какъ они дерущся, падающъ и вырываютъ другъ у друга добычу, подвергаясь опасности переломить руки и ноги, что очень часто случается.

Эти Лазарони, о копорыхъ говорено было шакъ много дурнаго, не споль дурны какъ ихъ изображающъ. Они по большой часпи прекрасные мужчины, лица смуглаго, росла высокаго и кажущя очень сильными. Бездѣлица можеть удовлетворить ихъ. Дайте имъ за комисію сколько можно менѣ денегъ—они изольются въ благодарности. Ихъ издержки ничтожны; кодящъ въ рубашкахъ, исподнемъ плащѣ, холстинномъ колпакѣ, безъ чулокъ и башмаковъ. Дѣши почти наги лучшую часнь года, и если чувствующъ себя довольно сильными, шпобъ борощься съ волнами, то смѣло пу-

скаются въ море. Женщины, съ опкрытою головою, съ опущенными назади волосами, вмѣсто покрыва, едва имѣють на себѣ нѣсколько холста и изорванной шафты. Большая часть изъ нихъ охотно занимается работами, приличными ихъ полу. Вяжутъ чулки и колпаки, продажа которыхъ достаточна на ихъ содержаніе съ дѣтьми и мужьями, если сіи послѣдніе ничего себѣ не достаютъ. Пища ихъ не пребудетъ большихъ издержекъ; для нихъ довольно плодовъ, справъ и макаронъ, которые вездѣ можно найти за дешевую цѣну въ кухняхъ, расположенныхъ по улицамъ. Для многихъ квартира совсемъ не нужна. Приятность климата позволяетъ имъ проводить ночь на лавочкахъ у домовъ. Эти люди, неимѣющіе ничего, веселы, довольны и находятъ на каждомъ шагу въ этомъ большомъ городѣ различные увеселенія, возбуждающія ихъ вниманіе, или занимающія ихъ праздность. Это истинные философы, презирающіе богатство и наслаждающіеся счастьемъ въ совершенной безопасности.

Мнѣ кажется, что лѣность природное свойство Неаполитанцевъ, которые

вообще имѣютъ большое отвращеніе отъ труда; но это не мѣшаетъ тремъ, или чепыремъ спать тысячамъ жилищей, находятъ способы къ пропитанію, пошому что они по большей части воздержны и довольствуются весьма малымъ. Съѣстные припасы всякаго рода очень дешевы, въ большомъ изобиліи и хорошаго качества. Мяса пипательны, пшпцы и дичь обыкновенны. Море доставляетъ рыбы и раковины. Плодовъ и правъ вездѣ много. Одежда не пребуетъ большихъ издержекъ. Этошъ родъ роскоши, разоряющій дома средняго класса въ другихъ спранахъ, до сихъ поръ еще не извѣстенъ Неаполю. Даже въ высшемъ соспояніи, одежда какъ у мужчинъ, пакъ и у женщинъ, проста, хопя и красива. Здѣсь не видно этого разнообразія въ модахъ, этой скорой перемѣны въ плашьяхъ, которая возышая въ цѣнѣ новую вещь, дѣлаетъ ее по прошествіи нѣсколькихъ дней, совершенно безцѣнною, пошому что явишся опять что нибудь новое.

Такимъ образомъ каждый съ небольшими способами, имѣетъ возможность жить припно; тѣ же, кошорые не имѣ-

юпъ и сихъ способовъ, могутъ каждый день найши хлѣбъ и супъ во многихъ монастыряхъ и помощь въ госпиталяхъ и другихъ благопвортительныхъ заведеніяхъ. Если они больны, то получаютъ также даромъ нужныя для нихъ въ семь случаѣ насавленія и лѣкарства въ монастыряхъ у аптекарей; и пока не будетъ дороговизны на припасы, народъ останеться всегда доволенъ: онъ не мѣшается въ дѣла правленія и желаетъ только наслаждаться выгодами и увовольствіями, которыя эта прекрасная сторона доставляетъ ему безпрерывно.

О Неаполитанцахъ можно сказать, что они вновь переродившіеся Римляне. Имъ нужны только хлѣбъ и зрѣлища; но они предпочитаютъ всему духовныя церемоніи. Каждый годъ возобновляются праздники Св. Яннуарія, S. Maria di pia di grotta и множество другихъ. Праздникъ Св. Маріи превосходитъ всѣ прочіе своимъ великолѣпіемъ. Онъ бываетъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. Король, Королева и вся королевская фамилія въ этотъ день идетъ въ церковь Богородицы, находящуюся у подножія горы Павзилиппы. Весь

дворъ показывается въ блистательнѣйшемъ видѣ: Войска въ ружьѣ занимають улицы и набережную Чая. Шествіе бываетъ медленно, чтобъ дать народу насладиться симъ зрѣлищемъ. Собраніе многочисленно; изо всѣхъ сосѣднихъ деревень собираются крестьянки, копорыя по большей часпи одѣваются въ шелковое платье, вышитое золотомъ, или серебромъ. Онѣ такъ любятъ эतोшъ праздникъ; что въ свадебномъ контрактѣ выговариваютъ, чтобъ мужа возили ихъ непременно къ этому дню въ Неаполь. Сія церемонія приводитъ въ движеніе весь городъ, и нѣтъ ни одного челоуѣка, копорый бы не принялъ въ ней участія.

Есть еще два дня очень знаменитыхъ по великолѣпію, съ какимъ Неаполитанскія дамы являются въ публику: это четвергъ и пятница спрасной недели. По утру въ четвергъ — дамы выходятъ въ карешахъ и выказываютъ всю возможную пышность. Одѣшы только въ черное платье; но убранства, драгоценные камни замѣняютъ простоту ихъ одежды. Послѣ обѣда и на другой день, карешъ уже не видашь на улицѣ; мужчины

идушь пѣшкомъ, а женщинѣ носятъ въ прекраснѣйшихъ носилкахъ. Спекла опущены со всѣхъ чешырехъ споронѣ и опверсія такъ велики, что все тѣло отъ головы до ногъ видно: Неаполитанская дама лучше останется дома, нежели покажешся публикѣ не вся. Передъ носилками идушь скороходы и служилеи, копорые ночью несутъ факелы. Великоколѣно одѣтые пажы идушь по споронамъ носилокъ, но такъ, чтобы не лишашъ зрителей удовольствія видѣть даму со всѣхъ споронѣ. Можно ли повѣрить, что мужчины часно зашмѣваюшь собою женщинѣ, показываясь съ ними въ публику? Все вниманіе народа только на нихъ обращашся. Это случается въ прогулкахъ по strada nuova каждую пятницу Марша мѣсяца. Всѣ мужчины являющыя въ чрезвычайномъ великолѣніи, выказывающимъ ихъ богатство. Вниманіе всѣхъ усшремлено не на дамъ, копорыя ихъ сопровождаютъ, но на скороходовъ и служилеи, одѣтыхъ въ прекрасную ливрею, на красопу экипажей и на упряжку чешверни, или шештерни красивѣйшихъ лошадей. Экипажи шянушся въ три ряда и на проспран-

спвѣ двухъ миль по прямой линіи. Кромѣ числа и богатства экипажей, любишься мѣстоположеніемъ. Съ одной стороны море; съ другой рядъ очень милыхъ дачъ на разстояніи нѣсколькихъ миль. Везувій, кошораго нельзя не видѣть всегда съ новымъ удовольствіемъ, представляется взорамъ съ восточной стороны. Къ западу видна гора Павилицца и часть города, построеннаго на горѣ. Со всѣхъ сторонъ видны лучшія и разнообразнѣйшія мѣстоположенія. Ихъ найдешь только въ Неаполѣ.

Здѣсь очень понравился тому, кто отрасно любитъ музыку. Здѣсь не пропустишь ни одной Сперы, услышишь музыку самую выразительную, натуральную пріяшнѣйшую, совершеннѣйшую въ мірѣ. Это торжество Неаполитанцевъ. Природа, кажется, сотворила ихъ для музыки. Звукъ голоса, просодія слоговъ, разговоръ, движеніе — все дышетъ гармоніею — все выказываетъ народъ поющій. Прекрасные голоса обыкновенны и средствъ очень много, что бы образовашъ ихъ.

Театръ Св. Карла назначень для большій, важной Оперы. Омъ открышь не

цѣлый годъ. Это зданіе, построенное по образцу Туринскаго театра, велико и прекрасно, но въ немъ едва слышно актеровъ. Ложи убраны обоями, зеркалами, люстрами, столами и софами. Въ нихъ помѣщается отъ десяти до двѣнадцати человекъ. — Тутъ принимаютъ гостей, играютъ, ѣдятъ мороженое и даже ужинаютъ. Итальянцы не ходятъ въ театръ собственно для зрѣлища; они спаряются забавляясь другимъ образомъ. На этомъ театрѣ нѣтъ ни машинъ, ни декораций, ни того богатства и изящества въ нарядахъ, ни многочисленной труппы, ни наружнаго великолѣпія, котораго составляютъ сущность Оперы. Число пѣвцовъ и пѣвицъ проспирается до семи, или осьми человекъ мужчинъ и женщинъ. Но оркестръ многочисленъ и очень хорошъ. Я ничего не скажу о панцахъ — это не что иное, какъ скачки и прыжки; балеты не имѣютъ никакого отношенія къ пьсамъ.

На театрѣ новомъ, неправильной фигуры и безъ всякихъ украшеній, играютъ забавныя Оперы; послѣ пьсы бываютъ иногда очень хорошія пантомимы, Эпопы

родъ танцевъ мнѣ кажется свойственъ Испальянцамъ по живоспи ихъ движеній и жестовъ, еспешвенно мимическихъ. На театрахъ играютъ только три раза въ недѣлю. Цѣна ложа мѣренна. Духовныя особы не почишають неприличнымъ быть въ театрахъ, обыкновеніе — допускаемое только въ Неаполѣ.

Въ эшомъ городѣ считаешся чешыре публичныхъ библіотеки и много другихъ частныхъ, копорыми владѣють монахи, заслуживающихъ вниманіе любопытныхъ по заключающимся въ нихъ рѣдкостямъ. Но онѣ не слишкомъ полезны Неаполишанцамъ, копорые съ природнымъ ихъ теніемъ, не имѣють духа углубляться въ науки. Однакожь Неаполь былъ опечествомъ многихъ ученыхъ мужей: Кавалера Бернина, математика Борелли, композиторовъ Фаринелли и Саччини (Sacchini) поэтовъ Санназара и Мазини и Папы Урбана VIII.

Мануфакшуръ мало, хопя спрана богата всѣми произведеніями. Здѣсь занимаются самымъ нужнымъ. Заведены только шпофныя, бумажныя и шелковыя фабрики, копорыя снабжаютъ своими

работами провинціи, дѣлають бархатъ, плашки, шелковые чулки, полошнѣ. Народъ легко и охотно занимается шелководствомъ, которое могло бы принести большой доходъ государству, если бы распространяли сію отрасль промышленности. Но когда народъ умѣетъ ограничиваться тѣмъ, что природа щедро доставляетъ ему, то какая ему надобность прибѣгать къ постороннимъ способамъ, рождающимъ роскошь, увеличивающимъ его нужды и потребности и дѣлающимъ его несчастнымъ въ случаѣ неудачи въ предпріятіяхъ.

Везувій въ шести миляхъ отъ Неаполя; это пространство покрыто прелестнѣйшими дачами. Къ горѣ ѣздятъ въ экипажѣ и верхомъ. Но когда достигнете преппи горы, проводники, люди обыкновенно сильные и привыкшіе къ своему дѣлу, обвязываютъ васъ длиною перевязью, которую прикрѣпляютъ къ спинѣ своей, и такимъ образомъ впаскиваютъ васъ на вершину. Мы точно такъ вошли на лошину, называемую *Atrio del cavallo*. Не думаю, чтобы въ мірѣ было мѣсто спрашнѣ этого. Оно бесплодно, покры-

шо лавою, камнями, пепломъ, шлакомъ, желѣзною выгаркою, смѣшенными съ сѣрою и квасцами. — Все представляешь нѣчто ужасное; воображаешь себя на пути къ аду. Везувій, извергающій въ это самое время дымъ и пламя, подтверждаетъ эту мрачную мысль, и дѣйствительно думаешь быть близко того ужаснаго мѣста, гдѣ должны совершаться вѣчныя казни за пресупленія и злодѣяства.

Опъ сей лоцины надобно взбирашь ся на вершину. Тушь проводники берутъ предосторожность узнать, откуда дуешь въперъ, что бы подыматься со стороны пропивной той, на которую наносится дымъ. Чемъ выше идешь, темъ пруднѣе шановишься дорога. Иногда уходишь по колѣно въ пепель. Къ счастію, на самой крушой часни горы есть родъ площадки, копорая, кажется, окружаетъ весь Везувій. Здѣсь мы отдохнули и любовались прелестнѣйшими мѣспоположеніями; но подымаясь выше, прудности умножаются, приближеніе къ крашеру ужасно. Опшуда выходятъ испаренія угольные и сѣрные, копорыя по удушливости своей могутъ произвеси расслабленіе и даже

обморокъ, если не запасешься спиртомъ. Почва очень горяча. Наконецъ достигли мы до самой вершины, куда можно идти довольно удобно по перегорѣлому и красному песку, подъ копорымъ находишся пережженный камень. Мы не входили въ краперъ; но шѣ, копорые болѣе насъ имѣли духа и шамъ были, сообщили намъ слѣдующія замѣчанія.

“Входяшъ въ краперъ по дорогѣ почти перпендикулярной, но удобопроезжимой по выдавшимся камнямъ. Форма и дно часто измѣняются. Этошъ краперъ походитъ по на опрокинушую воронку, по на конусъ; онъ увеличивается, или уменьшается, смотря по тому, какъ сильно подземное броженіе, поелику это не что иное, какъ кора, сославившаяся изъ лавы, шлака, песку, золы и другихъ часпей, извергаемыхъ волканомъ. Часпи этой коры распляемыя и опяшъ заспывающія, безпрерывно питаютъ жерло и являющія въ различномъ видѣ. Жаръ въ краперѣ такъ великъ, какъ въ банѣ. Изъ разсѣлинь, умножающихся со всѣхъ споронъ, выходяшъ облака дыма, или удушливыхъ испареній.”

Спускаясь съ горы, мы замѣтили по среди необъяпныхъ глыбъ лавы и волканическихъ изверженій прелестную горку, прилежащую къ Везувію, и вѣроятно соснавившуюся какимъ нибудь давнимъ изверженіемъ. Она называется St Angelo и на ней живуть Камалдулы, добродѣшельные опшельники, слѣдующіе весьма строгимъ правиламъ. Это мѣсто прелестно, покрыто пріяпною зеленью, и соспавляетъ разишельную противоположность съ ужасными предметами, его окружающими. У подошвы горы на почвѣ удивительно плодощверной лежатъ нѣсколько довольно значительныхъ селеній, копорыхъ жишели несмотря на то, что смерть виситъ надъ ихъ головами, живуть въ совершенномъ спокойствіи. По привязанности ли къ мѣсту рожденія, или по непоняпному безумію, презирають они всѣ опасности. Примѣръ прошедшаго не спрашивъ ихъ.

Везувій сосѣдь весьма опасный и ужасный. Не надобно довѣрять спокойствію его, продолжающемуся уже нѣсколько лѣтъ сряду, въ печеніи копорыхъ изъ него выходитъ только дымъ. Это спокой-

спвіе обманчиво. Часпи, пишающія волкань, непрерывно перерождающся, кипятъ и спарающся освободиться изъ жерла, гдѣ онѣ заключены. Внутреннія землетрясенія служатъ къ тому первымъ знакомъ; на воздухъ поднимаетъ тогда чернѣйшій и густѣйшій дымъ, и если возвышается конусомъ, или принимаетъ образъ сосны, то надобно ожидать ужаснаго изверженія.

Везувій изрыгаетъ дымъ, огонь, воду и земляныя часпи. копорыя раздѣляются на очищенныя и неочищенныя огнемъ. Между послѣдними лава и пепель. Лава есть огненная масса расплавившихся часпей, текущая медленно изъ нѣдръ Везувія до подошвы горы, а иногда и до моря. Оспанавливаясь въ печеніи по мѣрѣ того, какъ теряешь жаръ свой, спановишся она грубымъ камнемъ, пвердымъ какъ мраморъ и имѣющимъ одинакую съ нимъ полировку и употребленіе. Пепель, извергаемый Везувіемъ, выходитъ изъ жерла съ необыкновенною силою, подымается очень высоко, держишся очень долго на воздухъ по своей легкости и разносится далеко въпрами. Везувій извергаетъ

также огромные камни, которые подымаются и падаютъ на большое разстояние.

Де ла Торрь, славный физикъ, написалъ исторію изверженій эпого волкана и имѣлъ духъ дѣлать надъ нимъ наблюденія на мѣстѣ. Первое изверженіе, о которомъ упоминають авторы, произошло 24 Августа 79 года по Р. Х. Вѣроятно были изверженія и до того времени. Опъ сего года до 1779 считаешся ихъ 27. Разрушеніе Геркуланума и Помпей произошло опъ перваго. Геркуланумъ былъ истребленъ не горящею лавою, но текучимъ и густымъ пепломъ, подъ которымъ былъ погребенъ. Эпопъ пепель, превратившійся въ послѣдствіи въ рыхлый камень (tuf), былъ тогда очень горячъ; онъ обжегъ двери и балки домовъ, которыя превратились въ уголья. Хлѣбъ и плоды почернѣли, также спашуи, мебель и бронзовыя вещи, но ничего не сгорѣло и не испортилось. Равная участь постигла и Помпею, съ пою однако разницею, что пепель покрывшій эпопъ городъ, не превращался въ камень и былъ гораздо грубѣе. Лава не обращала никогда своего печенія въ

эту спорону по опдаленности, и розыски въ Помпей не такъ трудны, какъ въ Геркуланумъ, потому что зданія Помпей покрыты только на нѣсколько фузовъ.

Тринадцатое изверженіе 16 Декабря 1651 года было одно изъ самыхъ ужаснѣйшихъ. Послѣ сильнаго землетрясенія, черныхъ вихрей дыма, пошожовъ лавы, копорые раздѣлились на семь рукавовъ и истребили большое пространство земли, изверглась кипящая вода, сопровождаемая сильнѣйшимъ землетрясеніемъ. Эта вода зашопила поля, подрыла корни деревъ, низпровергла дома, поглотила болѣе пяти сотъ человекъ, шедшихъ въ процессіи къ Torre del Greco, зашопила множество другихъ и распространила ужасъ даже въ Неаполь, гдѣ погибло при тысячи человекъ во время этого бѣдствія, продолжавшагося цѣлый мѣсяць.

Послѣднее изверженіе въ 1779 году было самое ужасное. Изъ нѣдръ горы вышелъ черный и густой дымъ, копорый по шихосши погоды поднимался прямо на чрезвычайную высоту. Камней извергалось такое множество, что весь Везувій, даже до подошвы казался въ огнѣ.

Видѣнь былъ ужасный сполнь изъ горящихъ машерій, копорый показался въ при раза выше самой горы, слѣдовапельно ошь десяти до двенадцати тысячь фушовъ высопы. Не шолько весь Неаполь, но даже за придцать миль можно было чищать въ самую темную ночь. Изъ эптого сполпа вылетали спрашныя молніи, копорыя разражались тысячами на окрестносняхъ города; потоки лавы причинили величайшее разрушеніе вездѣ, гдѣ шолько ни проходили.

Геркуланумъ и Помпея попрежнему могутъ быть завалены снова изверженіями. Разрытія и розыски, дѣлаемыя надъ Геркуланумомъ, доказывають, что эптошь городъ покрытъ шесстью слоями лавы, шолщиною на спю двадцать фушовъ въ мѣстахъ, прилежащихъ къ морю. И по большей части она выпекаетъ въ эпу спорону; надобно ожидать и впередъ подобнаго бѣдспвія.

Помпея, ошспоящая на четверть мили ошь моря, была нѣкогда очень важный городъ; о величинѣ его можно судить по ошкрышой въ немъ Капитоліи—преимущесшву однихъ шолько большихъ

городовъ и по огромному овалному амфитеатру, построенному на возвышеніи и имѣвшему двадцать рядовъ скамей, гдѣ могло помѣщаться до тридцати тысячъ зрителей. Стабія, находящаяся опъ Везувія, гораздо далѣе Помпеи, была покрыта пепломъ въ 79 году.

Если судить о театръ Геркуланума по видимымъ только частямъ его, онъ былъ великъ и великолѣпнъ, овалной фигуры и при томъ болѣе въ ширину, нежели въ длину. Въ немъ оснадцать рядовъ скамей, высѣченныхъ въ камнѣ. Надъ нимъ возвышается портикъ, гдѣ есть еще три ряда скамей. Полагаютъ, что эпопъ театръ могъ помѣщать тридцать пять тысячъ сидящихъ зрителей, не считая тѣхъ, которые стояли въ партерѣ. Партеръ вымощенъ четверугольными плитами желтаго древняго мрамора, котораго оспашки видны еще во многихъ мѣстахъ. Портики также выложены бѣлымъ мраморомъ и вообще видны богатѣйшія украшенія.

Подлѣ театра открытъ храмъ круглой фигуры, который, какъ полагаютъ, былъ посвященъ Геркулесу, а подлѣ пуб-

личной площади домъ, или дача съ садомъ, проспирившимся къ морю. Эпошь домъ былъ одноэтажный; передъ нимъ прудъ, окруженный цвѣтниками и рошицами. Театръ, храмъ Геркулеса и эта дача — суть важнѣйшія зданія, до сихъ поръ открытыя въ Геркуланумѣ. Другія не что иное, какъ дома частныхъ владѣльцевъ. — Улицы были проведены по прямой линіи и по сторонамъ сдѣланы тротуары для пѣшеходцевъ. Большая часть домовъ въ одинъ этажъ и лѣспницы узки. Въ каждомъ домѣ находились не только всѣ вещи нужныя къ украшенію, но и необходимыя, начиная отъ туалета до кухонныхъ приборовъ.

Розыски въ Помпеѣ были успѣшнѣе. Теперь нашли главную улицу и съ каждымъ шагомъ открываютъ болѣе и болѣе. Снаббія также открыты, и всѣ древности и предметы, достойные вниманія, находящіяся въ сихъ трехъ городахъ, тщательнѣе переносятся въ Порпици, построенный на ихъ развалинахъ и складывающійся въ особомъ назначенномъ для того зданіи, которое называется: *Музеумъ Геркуланума*. Собраніе этихъ древностей напе-

чапано и каждый предметъ, по приказанію Короля Неаполишанскаго, выгравированъ. —

В. С . . . ть.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Прощальная Пѣснь.

(При третьемъ выпускѣ благородныхъ воспитаницъ изъ Училища Женскаго Патріотическаго Общества. *)

Просшимся, милыя подруги!
 Разлуки нашей близокъ часъ;
 Труды, забавы и досуги
 Соединяшь не будешь насъ!
 И мы одно воспоминанье
 О нашихъ радостяхъ возьмемъ;
 Но ихъ, какъ сна очарованье,
 Опять нигдѣ не призовемъ!

•

О Ты, съ Которой мы судьбою
 Въ печальный срокъ разлучены!
 Къ Тебѣ, къ Тебѣ лепимъ душою,
 Опрада, Ангель шишины!

---

*) Стихи сіи пѣты въ послѣдній день публичнаго экзамена 16 ч. Января сего 1826 года. Музыка Г. Миллера.

Мы не Царицу здѣсь встрѣчали,
 Въ Тебѣ мы зрѣли нашу мать,
 Когда къ Тебѣ мы прибѣгали,
 Тебя шѣсняся лобызашь.

*

Опѣ нашихъ ушѣ шеперь восходишь
 Одна молитва къ Небесамъ:
 Да промыслъ ихъ хранишь и водишь
 Тебя по всѣмъ Твоимъ пушямъ!
 Покинувъ мирную обитель,
 Твой образъ мы возьмемъ съ собой:
 Онъ будешь намъ руководитель
 Въ пущи до двери гробовой.

*

И вы, копорыя хранили
 Покой безпечныхъ нашихъ дней,
 Съ кемъ мы пруды свои любили,
 Какъ игры юности своей!
 Прощальный даръ опѣ насъ приммше:
 Любовь и слезы и печаль,
 И какъ дѣшей благословише,
 Въ безвѣстную гошовыхъ даль!

*

Подруги, въ новую дорогу
 Съ надеждой шихою поидемъ!
 Мы жребій свой вручили Богу:
 Пусшь будешь Вѣра намъ вождемъ!
 Въ послѣдній разъ другъ другу руку
 Съ любовью прежней подадимъ,

И неизбѣжную разлукѣ
Лобзаньемъ дружбы освяшимъ.

*

Навѣкъ нашъ связанъ кругъ священной!
У насъ одинъ въ душѣ обѣщъ:
Идти спезею неизмѣнной
При встрѣчѣ благъ, при встрѣчѣ бѣдъ,
Какъ по зыблямъ ночной порою,
Одинъ между невѣрныхъ волнъ,
За пушеводною звѣздою
Спремится прямо легкой чолнъ.

Плетневъ.

т т т т т

Димитрій Тверской.

Баллада.

До восхода румяной зари пробужденный,
На красномъ и борзомъ конѣ,
Въ вороненой и пусклой брелѣ,
Князь великій Димитрій, шокской угнетен-
ный,
По зеленому полю скакалъ:
Ханъ Монгольскій его призывалъ.

*

Онъ одинъ.—Гдѣжь друзья? Гдѣ любимцы—
бояры?—
Всѣ остались въ цвѣшущей Твери:

Имъ ужасны Ордынцевъ мечи *).

—Пускай ѣдешь нашъ Князь: его звали Га-
шары
Не на судъ, но на пиръ пировать,—
Такъ друзья про него говоряшь.

*

“Что задумался, Князь?.. или мы сбились съ
дороги?”

(Говоришь ему опрокъ его)

Что наморщилъ младое чело?

Что насупилъ свои соболиныя брови?

Зачемъ взоры поникли твои?

Если можно, опкройся, скажи.,,

*

—О мой опрокъ молодой! объ опцѣ я меч-
шаю:

Онъ погибъ тамъ, въ Ордѣ Золо-
шпой;

Онъ погибъ дяди злой клеветшой.

Врагъ сокрылся въ Ордѣ, по навѣрно я
знаю.

Не къ Узбеку я ѣду въ Орду,

Но незванный явлюся къ нему.

*

Онъ узнаешь меня! Я на камнѣ надгробномъ
Свой, недаромъ, булашъ нашочилъ,

---

*) Жаль, очень жаль, что здѣсь во многихъ спискахъ
риемы неисправны.

Я ужасную кляпву свершилъ:
 Мсшпшь убійць поклялся опчизнѣ и Богомъ!
 И опмщущу!,,—Такъ Князь другу въ-
 щалъ,
 И склонивши главу, замолчалъ.

*

Поднялась верховая погода по Волгѣ,
 Зашумѣла сѣдая волна.
 Пригорюнясь, сидишь у окна,
 Молчалива, въ шоскѣ, въ даль смопря по
 дорогѣ
 На златыя поля и лѣса,
 Одинока, дѣвица—краса.

*

Не голубка въ зеленой дубравѣ воркуешъ
 Надъ гнѣздомъ разореннымъ сво-
 имъ—
 По коврамъ злапшканнымъ, дра-
 гимъ
 Безушѣшная дѣва блуждая, шоскуешъ
 О любезномъ и миломъ своемъ
 И всечасно льешъ слезы объ немъ.

*

Не орелъ въ облакахъ, увиваясь, лешаетъ;
 Не кукушка кукуешъ въ бору—
 Пробудясь на могильномъ холму,
 Вспрешенувшиися веронъ, шрану оглашаетъ.
 Прѣзжаетъ Димитрій чрезъ лѣсъ;
 Онъ шакъ частъ, чшо не видно
 небесъ.

*

Быспро. Ёдушъ они. У коней подъ ногами
Хвороспъ ломкй хрусшитъ и шре-
щипъ.

Князь Димисрй въ раздуми мол-
чипъ.

“Не къ добру, не къ добру! воронъ черный
надъ нами!

Онъ педаромъ сей часъ прокри-
чалъ!,—

Князь пришпорилъ коня и молчалъ.

*

Кричипъ филипъ въ бору и кукушка куку-
ешъ.

Вдругъ послышался шопотъ въ дали,
Каркнулъ воронъ прощажно въ слухи,

Князь вздрогнулъ и сказала: “госпъ неждан-
ный къ намъ будешъ!,,

И булашъ обнаживъ, поскакалъ;

Но булашъ въ рукъ Княжей дрожалъ.

*

Вдругъ на вспрѣчу имъ всадникъ въ бле-
спящемъ доспѣхъ,

На прекрасномъ Татарскомъ конѣ
И гошовой къ кровавой войнѣ.

Князь Димисрй убйцу узналъ—и въ пра-
ведномъ гнѣвѣ

“Защищайся!,, ему закричалъ.

“Чшоожъ шы смосришь? Иль меня
не узналъ?,,

*

“Тамъ въ Ордѣ Золошой оклеветанъ побой
 Мой невинный отецъ и убишь!,,
 И мянешся убійца, молчишь.
 Обнажаетъ булава онь дрожащей рукой,
 И Творца онь на помощь зоветъ
 И на волю Его онь себя отдаесть.

*

Не орелъ въ поднебесьи гусей побиваетъ,
 Не на ворона соколя лепишь
 И не буря въ дубравѣ шумишь—
 Князь Димитрій къ убійцѣ коня устрем-
 ляесть.
 Страшно блещутъ сдѣльные мечи.
 Пробудилися совы въ глуши.

*

Сыцлютъ искры съ мечей и кровавой ро-
 сою
 Окропилась сухая права.
 Не шумяшь въковыя древа.
 Княжій мечъ заблесталъ надъ преступной
 главою.
 “Полно жишь!,, Князь убійцѣ ска-
 залъ.
 Трупъ безглавый на землю упалъ.

*

Рано вславъ по ушру, молодая супруга
 На высокія стѣны идетъ,
 Изъ Орды шамъ въ безмолвіи ждетъ
 Къ себѣ въ гостии Георгія милаго друга.

Вошь въ Москву его конь прибѣ-
жалъ—
А Георгій добычею врановъ ужь
спалъ.

*

По сынучимъ пескамъ ѣдешь въ думѣ глу-
бокой
Князь Димитрій въ Златую Орду
На поклонъ ко врагу своему.
“Я убійцу убилъ! Мнѣ опмстишь Ханъ же-
стокой!
Не страшуся я мести его:
Я умру за отца моего!,,

*

Опрокъ вѣрный препенешъ, его умоляешъ:
“Князь мой милый! поѣдемъ назадъ
Въ твой престольный, родитель-
скій градъ!
Не на пиръ Ханъ звалъ насъ: тамъ насъ
смерть ожидаетъ.
Убѣжимъ мы въ Лишву ошь враговъ,
Убѣжимъ ошь мученій, оковъ.,,

*

Князь молчалъ и скакалъ, и на друга взирая,
Онъ безмолвно его укорялъ.
Опрокъ въ землю глаза потуплялъ.
Долго ѣдутъ они. Вошь Орда Золотая
Показалась при свѣтѣ луны.
И въ селеньяхъ горѣли огни.

*

“Полно, опрокъ, грушишь. (Князь сказалъ
въ утѣшенъе)

Возвращайся, коль хочешь, домой
И пресписи навѣки со мной.

Ахъ! я кляшвою связанъ, а кляшвъ преспуп-
ленъе

Мукъ ужасныхъ спрашишь для ме-
ня!

Возвращайся, пускаю тебя.,,

*

—Не назадъ, но въ Орду я поѣду съ побою—
Опечаленный опрокъ сказалъ.

И Князь друга младаго обнялъ.

Прискакали въ Орду—и предъ цѣлой Ордою

Ханъ убійцу убійцы судилъ

И похански его осудилъ!

*

Споялъ шеремъ въ Твери надъ Тверцою глу-
бокой.

И въ томъ шеремѣ дѣва жила.

Она Князя невѣста была.

И на свадебный пиръ изъ чужбины далекой

Князя юнаго долго ждала..

Но ахъ! тщетна надежда была!

*

Расшворяйте же Божіи храмы, Тверяны!

И сокройте злашыя вѣнцы!

Собирайшесь къ устью Тверцы,

Собирайшесь, Князя друзья и бояры:

Изъ Орды къ вамъ Татары идущъ
И во гробъ къ вамъ Князя несущъ.

А. Шидловскій.

~~~~~

М. В. В.

*На присланную отъ нея вышитую ба-
бочку.*

Ахъ, что за бабочка! Прелестная какая!
Видала много ихъ—но, лучше, никогда!
И щъ же въшрены, наскучашъ, все лешая!
А эша умница на мѣстѣ завсегда.
За то и разлица межъ ними ешь большая!
Чемъ постояниѣ, шемъ кажешся милѣй:
И знаешель? Во всемъ вы очень сходны съ
ней.

М. Даргомыжская.

~~~~~

Предчувствіе.

Въ шиши, уединенъ, чуждъ всѣхъ надеждъ,
желаній,
Я съ грустью вспоминалъ блаженство преж-
нихъ дней
И трепещъ радости и сладость воздыханій.

Что вась мнѣ замѣнишь—швердилъ въ по-
 скѣ своей —
 Безпечной юности, спрасшей, восторга
 льшы? —
 “Ушѣшься!”, — чудилось мнѣ кпо-шо ошвѣ-
 чаль —
 “Ты встрѣпишь взоръ Анеты.,,
 И гласъ таинственнѣй мнѣ счастье пред-
 сказалъ.

Талбовѣ.

— ь — ь.

~~~~~

Н. Θ. Остолопову.

Сей часъ прочла я поздравленье,
 Что кумъ нашъ общій написалъ
 На прешье Ноябра, день вашего рожденья *).
 Тупъ очень много онъ сказалъ;
 Но что всего важнѣй, о помѣ и умолчалъ.
 Повелѣваешь ты морями, небесами,
 Богами, мершвенцами,
 Все правда, милый кумъ; но это все мечшны!
 Все мигомъ можешь испребишься:
 И эти чудеса:
 Моря и небеса
 Не одному тебѣ лишь могушь покориться.
 А для души швоей

---

*) См. Календарь Музѣ на 1826 годъ, стран. 120.

Есть что-то во сто разъ милѣй,
И именно: сердца своихъ друзей,

Которые не на часокъ,

Иль вечерокъ,

Какъ тѣхъ морей написанныя волны,
Но навсегда тебѣ покорны.

Супруги нѣжная любовь

Превыше эпихъ всѣхъ боговъ;

А дружба кума дорогаго

Конечно посильнѣй и демона инаго.

Ишакъ, любезный кумъ,

Дѣлами управляешь одинъ поребенъ умъ;

Но бышь хорошимъ другомъ

И нѣжнымъ бышь ощемъ и вѣрнымъ бышь
супругомъ,

Умѣшь снискашь себѣ друзей,

Нашедши сохранить ихъ чувство—

Вотъ главное швое искусство,

И эшо право поважнѣй.

М. Даргомыжская.

**На заданныя слова: лира, два кума,
мои басенки, Аполлонъ, буря, конецъ.**

Не угодноль вамъ, чипашели,

Сказокъ, повѣстей, лѣбищели,

Удостоить вашимъ чтеніемъ

Небольшую эшу сказочку.

Я жила въ уединеніи,
 Наслаждалася природою,
 Упѣшалася сѣмьей своей.
 Тамъ почти сосѣдей не было,
 Только жили двѣ красавицы
 И еще два кума добрые,
 Прехорошіе хозяева
 И весьма гостепрѣимные.
 До умовъ же ихъ намъ нужды нѣтъ,
 И судишь умъ дѣло шрудное,
 Мнѣ ни мало непонятное.
 Лишь скажу, что занимались
 Не поэзіей бездѣльною,
 Но посѣвомъ хлѣба всякаго,
 А въ часы отдохновенія
 Занимались также книжками,
 Не сурьезными, забавными,
 И мои любили басенки.

Кумъ одинъ имѣлъ дочь Юлію,
 Аполлонъ былъ у другаго сынъ —
 Оба милые, прелестные.
 Вошь шеперь, мои чиншатели,
 Наша сказка начинается;
 Вы и сами догадались ...
 Ихъ разсудокъ очень молодъ былъ,
 А сердца у нихъ чувствительны.
 Вмѣстѣ жили, вмѣстѣ выросли:
 Свучка много въ дѣтяхъ дѣлаетъ *).

---

*) Не только въ дѣтяхъ, но даже въ старикахъ ... Ахъ!
 Изд.

Всѣ ихъ игры и веселости,
 И печали были общія.
 Я не буду вамъ описывать
 Ни прелестной ихъ наружности
 Ни достоинства благородныхъ душъ:
 Вы, любезные чашатели,
 Вы романовъ начинались,
 Сказокъ, повѣстей наслушались;
 То себѣ представить можете,
 Что герои этой сказочки
 Быть должны не люди — ангелы.

Вотъ однажды лѣпнимъ вечеромъ
 Аполлону какъ-то вздумалось
 Покашасься на элбошикъ
 Со своей прелестной Юліей:
 Сыну, дочери ошказа нѣтъ,
 Намъ сосѣдямъ спорить нечего —
 Всѣ охотно согласились.
 Аполлонъ, а съ нимъ и Юлія
 Пѣли пѣсенки унылыя,
 Насъ плѣняли нѣжнымъ голосомъ —
 Но не долго веселились:
 Недалеко мы опѣхали,
Буря сдѣлалась ужасная,
 Наша рѣчка взволновалась
 И элбошикъ пошатнулся вдругъ.
 Мы спаслись кой какъ — по Юлія
 Прямо въ воду и какъ ключъ ко дну!

Не пугайтесь, чашатели!

Аполлонъ плывесть съ ней къ берегу
 И вручаетъ полумертвую
 Ея блѣдному родителю.
 Онъ въ слезахъ къ нему бросается
 И не можешь слова вымолвить.
 Мы стоимъ оцепѣнныя!
 Но *конецъ* какой счастливейшей!
 Отдаетъ онъ руку дочери
 Другу сердца, избавителю!

Ли́ра! ли́ра! все молчала ты!
 Грянь же въ струны сладкозвучныя,
 Пой воспорги ихъ сердечныя,
 Пожелай имъ счастья всякаго!

М. Даргомыжская.

~~~~~

Е. Г. М .... вѣй,

*когда она въ фантахъ врутивъ мнѣ бу-
 жетъ цвѣтовъ, просила назвать ее од-
 нимъ изъ оныхъ.*

По красотѣ и нѣжности судя,
 Васъ должнобъ *розою* называть;
 Но *роза* колется ... и я
 Спѣшу другой цвѣпокъ избрать.
 Какъ къ снани *незабудку* вспомнилъ:
 Она эмблема вашихъ глазъ;

Но голубый сирень напомнилъ,
 Что вы разборчивы подь часъ.
 Мила прекрасная лилея,
 И съ нею можнобъ васъ сравнишь;
 Но лишь сказалъ, и вы краснѣя,
 Ее принудили забышь.
 Какая скромность! Скабіозой
 За это должнобъ васъ назвашь;
 Но скабіозу вмѣстѣ съ розой
 Едваль возможно съединашь.
 Фіалку вамъ я предлагаю:
 Она за дружбу здѣсь слыветь;
 Свой можжевеличкѣ вспоминаю
 И вашъ сирень съ ума нейдетъ.
 Какъ вѣрный сынъ роземарина,
 Я долженъ испину открытъ:
 Тюльпаномъ можно бы вамъ бытъ,
 Когдабъ не знали: бальзамина —
 Но скромные не тронь — меня
 За всѣ цѣшты сулятъ мнѣ ссоры;
 И шакъ, чтобъ избѣжалъ ихъ я,
 Вы примете названье Флоры. —

24 Генваря 1826.

В. Шлтѣ.

Голубый сирень разборчивость. Скабіоза
 скромность. Роза женщина. Можжевеличкѣ
 недостатки. Роземаринѣ простосердечіе.
 Тюльпанѣ разумъ. Бальзаминѣ добродѣтели.

КАШЕМИРОВОЕ ПЛАТЬЕ.

Повѣств.

Г. Бонифась, тучный гражданинъ Валоньскій, сказалъ однажды Гжѣ Бонифась, своей супругѣ, копорой дородство нимало не уступало собственному его дородству: “наконецъ, моя милая, должень я отккрышь тебѣ все, что у меня на сердцѣ: я спрадаю, истинно спрадаю!”, Онъ остановился, взялъ шабакерку, началъ вершѣть ее въ рукахъ; потомъ усѣлся въ большія кресла, сложилъ креспообразно ноги и продолжалъ слѣдующимъ образомъ:

“Да, надобно признаться, что я недоволенъ шобою Гжа Бонифась; ты не имѣешь ни малѣйшаго вниманія къ моимъ склонностямъ, замѣчаніямъ, къ... Туть Гжа Бонифась, вязавшая чулки по другую сторону камина, бросила на мужа презрительный взглядъ, пожала плечами и оцять принялась за свою работу.

Г. Бонифась не много смутился отъ шаго нѣмага неодобренія дорогой супруги: что бы скрышь свое замѣшательств-

во, началъ онъ кашлять; наконецъ преодолѣвъ себя и понизя голосъ, сказала: “да, я недоволенъ, очень недоволенъ споломъ швоимъ, Гжа Бонифась. Прежде пригошворяла ты мнѣ лакомыя блюда, славныя *boeuf á la mode*, жирныя бараньи ноги, индѣйки съ начинкою; а шеперь что я вижу? Какое-то легонькое пирожное, искрошенную баранину, вѣшчинную похлебку въ мазелькихъ горшечкахъ, а за десертномъ меринги, пирожки и другія подобныя имъ бездѣлки; опъ эшаго очевидно я похудѣлъ и скоро сдѣлаюсь шѣнью..”

Г. Бонифась, довольный своею рѣчью, которая по его мнѣнью, была споль прогашельна, хотѣлъ сложить руки свои на груди, но большое его чрево едва позволило ему соединить на ономъ между собою кончики пальцевъ. — Въ семь положеніи, сохраняя съ важносшю молчаніе, ожидалъ онъ отвѣна.

—Надобно имѣть большое перпѣніе! вскричала Гжа Бонифась, покраснѣвъ опъ досады. Слышаны ли когда нибудь подобныя глупости? Я заспавляю тебя умирашь съ голода? Я не умѣю готовить кушанье? Я, я, присовокутила она, шопая

ногою и подпершись руками: смотри пожалуй! Я почтала тебя Г. Бонифасъ не много просповашымъ, но никакъ не ожидала, что бы ты сдѣлался такимъ неблагодарнымъ, такимъ пираномъ, клеветникомъ! —

Слова сіи привели въ трепетъ Г. Бонифасъ. Онъ опунилъ взоры свои, потомъ возвелъ ихъ на грозное лице супруги и сказалъ, запинаясь: “не сердись; мой другъ...не сердись; я говорю просно, что желалъ бы видѣшь на нашемъ столѣ кушанья понадежнѣе тѣхъ...”,

—Тѣхъ, копорыя ѣдятъ всѣ знатные люди! возразила Гжа Бонифасъ. Спроси у Сюзеттши, продолжала она, обратясь къ своей дочери, прекрасной молодой дѣвушкѣ лѣтъ осмнадцати, копорая вышивала подлѣ окна: спроси у нея, бывающьли за столомъ у креспной ея мапери, Маркизы Ладонвиль, *du bœuf-à-la-mode*, бараньи ноги и всѣ тѣ грубыя кушанья, о копорыхъ ты говоришь? — Сюзеттша улыбулась и сдѣлала отрицательный знакъ.

“Какая мнѣ нужда до того, что ѣдятъ у Маркизы, сказалъ Г. Бонифасъ. Развѣ мы люди знатные и должны подра-

жашь придворнымъ обыкновеніямъ? Напримѣръ, продолжалъ онъ, не много поободрясь, могу ли просить тебя Гжа Бонифась, что бы ты приготвила мнѣ цыпленка съ маленькими луковицами? Если это блюдо не бываетъ за споломъ у знатныхъ господъ, то не уже ли долженъ я, по этой причинѣ, никогда не видѣть его на моемъ?,,

—Цыпленокъ съ маленькими луковицами! воскликнула Гжа Бонифась: фуй! это ужь давно вышло изъ моды. Вошь если бы съ эспрагоновымъ соусомъ, или съ усшерсами, такъ пожалуй. Не правдали, Сюзетта?...Но что съ нею сдѣлалось? она какъ мумія! Будешь ли отвѣчать, сударыня? —

“Извините, маменька, съ робостью отвѣчала Сюзетта; я не слыхала васъ, попому что была занята совсемъ другимъ.,,—Опъ всего сердца извиняю, сказала съ неудовольствіемъ Гжа Бонифась: но объ чемъ же ты думала? —

“Ахъ, маменька! я все думала о прекрасномъ кашемировомъ плащѣ, кошорое Г. Делонъ подарилъ женѣ своей.,,

—Что говоришь ты? вскричала Гжа

Бонифась, придвигая къ ней свой стуль. Какъ! сосѣдъ нашъ Делонь, шоргующій сукнами? — “Да, маменька, онъ., — Боже мой! вскричала Гжа Бонифась; онъ подарилъ кашемировое плашье эпой гадкой женщиной, кошорая, скажу безъ всякаго хвасповспва, не можешь со мною равняшься, а у меня будешь полько мериносовое!... Г. Бонифась! присовокупила она, смягчивъ голосъ: не уже ли поперпишь пы, что бы жена швоя была унижена передъ женою швоего сосѣда? —

Г. Бонифась распянулся въ креслахъ, опустилъ руки, и принявъ на себя важный видъ, не ошвѣчалъ ни слова.—Послушай жизнь моя, продолжала Гжа Бонифась, нѣжно поглаживая пухлыя щеки своего мужа, не уже ли пы въ соспояніи будешь видѣшь эту Гжу Делонь въ кашемировомъ плашьѣ, тогда какъ бѣдная швоя жена не имѣешь его? — Г. Бонифась продолжалъ съ важноспію молчань, а Гжа Бонифась залилась слезами.

“Ну, ну, сказалъ наконецъ Г. Бонифась распроганнымъ голосомъ: перестань ребячиться, мой другъ. Охотно бы удовлетворилъ я швоему желанію; но если

сосѣдъ мой дѣлаешь глупости для того только, что бы угодить женѣ своей, но не хочу ему подражать., — Слышишь ли Сюзешша, вскричала Гжа Бонифась, зарывавъ: слышишь ли, какъ отецъ твой обходится со мною? —

Сюзешша, взявъ за руку расплаканную мать, опошла съ нею нѣсколько шаговъ и что-то сказала ей на ухо. — Какъ, сударыня! ты все еще думаешь объ этомъ молодомъ негодяѣ? — “Молодой негодяй! повипорила со злобною усмѣшкой Сюзешша. Хорошо, маменька! Ни слова болѣе объ немъ опъ меня не услышите. Однакожь знайте, что чрезъ него-то именно могли бы вы получить опъ бапюшки въ подарокъ самое лучшее кашемировое плащье.

— Чрезъ него? возразила Гжа Бонифась, съ видомъ презрѣнiя: прошу сказать, что можешь имѣть онъ общаго съ . . . . —

“Маменька, хладнокровно отвѣчала Сюзешша: если бы не были вы предубѣждены пропиву бѣднаго Алберта и позволили мнѣ кончить мою рѣчь, то узнали бы какимъ образомъ можешь онъ бытъ вамъ полезенъ въ этомъ случаѣ; но

повторяю, что ни слова больше обь немъ опь меня не услышите.,—Сюзепша хотѣла возвратиться на свое мѣсто.

—Ужь не хочешь ли и эта дѣвчонка взбѣсиль меня пакъ, какъ ея отецъ! вскричала Гжа Бонифась, задыхаясь опь чрезвычайнаго внушренняго движенія. Говори, сударыня!—сказала она дочери, взявъ ее за руку и посадивъ подлѣ себя. —

“Извольте, маменька, я буду говорить, сказала Сюзепша съ печальнымъ видомъ: только съ условіемъ, что бы вы не прерывали меня вашими восклицаніями...Г. Албертъ испинно не заслуживаетъ шѣхъ эписешовъ. которые жалуете вы ему..., —Очень нужно мнѣ знать заслуживаетъ ли эшопъ...эшопъ Г. Албертъ, или не заслуживаетъ мнѣніе, которое я обь немъ имѣю, возразила Гжа Бонифась, болѣе и болѣе разгорячаясь: человекъ неспоющій ничего, просный сидѣлецъ, неимѣющій за душою ни одного су, человекъ...но дѣло идешь вовсе не о шомъ, продолжала она гораздо спокойнѣе. Скажи мнѣ, Сюзепша, поскорѣе, какимъ образомъ могу я чрезъ него преклонить швоего опца, что бы онъ купилъ мнѣ кашемировое

плашье, кошорое, признаюсь, чрезвычай-
но желаю имѣть. —

“Эпошь сидѣлецъ, эпошь человекъ,
неимѣющій за душою ни одного су, на-
смѣшливо возразила Сюзешпа: пользуеться
однако большею довѣренностію, какъ и
вамъ эпо не безызвѣстно. Въ послѣднюю
свою поѣздку показалъ онъ сполько усер-
дія и знанія въ своемъ дѣлѣ, что хозяинъ
его, удивленный неожиданною прибылью,
доспавленной ему Алберпомъ на прекрас-
ныхъ кашемировыхъ шаляхъ, предоспа-
вилъ изъ благодарности въ собственную
его пользу четвершую часть барыша, ко-
шорый будеть получать онъ впредь отъ
продажи эпошаго шовара, ошдаиваго въ со-
вершенное его распоряженіе., — Сюзешпа
пошупила глаза и оспановилась.

Далѣ, далѣ — съ нешерпѣніемъ вскри-
чала Гжа Бонифась.

“Я увѣрена, маменька, что Г. Албертъ
съ удовольствіемъ пожершвуеть для васъ
собшвенными своими выгодами, когда
узнаеть, что вамъ угодно имѣть каше-
мировое плашье, а бапюшка не въ со-
стояніи будеть вамъ ошказатъ, если у-
бѣдишя, что можеть купишь его гораз-

до дешевле, чемъ Г. Делонъ, кошорому онъ сколько завидуешь.,,

—Какъ догадлива, какъ умна, какъ мила ты, любезная моя Сюзешша! воскликнула Гжа Бонифасъ съ блискающими ошь радости глазами. Да, ты говоришь правду: опецъ швой сдѣлаешь мнѣ эптошь подѣрокъ, если Г. Албертъ дѣйствительно согласится уступитишь ему дешевле.... Какъ ты думаешь, не пригласитишь ли намъ къ себѣ обѣдашь въ воскресенье эшаго молодого чедовѣка?—Сюзешша улыбнулась и сдѣлала знакъ ушвердительный.

Въ продолженіи эшаго разговора Г. Бонифасъ спаль прекрѣпкимъ сномъ. Мать и дочь продолжали дружески разговаривать, а между темъ, первая часшо взглядывала на своего супруга, ожидая съ нешерифніемъ его пробужденія. Она не смѣла разбудитишь его, пошому что Г. Бонифасъ всегда сердился, когда прерывали его сонъ. Наконецъ онъ ошкрыль глаза, началъ зѣвать, сложиль крестообразно ноги свои, пробормоталъ нѣсколько словъ и пошомъ сказалъ довольно явственшо: “чувствую аппетиташь; не пора ли ужинашь? „

— Сей часъ, мой другъ, отвѣчала ласково Гжа Бонифасъ. Повѣрь, что бѣдная швоя жена, кошорая столько любишь тебя, за удовольствіе поспавишь угождать тебѣ въ малѣйшихъ швоихъ прикошпахъ: за ужиномъ сегодня непременно будешъ любимое швое блюдо.—

Такія нѣжности привели въ изумленіе Г. Бонифаса. Онъ думалъ, что видишь эшо во снѣ; но крѣпкій поцѣлуй, напечатлѣнный на его челѣ, и дружеское пожатіе руки убѣдили его, что онъ дѣйствительно проснулся.

“Въ самомъ дѣлѣ, ты предобрязя жена, Гжа Бонифасъ! сказалъ онъ обрадовавшись. Ахъ! если бы и всегда показывала ты себя шакюю, если бы всегда угождала мнѣ шакимъ образомъ, какъ былъ бы я счастливъ! И ты выиграла бы шакже со своей стороны, Гжа Бонифасъ: да, увѣряю тебя, что и ты выиграла бы, потому что я сдѣлался бы тогда внимательнѣе, поспарался бы взаимно угождать тебѣ.,,

Гжа Бонифасъ бросила на Сюзешу выразительный взглядъ. Она поняла его и подойдя къ опцу сказала ему ласково: “пока вы опдыхали, папснька, мы гово-

рили о пѣхъ кушаньяхъ, копорыя вы любите и съ этого времени онѣ будутъ у насъ за споломъ всякой день., Г. Бонифасъ поцѣловаль дочь свою и наградиль ее нѣжною улыбкою.

Сюзешта, помолчавъ нѣскольکو минушь, продолжала съ робосіію: “но какъ огорчена бѣдная моя маменька!., — При сихъ словахъ Гжа Бонифасъ наклонила голову съ печальнымъ видомъ. “Огорчена?., спросиль Г. Бонифасъ. “Чемъ? Чшо такое съ нею сдѣлалось?.,

— Ничего, ничего! возразила Гжа Бонифасъ. Не обращай, мой другъ, вниманія на нескромность этой дѣвочки. “Я хочу непременно знать, въ чемъ дѣло, сказалъ Г. Бонифасъ. Сюзешта! приказываю тебѣ говорить. — “Машушка имѣеть причину печалиться: на ея мѣстѣ я была бы огорчена еще болѣе: но она шакъ терпѣлива, шакъ скромна! (Г. Бонифасъ покачалъ головою) она шакъ бережлива, съ живосіію продолжала Сюзешта: шакъ любишь порядокъ и экономію!., — “Эшо я очень знаю, прерваль Г. Бонифасъ: но чемъ же огорчена она? Не мучь меня, Сюзешта; скажи скорѣе всю правду.,

“Не уже ли вы не догадываетесь? „ спросила Сюзетта, цѣлуя руку своего отца. — “Ч ... меня возьми, говорю тебѣ, что нѣтъ! „, вскричалъ Г. Бонифасъ, выведенный изъ терпѣнія. “И такъ, вошь что причиною ея горести. Давно уже замѣтила она, что Г. Делонъ во всякомъ случаѣ оказываетъ вамъ пренебреженіе, хочешь надъ вами браться верхъ, спарается выдавать себя за дворянина, несмотря на то, что онъ еще занимается торговлею, а вы давно уже ее оставили; однимъ словомъ: маменька не можетъ равнодушно сносить того превосходства, которое такъ несправедливо присвоилъ онъ себѣ надъ вами.,,

“Неправда! вскричалъ Г. Бонифасъ: онъ не осмѣлился имѣть эпой дерзости., — “Боже мой! да онъ уже явно показываетъ ее, сказала Сюзетта. Онъ хочешь, что бы жена его одѣвалась такъ почно, какъ одѣваются благородныя дамы нашего города, и для того-то купилъ ей прекрасное кашемировое платье, воображая, что Гжа Делонъ должна быть въ первомъ ряду высшаго гражданства.,,

“А, а! такъ это кашемировое платье

сягошишь сердце твоей матери? Съ какимъ искусствомъ довела ты, лукавица, рѣчь свою до такого прекраснаго заключенія! Однако же ты видишь, прибавилъ Г. Бонифасъ съ видомъ самодовольствія, что я не совсемъ таки прослъ, какъ изволишь думать почтенная твоя маменька. Скажу вамъ обѣимъ въ послѣдній разъ: пусть Г. Делонъ дурачится, сколько ему угодно, я не послѣдую его примѣру.,

— Довольно, Сюзенша, сказала съ тяжелымъ вздохомъ Гжа Бонифасъ: оставь своего опца, пусть дѣлаетъ онъ что хочетъ. Можетъ быть ему приятно будетъ видѣть жену свою въ обществѣ на второй степени тогда, какъ Гжа Делонъ будетъ блистать на первой. — “Что говоришь ты, другъ мой? возразилъ Г. Бонифасъ. Я допущу Гжу Делонъ торжествовать надъ тобой! Нѣтъ, нѣтъ! Но развѣ для этого нужно кашемировое плащье?., — “Нужно, папенька, непременно нужно, сказала Сюзенша рѣшишельнымъ тономъ. И, что значить для васъ такая издержка? Впрочемъ, продолжала она, понизя голосъ, есть средство, достать для мапушки кашемировое плащье гораздо дешевле нежели Г. Делонъ купилъ его для жены своей.,

Г. Бонифасъ, казалось, былъ въ нерѣшимости. Сюзетта, между тѣмъ сообщила ему то, что уже было извѣстно ея матери — и онъ уснулъ; но во весь вечеръ ворчалъ сквозь зубы: “меня принимаютъ за дурака! Охъ! эти женщины, женщины!”, Гжа Бонифасъ дарила его приятною улыбкою, Сюзетта ласкалась къ нему, и онъ смягчился. Женщины, женщины! Но вы такъ милы и обворожительны, когда ходите что выпросить у мужчины.

Ужинъ прошелъ въ приятнѣйшемъ согласіи: любимое кушанье Г. Бонифаса найдено было превосходнымъ. Съ ч. вѣсвомъ благодарилъ онъ жену. Это пронуло ее, и она рѣшилась не нарушать даннаго Сюзеттою обѣщанія, что бы всякій день были за столомъ любимыя Г. Бонифасомъ блюда.

На другой же день упрямъ куплено было кашемировое плащье. Албертъ, предупреденный Сюзеттою, оказалъ сколько услужливости и безкорыстія при семъ случаѣ, что Гжа Бонифасъ удивилась, какъ могла она имѣть невыгодное мнѣніе объ этомъ молодомъ человѣкѣ. При всемъ томъ

она была еще слишком далека отъ мысли, что бы Сюзешша Бонифась, единственная дочь и богатая наследница, могла сдѣлаться женою простаго прикащика. Но взаимная любовь молодыхъ людей преодолѣла всѣ затрудненія.

Албертъ показывалъ себя споль почтительнымъ и преданнымъ къ Гжѣ Бонифась, былъ сполько внимателенъ къ Г. Бонифась, и шакъ угождалъ опцу и матери своей любезной, что наконецъ спдали они ему полную справедливость, и черезъ при мѣсяца, Сюзешша вышла замужъ за Алберта.

“Ахъ, маменька! сказала она Гжѣ Бонифась наканунѣ свадьбы: сдѣлайте милость, надѣньте на себя завтра, когда пойдемъ въ церковь, кашемировое плашье, кошорому обязана я моимъ благополучіемъ., *)

---

*) Изъ Pavillon chinois ou contes et opuscules de ma vieille tante, par Mad Louise ^{***}, auteur d' Eugénie et Virginia. Paris. 1825.

Анекдоты.

1.

Гаррикъ и знаменитый фигляръ Вешонъ, прогуливаясь однажды въ Лондонѣ, встрѣшились съ двумя шрубочистами. Одинъ изъ нихъ, узнавъ актеровъ, сказалъ своему поварищу, оскалая зубы: *а! а! Коледіанты!*—“Яковъ, возразилъ, ему другой очень серьезно, не смѣйся надъ ними: не знаешь еще, чемъ самъ будешь.,—Гаррикъ рассказывалъ часто эшошь анекдотъ.

2.

До Карла II не было на Лондонскомъ театрѣ женщинъ. Роли ихъ играли мужчины, и для эшого выбирали самыхъ молодыхъ. Однажды Король приѣхалъ въ театръ ранѣе обыкновеннаго. Захваченные шакимъ образомъ въ расплохъ актеры по неволѣ заставили себя дожидаться Король, недовольный шакою медленностію, велѣлъ позвать къ себѣ Директора. Не находя другаго средства получить отъ Короля прощеніе, какъ только размѣшишь его, Директоръ съ пренизкимъ поклономъ и самымъ почтительнымъ шономъ сказалъ ему: “Государь! Принцесса всенижайше проситъ.

Ваше Величество дашь ей время обрить себѣ бороду.,—Король засмѣялся и не сдѣлалъ даже ни малѣйшаго выговора.

3.

Пожилой Англичанинъ, съ небольшимъ осмидесяти лѣтъ, рѣшилъ женишься на осмнадцатилѣтней дѣвицѣ. Когда вошелъ онъ съ нею въ церковь и хотѣлъ просить священника, что бы тотъ обвѣнчалъ ихъ, сей послѣдній предупредилъ его и сказалъ ему: «купель стоить на другой сторонѣ церкви., — А что дѣлашь мнѣ у купели? спросилъ женихъ съ неудовольствиемъ. — «Извините, я думалъ, что вы хошите окрестить эту молодую дѣвицу.,»

4.

Какой-то проповѣдникъ говорилъ обыкновенно проповѣди каждое воскресенье, а въ остальные дни недѣли не бывалъ въ церковь. — «Этотъ человекъ, сказалъ одинъ шутникъ: шесть дней въ недѣлѣ *невидимъ*, а въ *седьмой непонятенъ*.,»

5.

Н. Н. во время спектакля въ партерѣ почувствовалъ движеніе около своихъ кармановъ. Опасаясь, что бы не вынули у него золотой шабакерки, опустилъ онъ руку

въ карманъ и нашель его порожнимъ. Подлѣ него стоялъ человекъ весьма подозрительнаго вида, котораго не трудно было признашь за вора. *N. N.* схватилъ его за руку и сказалъ ему на ухо: “ты, пришьель, спроворилъ мою табакерку; сію же минушу отдай мнѣ ее назадъ, а не то я дамъ знашь полиціи., — Не погубите меня, отвѣчалъ шрепещущій воръ: правда, я взялъ вашу табакерку; но сдѣлайте милосшь, выньте сами ее изъ моего кармана, что бы другіе не замѣшили.—*N. N.* согласился на это; но лишь только началъ онъ шарить въ карманѣ мошенника, какъ шопъ схватилъ его за руку и закричалъ: *воры!* Какъ не повѣришь ему, когда увидѣли, что рука *N. N.* дѣйствительно была въ карманѣ незнакомца. Полиція немедленно явилась на крикъ и схватила бѣднаго *N. N.*, попавшагося въ ошлошность опъ излишней снизходительности. Однако же эта хипрость не спасла плуша; его уличили, и препроводили изъ театра въ шюръму.

6.

Нѣкто имѣлъ брата ханжу и сказалъ однажды объ немъ въ обществѣ: братъ мой сдѣлался удивительно какъ набоженъ.—“Да, да, подхватилъ одинъ изъ его знакомыхъ: всегда молишь Богу онъ, когда на него смотряшь.,,

БЛАГОНАМЪБРЕННЫЙ.

1826 — N° V.

Гжа ДЕ ВИЛЬЕТЪ, ИЛИ ВОСПОМИНАНІЕ
О ВОЛЬТЕРѢ.

*(Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ Гжи
Морганъ.)*

“Занимаюсь шеперь,—говорить Вольперъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Даллабершу—“обращеніемъ Г. де Вильетна, “кошораго я заспавилъ вспунить въ самое выгоднѣйшее для него обязашельство. Въ моей Фернейской хижинѣ сочешался онъ съ дѣвицею, кошорой все приданое соспоить въ добродѣтели, въ умѣ, въ невинности, въ чувспвишельности; въ необыкновенной красотѣ и въ благороднѣйшемъ видѣ — все эшо въ 19 “лѣшь!,,

Трудно выразишь удовольспвіе, когда оригиналь эшого прелестнаго поршреша, Маркиза де Вильетъ, знаменишая belle et bonne Вольперова удоспоила меня своимъ посѣщеніемъ. Быспро пролѣпѣвшіе годы,

поперя нѣжно любимой дочери, нѣкоторыя другія обспоятельствва, неблагоприпные наружнымъ прелеспямъ, уменьшили чрезвычайную красоту Гжи де Вильепъ, доставившую ей первый личный эпипетель Вольперовъ; но если судить по ея добродушю, по вниманю, копорымъ удоспоивала она меня во время пребывания моего въ Парижѣ: то Гжа де Вильепъ имѣепъ полное право на второе наименованіе. Ея природное, рѣдкое добродушіе, доставило мнѣ множествво удовольствій, между которыми самое совершеннѣйшее было прогашельное ея воспоминаніе о знаменипомъ своемъ покровителѣ.

Умъ, память, разговоръ, самое жилище Гжи де Вильепъ, все у нея напоминаетъ о Вольперѣ. Онъ безпреспанно занимаетъ ея мысли, и удивленіемъ блиспашельному его таланту и его произведеніямъ всего вѣрнѣе и легче снискаетъ ея къ себѣ благорасположеніе.

Хотя происхожденіе ея благородно, но она гордится бытъ въ числѣ шѣхъ, копорые извлечены изъ неизвѣспности его благопворительностю и обязаны ему всемъ своимъ счастиемъ. Фамилія Вари-

куръ изъ провинціи Гець, близъ Женевы, издавна отличалась на военномъ поприщѣ во Франціи. Г. Варикуръ, опець Гжи де Вильешъ, при самомъ ограниченномъ со-спояннїи, имѣлъ у себя многочисленное сѣмейство. Онъ былъ другомъ и сосѣдомъ Вольпера, копорый принялъ къ себѣ вмѣсто дочери *прекрасную и добрую* спуска малое время послѣ оказаннаго имъ пособія Корнелевой внукѣ.

Вскорѣ послѣ того Вольперъ выдалъ замужъ дѣвицу Варикуръ за своего искренняго друга, оспроумнаго Маркиза де Вильешъ, въ домѣ и объявляхъ копорого онъ и скончался *).

---

*) “Въ домѣ Маркиза де Вильешъ оспановился онъ съ Гжею Денисъ, что бы не разлучаться со своею *прекрасною и доброю*. Тамъ занимаешь онъ комнашу, болѣе похожую на храмъ роскоши, нежели на свящилище Музъ., — *Историческія записки Барона Гримма.*

По кончинѣ своего супруга Маркиза выѣхала изъ эшого дома и жила съ пѣхъ поръ попеременно по въ другомъ своемъ домѣ на Воригардской улицѣ, по въ замкѣ де Вильешъ, въ нѣсколькихъ миляхъ ошъ Парижа.

Со дня приѣзда въ Парижъ Гжи де Вильепъ въ домѣ ея спали собирающіяся люди знаменитыя своимъ достоинствомъ и дарованіями. И теперь еще домъ Вильепъ принадлежитъ къ числу достопримѣчательнѣйшихъ предметовъ, привлекающихъ вниманіе иностранца въ семъ обширномъ городѣ.

Комнаты, занимаемыя обыкновенно Гжею де Вильепъ, сушь, пакъ сказашъ, крамъ, посвященный памяти Вольпера. Библиотека украшена его произведеніями; въ коншоркѣ хранящяся его собственноручныя письма; кресла его поставлены у камина; на цульшипрѣ, искусно придрѣланномъ къ ихъ ручкѣ, читалъ и писалъ онъ въ продолженіи послѣднихъ двадцати лѣтъ своей жизни. Еюспъ его изъ Севрскаго фарфора, о которомъ упоминаетъ онъ въ своихъ письмахъ къ Даламбершу *) и

Замокъ сей уступила она единственному своему сыну, который владетъ большею частію наследственнаго имѣнія, нѣсколько поперившаго опъ революціи.

*) “Безобразная фигура, которую хочешъ избаятъ Пигаль подъ вашимъ надзо-

жопорый сдѣланъ былъ собственно для Короля Прусскаго, украшаетъ каминъ: въ углу комнаты модель знаменитой статуи Пигаля *), а на стѣнѣ портретъ, писанный Ларжильеромъ, и другой, гравированный Барье. Представляя сей послѣдній нынѣшней его обладательницѣ, Вольтеръ написалъ слѣдующіе стихи:

Barier grava ces traits destinés pour vos yeux;
 Avec quelque plaisir daignez les reconnaître:
 Les votres dans mon coeur furent gravés bien
 mieux;
 Mais ce fut par un plus grand maître.

ромъ, вовсе не годился. Скажите, прошу васъ, вашему Фидію, что бы онъ лучше придержался небольшой фарфоровой статуи сдѣланной въ Севрѣ.,—*Переписка Вольтера.*

*) “Vaus savez que dans ma retraite,
 Aujourd’hui Phidias Pigal
 A dessiné l’original
 De mon vieux et maigre squelette.

Пигаль представилъ меня какъ бы говорящимъ и мыслящимъ; онъ сколько же добръ, сколько славенъ своимъ искусствомъ: это простигоша истиннаго генія.,—*Переписка Вольтера.*

Собирая около себя памятники, воздвигнутые гением знаменитому ея другу, Гжа де Вильетъ сохранила еще нѣсколько вещей, болѣе обыкновенныхъ, но уважаемыхъ ею не менѣе порптрета Ларжильерова и Цигалевой спашуи по чувству, свойственному только женщинѣ, которое заставляешь цѣнить дорого все, освященное прикосновеніемъ любимаго предмета. У нея хранился въ шкапу богатый шлафрокъ, который надѣвалъ Вольперъ, принимая шолпу, приходившую къ нему на поклоненіе въ домъ Г. де Вильетъ, и плащъ, бывшее на немъ во время спектакля, когда возложенъ былъ на его бюстъ Гжею Клеронъ лавровый вѣнокъ при громкихъ рукоплесканіяхъ зрителей.

Мнѣ было позволено разглядѣть всѣ эти рѣдкости и не только прочесть, но даже списать нѣсколько собственноручныхъ писемъ Вольпера, нигдѣ еще не напечатанныхъ *). Видя мое удовольствіе

---

*) Въ числѣ сихъ писемъ показались мнѣ любопытными два слѣдующія: первое какъ, изображающее домашній характеръ Вольпера и его совершенное добродушіе; второе,

при полученіи споль лестнаго для меня опличія, Гжа де Вильепъ рѣшилась сдѣлать нѣкопорого рода поминовеніе Вольтеру. При семъ случаѣ открыла она всѣ свои сокровища и пригласила къ себѣ всѣхъ находившихся еще въ живыхъ друзей и современниковъ Фернейскаго фило-

---

бывшее, по мнѣнію Гжи де Вильепъ, послѣднимъ его письмомъ. Впрочемъ ей неизвѣстно, предшествовало ли, или послѣдовало оно извѣстной его запискѣ къ Графу Лалли Толендалю.

№ I. Письмо къ Г. Карбо, управителю Вольтера.

Поручаю Г. Карбо непременно привести въ порядокъ домашнія дѣла площника Майена, который работаетъ для меня въ Шателарѣ. Сказать ему, что бы онъ работалъ, не напивался допьяна и не колошилъ своей жены. Ежели онъ не станеть исправлять своей должности, по съ нимъ будетъ раздѣлка. — На досугѣ съѣздите въ Ермишажъ; осмотрите шамошнія луга и поля. Каковы спада? Во всемъ мнѣ дашь опчетъ. Я останусь вамъ очень благодарнымъ. *Вольтеръ.*

софа. Празднество *сiе* (*dejeûner á la fourchette*) было уже слишкомъ во Французскомъ вкусѣ. Книжки, рукописи, гардеробъ Вольпера, все было шупъ разложено. Бюстъ Вольпера украшенъ былъ темъ самымъ вѣнкомъ, копорый онъ *по скромности* сложилъ со своего чела, увѣчаннаго удивленными соопечеспвенниками. Прочли громогласно превосходную оду Шенье Вольперу и слушали ее съ восторгомъ, свойспвеннымъ однимъ полько пылкимъ Французамъ.

Все, что ни находилось въ комнашѣ, гдѣ совершалось *сiе* празднество, привлекало вниманіе и напоминало событія, опносящіяся къ шому, копорого память торжеспвовалась. — “Когда возложили въ пшашрѣ на бюстъ Вольпера лавровый вѣнокъ, сказала намъ Гжа де Вильепъ: и когда его поднесли ему въ ложѣ, онъ снялъ его со скромноспію и шепнулъ мнѣ: *je meurs sur les roses*. Но всѣ зршпели поднялись со своихъ мѣспъ и пошребовали, что бы я возложила снова на него вѣнокъ, что и исполнила я при продолжшпельныхъ рукоплесканіяхъ.,,

Ларжильеръ списалъ поршрешъ съ

Вольпера, когда было ему только двадцать три года. Прекрасный эпосъ порпретъ служилъ доказательствомъ, что свѣтъ не произвелъ еще тогда своего впечатлѣнія на сіи черпы, въ копорыхъ вовсе непримѣнно сего ума, споль колкаго и не смѣпливаго въ послѣдствіи. Живоспъ и оспроша, замѣчаемыя въ его прекрасныхъ, черныхъ глазахъ, напоминаютъ забавнаго шалуна. Это неоцыпный, легковѣрный, молодой человекъ; не видно сихъ крѣпко обозначенныхъ черпъ, сихъ оспрыхъ угловъ, обнаруживавшихъ его преклонныя лѣша и необыкновенный его умъ.

“Вольперъ, сказалъ Маркизь ***, одинъ изъ его друзей, съ нами бывшихъ: Вольперъ получилъ обрашно, за нѣсколько недѣль передъ смертію эпосъ порпретъ, коцораго не видалъ съ самаго почти того времени, какъ онъ былъ съ него списанъ. Эпосъ порпретъ назначень былъ

№ 2. Гжѣ Сенъ-Жюльень.

Мнѣ очень извѣстны мои желанія; но я не знаю, что со мною будетъ. Съ головы до ногъ весь я хвораю. Одно только сердце здорово. *Вольтеръ.*

предмешу первой его и самой пылкой спраспи, á la belle Philis, бывшей въ послѣдствіи Гжсю Гувернешь, іной самой, кошорой Вольшеръ написалъ одно изъ лучшихъ своихъ посланій, извѣстное *Ты и Вы.*,

“Черезъ шеспдсѣяшь лѣтъ послѣ погто извѣстился онъ, по прибышій въ Парижъ, что *Филида* была еще въ живыхъ. Онъ попросилъ у нея позволенія посѣпить еѣ, и когда они увидѣлись, по нѣскольکو минушь не могли оба опъ удивленія выговорить ни одного слова. *Филида*, нѣкогда *des ses graces seules ornée*, теперь въ девяносто лѣтъ казалась Эндорскою волшебницею; и примѣчая въ покрытомъ морщинами лицѣ своего любезнаго ужасное дѣйствіе времени, забыла, казалось, одинаковую перемѣну, съ нею самою происшедшую.,

“Когда Вольшеръ оправился опъ перваго волненія, взоры его остановились на порпрешь прекраснаго молодаго человѣка, на который время опъ времени взглядывала Гжа Гувернешь. — “Вошь, сказала она ему, порпрешь молодаго Аруеша, обезсмерпившаго меня въ своемъ посланіи: *Ты и Вы.*, — Вольшеръ шопчасъ попро-

силъ его для Госпожи де Вильепъ. — “Съ сей минушы онъ мнѣ болѣе уже не принадлежишь,, — опивѣчала Гжа Гувернентъ — и вечеромъ того же самаго дня опослала его къ прекрасной и доброй.

“Помню, присовокупилъ Маркизь, что я видѣлъ Вольпера вечеромъ послѣ этого груснаго посѣщенія. Оно сильно подѣйствовало на его веселость. — “Я переплылъ воды Спикса,, сказалъ онъ мнѣ, и попомъ прибавилъ съ легкой улыбкою: “однакожь не шакъ-то много поговорили мы другъ съ другомъ!,,

Аббапъ де *** рассказалъ намъ другой, но несравненно забавнѣе прежняго анекдотъ объ маленькомъ, миниашюрномъ поршрешѣ Вольпера, въ перспиѣ, копорый подарилъ онъ прелесшной Гжѣ дю Шампель и копорый опкрывался посредствомъ шайной пружины.

Когда скончалась Гжа дю Шампель, Вольперъ въ первомъ движеніи скорби имѣлъ съ ея супругомъ свиданіе, разпрогавшее чрезвычайно ихъ обоихъ. Онъ опважился пошребовать обратно свой перспень. — “Вамъ не безызвѣстно, сказалъ опечаленный любовникъ опчаянному су-

пругу: дружество, между нами существовавшее, и вы знаете, можетъ быть, что въ эпоху перспенъ, копорого никогда не снимала она, находилъся мой порпретъ.,,

— Я былъ свидѣтелемъ вашего дружества, отвѣчалъ Маркизь дю Шаплезъ: и знаю перспенъ, о копоромъ вы говорите. Дѣйствительно никогда не снимала его она; но скажете ли вамъ всю правду: не вашъ порпретъ въ немъ, а мой. — Слезы, спруившіяся изъ глазъ Вольпера, мгновенно остановились; онъ потребовалъ однако доказательствъ споль неожиданной измѣны прошиву дружбы и любви. Принесли перспенъ, подавили пайную пружинку и увидѣли порпретъ ... молодого и храброго Сен-Ламберта, во всемъ блескѣ юности и воинскихъ опличій!—Философъ закрылъ перспенъ и съ тяжелымъ вздохомъ опдалъ его опчаянному супругу.

Сие поржественное воспоминаніе о Вольперѣ было самымъ приятнѣйшимъ упромъ, проведеннымъ мною въ Парижѣ. Это дружеское, липпературное поржество соединило шѣсною цѣпью настоящее съ прошедшимъ и представило мнѣ съ самой лучшей стороны характеръ

Французовъ , чувствующихъ въ высочайшей степени превосходство гения, вѣрнейшихъ и преданныхъ обязанностямъ и воспоминаніямъ дружбы, одаренныхъ самою блистательною веселостію и глубочайшею чувствительностію, гордящихся талантами своихъ соотечественниковъ, какъ бы собственною своею славою, образованныхъ, вѣжливыхъ, спрасныхъ къ наукамъ и искусствамъ.,,

Б.

ПРИСТРАСТНАЯ ЛЮБОВЬ.

Повѣсть Г. Були.

Маперинская любовь есть дѣйствіе души самое пылкое и непорочное; она существуетъ какъ между дикарями, такъ и у просвѣщенныхъ народовъ , укрощаетъ лютейшихъ животныхъ , ободряетъ самыхъ робкихъ и распространяетъ власть свою на все то, что получило жизнь и право давать ее .

Всѣ вѣки и исповѣданія открываютъ намъ въ своихъ швореніяхъ и памятникъ искусствъ изображеніе этого превосходнаго чувства и похвалу оному.

Войдемъ въ Музеумъ. Взоры наши невольно оспановяпся на удивительномъ зрѣлищѣ попопа, гдѣ Пуссенъ приводилъ намъ на память послѣднее усиліе маперри, копорая ушопая, ни о чемъ болѣе не думаетъ, какъ только о спасеніи своего новорожденнаго. Изъ многихъ произведеній Рубенса наиболѣе поражаетъ насъ очаровательное смѣшеніе спраданія и радости на лицѣ Медицисъ, производящей на свѣшъ наслѣдника Генриха IV. Кто, разсмапривая превосходную карпинѹ: *избіеніе младенцевъ*, не захошѣлъ бы помочь рыдающимъ маперямъ въ освобожденіи изъ подъ сѣкиры палача нѣжныхъ плодовъ ихъ любви? Надобно имѣшъ весь геній Рафаеля, что бы изобразилъ въ одно время усилія, изспуленіе, опчаяніе и ужасную поску сего священнаго, маперинскаго чувснва.

Если мы присушснвуемъ при зрѣлищахъ Мельпомены, то какія лица сильнѣе поражаютъ наше воображеніе, краснорѣчивѣе говорятъ нашему сердцу? — Андромаха, жерпвующая для юнаго еще Аспіанакса шрауромъ своимъ и любовію къ мершвому его родителю; Меропа, копорая у ногъ убійцы своего супруга,

умоляешь его о спасеніи Эгисста; Кли-
шемнестра, презирающая Царя Царей
и ярость Грековъ, что бы отвлечь ошь
жертвенника милую свою Ифигенію.

Послушаемъ теперь путешественни-
ковъ и натуралистовъ. Любопытные и глѣ-
нищельные ихъ рассказы о томъ, что лю-
бовь материнская внушаетъ во всѣхъ жи-
вотныхъ, не менѣе будутъ для насъ занима-
тельны. Тамъ двушпробка, не въ соспо-
нїи будучи ни на минушу распашься со
своими дѣшми, презираетъ стрѣлу охоп-
ника, что бы вдругъ перенести ихъ въ
самую непроницаемую чашу лѣса. Здѣсь
пеликанъ разклеываетъ себѣ на груди
широкую рану, для напоенія птенцовъ
своихъ чиспѣйшею изъ нея кровію. Въ
другомъ мѣспѣ изумленная, впревожен-
ная медвѣдица уже нѣсколько дней ли-
жетъ грубую, мохнашую кожу своего
медвѣженка и до шѣхъ поръ предлага-
етъ ему сосцы свои, пока не убѣдился
совершенно, что уже преспала бышь
матерью: тогда испускаетъ она продол-
жительный ревъ и валяешся по землѣ.
Наконецъ дикая, робкая курошашка под-
вергаетъ себя алчной пасши охопничьей

собаки, что бы дѣлать своимъ дасть время укрыться отъ смерти. Я бы не кончилъ, если бы вздумалъ описать здѣсь всѣ превосходныя и прегрешительныя черты мадеринской любви.

И славнѣйшіе наши поэты, почти всѣ воспѣвали это неизмѣняемое чувство. Дѣлалъ тогда только истинно вдохновенъ, когда говоришь о своей мадери. Дюсись, въ припадкахъ и меланхолическихъ своихъ спихахъ, описываетъ священныя права надъ нашими сердцами той, отъ которой получили мы жизнь. Парни, Легуве, Мильвуа посвящали ему гармоническія свои пѣснопѣнія. А между краснорѣчивыми нашими прозаиками, Жанъ-Жакъ Руссо, Рейналь, Бернардень Сень-Пьеръ и Шапобрианъ восхищаютъ насъ, приводя въ умиленіе, когда описываютъ заботливостъ, терпѣніе, мужество, героизмъ и неисповимую мадеринскую любовь. Можно ли читать, не бывъ пронутымъ, смерть Юліи Вольмаръ, которая ласкаетъ младенца, спойвшаго ей жизни? Какъ не пожалѣть, въ Философической Исторіи, Кападіанку, которая орошая могилу своего сына молокомъ, дол-

женспвовавшемъ кормишь его, думаешь чрезь по воскресишь его! Какъ удержишь слезы въ шу минушу, когда Гжа Лапуръ разлучается съ милою своею Виргинією? Какъ наконецъ, не чувспвовашь глубокаго душевнаго движенія при чшеніи въ *Духъ Христіанства* шрогашельнаго повѣспвованія о погребеніи одного молодаго Индѣйца, когда опчаянная его машь, повѣся на кленовые сучья, украшенные цвѣшами, оспанки своего сына, обращаешь къ нимъ громогласно слова сіи, проникающія до глубины сердца: “милая, прелеспная душа!...шы получила жизнь опъ одного поцѣлуя опца швоего на моихъ успахъ ... а мои поцѣлуи не имѣюшь силы дашь тебѣ вшоричнаго сущеспвованія!...,”

Кто однакожь подумаешь, что эша споль чистая и благодѣпельная любовь, эша первая пища жизни, кошорая уподобляясь небесной маниѣ, должна бышь равно распредѣляема между смерпными, и кошорой самыя живопныя не дѣлаюшь не равнаго раздѣла, производишь во многихъ машеряхъ сѣмейспва ужасное приспрашпие, гибельный испочникъ неопврапимыхъ золь?

Желаю, чго бы слѣдующій, истинный анекдотъ предохраниль нѣжныхъ и благородныхъ машерей отъ приспрасія, которое будучи шайнымъ, производиль въ нихъ почти ежеминушную, шрудную, мучительную борьбу, а обнаружась совершенно, разрушаетъ согласіе сѣмействъ и дѣлаеть, почти всегда, несчастными предпочитаемыхъ ими дѣшей.

Гжа Моншкаръ вышедъ замужъ за Реншмейспера, была уже въ осмнадцать лѣтъ машерью двоихъ сыновей. Слабость ея здоровья не позволила ей кормить ихъ своею грудью. Напрасно желала она исполнить первую и пріятнѣйшую обязанность: она должна была успунить мнѣнію свѣдущихъ людей и убѣжденію своего супруга; который обожаль ея и не хотѣль, чго бы она подвергалась безпокойствамъ машери-кормилицы. Карль и Юлій Моншарки (первый годомъ старше своего брата) имѣли у себя кормилицею добрую креспьянку, которая съ молокомъ своимъ, казалось, передала имъ крѣпкое свое сложеніе и веселый нравъ.

Воспитываясь вмѣстѣ, въ счастливомъ согласіи вкусовъ, чувствованій и

первыхъ привычекъ, испытали они ту приятную симпатію, которая укрѣпляетъ священные узы природы.—Ничего не было проташельнѣе, какъ видѣть двухлѣпняго Карла, когда поддерживалъ онъ Юлія, водимаго еще на помочахъ, и подносилъ ему ко рту сладкіе пирожки и конфеты. Игры ихъ были всегда общія; улыбка одного производила въ другомъ смѣхъ, а если у одного навершывались на глазахъ слезы, то другой уже плакалъ. Многіе почипали ихъ за близнецовъ, которые не могли бытъ одинъ безъ другаго. — Карлъ и Юлій были еще въ первомъ дѣтствѣ, когда Гжа Моншкаръ надѣялась сдѣлаться матерью въ претій разъ.

По своенравію ли случая, или по дѣйствію преждевременнаго приспращія, она была столько же весела и такъ легко носила новое бремя, сколько была печальна и нездорова во время первыхъ двухъ беременностей. Она не могла скрытъ опъ своего супруга сильнаго желанія самой кормить младенца, который долженъ былъ родиться подъ столько счастливымъ предзнаменованіемъ.—“Не совѣшую, другъ мой, сказалъ ей Моншкаръ:

когда уже лишена ты была удовольствія кормить сама двухъ спаршихъ сыновей, по прошивъ воли своей увлечешься предпочтениемъ къ своему питомцу и напрасно будешь стараться скрывать это; ты сдѣлаешься жертвою безпреспанныхъ бореній самой съ собою, и любовь маперинская будетъ для тебя однимъ только мучениемъ.,,

Гжа Моншкаръ, казалось, хопѣла послѣдовать споль благоразумному совѣту и оставить прежнее свое намѣреніе, какъ вскорѣ послѣ этого сдѣлали въ Музеумѣ выспавку новыхъ произведеній Французской школы. Живопись была самымъ любимымъ искусствомъ этой женщины. Немедленно отправилась она посмопрѣшь лучшія новыя произведенія, и лишь только вошла въ Музеумъ, по взоры ея поразила прелестная картина дѣвицы Лоримье, представляющая юную поселянку-мать, копорая съ сожалѣніемъ и зависпю смопришь на козу, питающую молокомъ своимъ маленькаго козленка. Все это шакъ живо, шакъ хорошо было изображено, что Гжа Моншкаръ содрогнулась и впайнѣ рѣшилась воспользоваться урокомъ, дан-

нымъ ей прелесною карпиною. Наступило время ея родовъ, а между темъ Г. Моншкаръ, въ качествѣ Рекешмейстера, долженъ былъ опсправившись во многіе Департаменты, опуспошенные ужасами войны, и дѣлать опъ имени Монарха пособіе разореннымъ жишелямъ. Незадолго до счастливаго событія, котораго Гжа Моншкаръ ожидала съ такимъ нестерпніемъ, оставилъ онъ Парижъ, сожалѣя, что не можетъ оказашъ ей попеченій супружеской любви.

Вскорѣ послѣ его опѣзда родился претій сынъ, котораго назвали Эдуардомъ. Разрѣшеніе опъ бремени Гжи Моншкаръ сопровождалось легкою болью. — “Милый младенецъ! воскликнула она, прижавъ его къ своему сердцу: какъ дешево плачу я за счастье, что дала тебѣ жизнь!”, Подошла кормилица и хотѣла взять изъ рукъ матери новорожденнаго; но она, со сверкающими глазами, вскричала прогашельнымъ и вмѣспѣ повелишельнымъ голосомъ: “нѣтъ, нѣтъ! много должно будешъ мнѣ перенести; и такъ какъ мужъ мой теперь въ опсущствіи, то я воспользуюсь хоть эшимъ случаемъ и послѣдую непре-

одолимой склонности, меня увлекающей... — Сказавъ это, поднесла она къ грудямъ своимъ младенца и узнала наконецъ весь воспоргъ маперинской любви. Г. Моншкаръ не замедлилъ возвратиться. Увидя, какимъ безпокойствамъ и заботамъ подвергала она себя, онъ ужаснулся было; но вскорѣ замѣпивъ, что здоровье ея и Эдуарда укрѣплялось болѣе и болѣе, не спалъ дѣлашь ей нималѣйшихъ упрековъ и удовольствовался только темъ, что еще въ послѣдній разъ повспорилъ прежнее свое опасеніе на счетъ пристрастной, маперинской любви.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Всѣ братья одарены были почти одинакими силами и одинакими способностями. Они пользовались подарками и ласками своихъ родителей такъ, что ни малѣйшее предпочтеніе не могло возбудить между ими той гибельной зависти, которая въ юныхъ, невинныхъ душахъ укореняется, подобно ядовитому растѣнію въ землѣ, вновь обработанной. Гжа Моншкаръ, находясь всегда подъ наблюдениемъ своего супруга и желая доказать ему, что разсудительная женщина можетъ предохранить себя отъ ма-

материнскаго приспращія, съ такою оспорожносною скрывала особенную любовь свою къ Эдуарду, что даже ласкала его менѣе, нежели его брашьевь. Эдуардъ замѣшилъ это; замѣшилъ еще, что когда при Карлѣ и Юліи ласкался онъ къ ней съ необыкновенною нѣжносною, по ей было это неприятно—что она чувствовала какое-то спраданіе и даже иногда опшпалкивала его опъ своей груди. Материнская оспорожносно нечувствительна послела въ немъ робосно: замѣшательство ея приписывалъ онъ ея холодносно и это привело его въ такую горосно, что наконецъ онъ опасно занемогъ. Бѣдная, опчаянная мать не опходила опъ послели умирающаго, любимаго ея сына; она кошѣла оживить его своими поцѣлуями и жаромъ живошворнаго своего дыханія. Однажды, въ бреду, у больнаго ребенка вырвались слѣдующія слова: “она не любитъ меня...меня, кошораго кормила своимъ молокомъ!”, Эти слова опкрыли глаза Гжѣ Моншкаръ. Она обѣщала возвращить ему тѣ ласки, кошорыхъ лишала его, и даже вывести его изъ заблужденія, когда онъ будетъ внѣ опасносни ... Эдуардъ на-

чалъ выздоравливать. Однажды, когда лежалъ онъ на софѣ въ госпиной, вошла пуда Гжа Моншкаръ и думая, что онъ покоишься глубокимъ сномъ, заперла всѣ двери, пихонько сѣла на спуль подлѣ софы и въ молчаніи спала разсмапривать прелесное его лице, на которомъ изображалось благошворное спокойствіе. Помомъ придвинула къ софѣ спуль свой, оспорожно взяла руку любимаго сына, начала цѣловать ея и омывать слезами...

“Сіи спокойно, милое дитя! сказала она пихимъ голосомъ: ты не знаешь, сколько дорогъ ты мнѣ... слова, которыя прошивъ воли своей выговорилъ ты въ бреду и которыя разперзали материнское мое сердце, дали мнѣ знать, увы! слишкомъ поздно, что ты сомнѣваешься въ моей нѣжности: Оказываемое мною безпокойство и шайная борьба самой съ собою произвели это гибельное заблужденіе, и шакимъ-то образомъ чрезмѣрная любовь моя едва не стоила тебѣ жизни.,—Эдуардъ, не въ состояніи будучи преодольтъ сильнаго душевнаго движенія и спараясь скрыть наворачувшіяся у него на глазахъ слезы, опворошилъ опъ матери. Гжа Моншкаръ,

думая, что она опять заснула, продолжала: “Бѣдное дитя! какъ много заспавила я тебя спрдашь!...но я постараюсь вознаградишь тебя за нѣ лишенія, копорья стоили миѣ болѣе, нежели самому тебѣ... О, сынъ мой! любезный сынъ! небо просило меня, потому что оно услышало мои моленія; простишь ли и ты меня?... “Да, маменька! вскричалъ онъ, бросаясь въ ея объятія. Воспоргъ радости не позволилъ ему говорить болѣе; мать была въ такомъ же восхищеніи. Взаимные ихъ воспорги и ласки еще продолжались, какъ вдругъ вошелъ Гнъ Монпкаръ, съ обоими спаршими сыновьями. Эдуардъ не сказалъ при нихъ ни слова, какимъ образомъ материнская любовь возврапила ему жизнь и счастье. Силы его начали укрѣпляться и вскорѣ принялся онъ за обыкновенныя свои прогулки, игры и занятія.

Карль и Юлій сначала не замѣпили приспраспной лѣбви ихъ матери: попеченія и ласки, оказываемыя ею дорогому ея Эдуарду во время его болѣзни, приписывали они несчастному его положенію. Опасеніе подвергнушь его снова униженію и спрдашіямъ, копорья едва не дове-

ли его до гроба, беспокоило эту слишком оспорожную мать до такой степени, что перейдя изъ одной крайности въ другую, она уже не радѣла для него о прочихъ своихъ сыновьяхъ. Всякій разъ, когда глаза ея оспанавливались на Эдуардѣ, она думала, что Карлъ и Юлій оспгдывающъ ея мысль, и въ то же время оспвращала свои взоры оспъ своего любимца и устремляла ихъ на его братьевъ, какъ будто въ вознагражденіе за то, что у нихъ похишила. Если она получала цвѣтны оспо всѣхъ сыновей, то подносимые младшимъ, невольно прикалывала ко груди, копорую пишала его; но вскорѣ, какъ бы оспамятовавшись и испугавшись, оспкалывала ихъ. Не проходило ни одного дня, ни одной минушы безъ того, что бы эта несчастная мать не осперегалась самой себя и не опасалась какимъ нибудь словомъ, или шѣлодвиженіемъ произвеспи разспройство въ своемъ сѣмействѣ.

Несмотря однако же на то, совершенное согласіе царспвовало въ домѣ Г. Монпкара, пока онъ жилъ. Бдишельные взоры его наблюдали за супругою, копорую подозреваль онъ въ слабости, а дѣлаемые

ей по временамъ справедливыя и благоразумныя замѣчанія, когда оказывала она предпочтеніе Эдуарду, заславляли ее дѣлишь любовь свою между сыновьями въ равной степени. Но сей превосходный отецъ, изнуренный продолжительными путешествіями и пылкими занятіями, внезапно похищенъ былъ смертію у опчаяннаго сѣмейства, опъ множествѣ друзей, которыми былъ онъ уважаемъ, и опъ опечесства, которому долгое время служилъ съ честію,

Спустя нѣсколько недѣль послѣ несчастнаго сего происшесствія, Гжа Монпкаръ безъ всякаго уже опасенія предалась исключительной любви своей къ Эдуарду. Старшихъ сыновей поспѣшила она опредѣлишь въ Лицей, а младшаго удержала при себѣ подъ предлогомъ его молодости, хотя ему было тогда уже двѣнадцать лѣтъ. Легко представишь можно, какъ ласкала, какъ баловала она любезнаго своего Эдуарда! Никакой наблюдательный, нескромный, или зависпливый взоръ, не могъ уже беспокоишь, оспанавливать ее въ изъявленіи ему своей любви. Она исполняла малѣйшія его прихоти... Когда скучалъ онъ

за ученъемъ, по она, для развлеченія любимаго сыночка, позволяла ему дѣлать прогулки, или визиты, въ копорыхъ, по ея мнѣнію, узнавалъ онъ науку свѣтской жизни, или—и это случалось гораздо чаще—ѣздила съ нимъ въ театръ, гдѣ, какъ думала она, всего легче и скорѣе можешь онъ образовать умъ свой и сердце. Къ этимъ опаснымъ привычкамъ Эдуардъ вскорѣ присоединилъ и привычку дѣлать самовольно значительные расходы: самый модный порпной шилъ ему платье; онъ носилъ обыкновенно фраки изъ лучшаго сукна, шалевые жилеты и самое щегольское бѣлье и обувь тогда, какъ братья его были одѣты въ толстое сукно, имѣли черныя галстуки и дурныя башмаки, подбитыя гвоздями. Посвятивъ себя совершенно наукамъ, не чувствовали они того чрезвычайнаго различія, копорое восстановлялось между ими и младшимъ братомъ: удовольствіе находишься въ родительскомъ домѣ, гдѣ бывали они рѣдко, и счастье видѣть мать свою, не позволяли имъ дѣлать ни малѣйшаго на счетъ этого замѣчанія. Желаніе оплечиться въ наукахъ, заслужишь награду отъ началь-

спва и поднесши лавры свои той, копорой обязаны они жизни: вопть въ чемъ состояло прятинвйшее ихъ наслажденіе и единственнее чесполюбіе.

Между темъ опекунь малолыпныхъ Моншкарровъ, человекъ извѣстнй по своимъ доспоинспвамъ, настаиваль, что бы Гжа Моншкаръ записала Эдуарда въ пошь же самый Лицей, въ которомъ находились старше его братья. Сначала весьма искусно уклонялась она опть этого подь разными вымышленными ею предлогами, но наконецъ рѣшипельно объявила, что младшій ея сынъ имѣеть совершенное опвращеніе къ наукамъ и липпперапурѣ, а чувспвуееть въ себѣ склонность къ искусстввамъ. Не имѣя мужества разлучиться съ нимъ, опредѣлила она къ нему учишеля французскаго языка и послала его въ масперскую одного славнаго живописца обучаться живописи, копорую, повидимому, любиль онъ спраспно, и къ копорой, какъ ей казалось, имѣль онъ большую склонность. Въ такихъ занятіяхъ Эдуардъ доснигъ шестнадцатилыпняго возраста, и едва только выучился еписыванью кой-какъ головки. Но за по

рыская съ маменькой по спектаклямъ, баламъ и концертамъ, издерживая для одного себя вдвое болѣе прошиву того, что выходило на обоихъ его братьевъ, снискала онъ названіе *франта*, надъ копорымъ всякой смѣялся и коцораго Гжа Монкаръ почипала чудомъ паланшовъ и хорошаго тона. Ослѣпленная мать надѣялась даже, что онъ будешь нѣкогда честію и подпрою своего сѣмейства!

(Окончаніе въ слѣд. номерѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Смерть тижика и рожденіе страсти къ стихотворству *).

Я съ самыхъ дѣшскихъ лѣтъ Поэзію любила,
Любила пѣсенки и сказочки чипашь;

Въ нихъ утѣшенье находила

Тогда, какъ сверспницы лишь думали и грашь.

---

*) Друзья мои спросили однажды у меня: какой предметъ служилъ мнѣ къ первому моему стихотворенію?— Я отвѣчала: Чижикъ. — Всѣ разсмѣялись и просили разказать эшо происшествіе спихами, также и о помъ, что я послѣ писала. *Примѣт. Согипительницы.*

Побольше спала я, посмышленнѣе спала;
 Хотѣлось сдѣлаться гораздо поумнѣй:
 Получше чемъ нибудь занявшись я желала —
 Не взяшься ль авшоровъ чипашь мнѣ по-
 скорѣй? —

Взяла Карамзина, *Бездѣлки* прочитала;
 Въ *Бездѣлкахъ* дѣльное, приятное нашла,
 И чемъ ихъ болѣе, прилежнѣй разбирала,
 Сильнѣе шемъ во вкусъ Поэзіи вошла.
 Хотѣ полку не было, а спрасшь къ спи-
 хамъ пылала!

И чпожь я возмечшала?

Давай сама писать! ...

Да полько какъ начашь?

Название авшора мнѣ душу восхищало;
 Но умъ-шо молодъ былъ и сердце-шо мол-
 чало,
 А вѣдь безъ нихъ куда неловко сочиняшь *)!
 Вошь мѣсяць, и другой, и шрешій ужъ про-
 ходишь:

Къ стихамъ предмета вѣшь, какъ нѣшь;
 Но случай, знаеше, до многого доводишь —
 Извѣстно, чпо на немъ вершился бѣлый
 свѣшь. —

Былъ чижикъ у меня—и чижикъ неученой:
 У женщинъ вкусъ шакой мудреной!

Меня мой чижикъ упѣшалъ:

Съ зарей проснувшись, пѣль и на руку леш-
 шалъ.

*) Особенно стихи. *Изд.*

Къ несчастью кошечка имъ также любова-
лась;

Но иначе ласкашь его намѣревалась:

Сначала все она сидѣла въ уголку,

Глядѣла на него—подѣхала къ дружку,

Сперва голубушка чуть лапкой задѣвала,

Какъ будшо съ нимъ играть желала;

А чижикъ мой

Такой простой

Радехонекъ, что другъ сыскался!

Не первый онъ въ друзьяхъ на свѣсѣ оши-
бался!

Лешаетъ да поспѣ—сѣлъ кошечкѣ на хвостъ.

Помомъ... и на зубокъ! — Ахъ, простъ мой
чижикъ, простъ! —

Я въ комнату вбѣгаю—

Глядъ на полъ-перышки его лишь поднимаю!

“Несчастный чижичекъ! въ слезахъ сказа-
ла я:

Ктожь будетъ упѣшать меня...,”

И въ горести моей за что же принимаюсь?

Надгробіе пишашъ и чижикю рѣшаюсь.

Вотъ написала я и какъ-то удалось.

Въ кругу друзей моихъ все это разнеслось.

Чтобъ ободрить меня, кричашъ они пре-
красно!

Хвала приашна всѣмъ— а женщинѣ ужасно

Какъ нравишся хвалимой бышь *);

---

*) Напрасно: не всякой, и не оупъ всѣхъ. Прим. Изд.

Лишь не охотницы другихъ—то мы хвалишь.
 Мнѣ по же, признаюсь, пріяшшо это было,
 И самолюбіе желанье вновь родило

Еще предметъ искашь,

Еще стихи пишашь;

Но только сердце шущь не о чижахъ швер-
 дило:

Тогда ужь было мнѣ почти осмнадцать лѣтъ

И невзначай ему явился самъ предметъ.

Не инпересно вамъ, что съ сердцемъ пол-
 ковала,

Лишь знайте, что погда я всякой день пи-
 сала —

И только мысль придетъ: не будучь я по-
 этъ?

Счастливецъ меня, казалось, въ свѣтъ нѣтъ.

Я думаю, судьбѣ самой угодно было,

Чтобъ милое перо забавой мнѣ служило.

Велѣла жить она мнѣ средь густыхъ лѣ-
 совъ,

Между песчаныхъ береговъ,

Плѣнятъ мой взоръ ручьями,

А слухъ весенними пѣвцами, соловьями.

Кшо прожилъ двадцать лѣтъ средь множе-
 ства людей—

Того ужь не плѣнишь, повѣрьте, соловей.

Кшо всякій день привыкъ на балахъ весе-
 лишься—

Не скоро по горамъ разгуливашь рѣшишься.

Но дѣлашь нечего! съ судьбой не сговоришь

Разсудку надобно сердечко покорить.
И такъ рѣшилась я природой наслаждашь-
ся,

А скуку забываешь,
Приятнымъ чпенемъ занимаешься,
Съ упра до вечера писать —
Супругу пѣсенку, сосѣдкамъ по куплешу,
Малюшкамъ басенки—а часто по совѣшу..
И въ сихъ заняшїяхъ лѣшь восемь прожи-
ла.
Тутъ вдругъ опять судьба въ столицу за-
вела.

Привычка ли чипашь
И дѣломъ занимаешься,
Охота ли писаешь
И слагой опличаешься —
Не знаю я того,
Но только вѣкъъ пера не брошу моего.

М. Дарголыжская.

~~~~~

Сонъ.

Баллада.

«Чу! на башнѣ городской,
Чась ударилъ роковой!
Слышу шорохъ въ шшинѣ:
Кшо-то видѣнъ при лунѣ,

Какъ мечта, какъ прошлый сонъ...
 Это онъ, шакъ это онъ!...,

Свѣшпшь въ сумракѣ луна!
 Томно плещется волна!
 Мчишся быспро по рѣкѣ
 Пушникъ жданный въ челнокѣ!
 Берегъ близко—чолнѣ приспаль,
 Пушникъ Лизу ѣхашъ звалъ.

Въ пушь далекій, въ край чужой,
 Онъ маниль ее съ собой:
 “Лиза, ѣдемъ! Другъ, скорѣй!.,—
 Съ нимъ она—и онъ ужъ съ ней!

Парусъ рѣзко зашумѣлъ!
 Слѣдъ на озерѣ бѣлѣлъ!
 По волнамъ они лешашъ,
 Брызги влажныя блестяшъ—
 Вошь и берегъ, и лѣсокъ—
 Онъ причалиль свой челнокъ!

Лиза милому привѣшъ,
 Но ни слова ей въ опѣшъ!
 Смотришъ блѣдная вокругъ,
 Вдругъ въ селеніи пѣшухъ
 Полуночи пѣснь пропѣлъ—
 И возшокъ ужъ заалѣлъ.

Лиза, гдѣ же милый швой?
 Онъ лежишъ въ землѣ сырой!

Глянб: вокругъ, вездѣ, кресшы
И полынныя кусшы;
Камни хладныя лежашъ:
Крѣпко—сладко въ гробѣ спяшъ!

Лиза: *ахъ!* и гдѣ же онъ?...
Это былъ ужасный сонъ!
И проснулася она,
Все мечшой своею полна!
“Ахъ! пропала я навѣкъ!
Онъ мершвецъ—не человекъ!,,

Вдругъ письмо ей и съ кольцомъ:
“Другъ мой, скоро подъ вѣнцомъ
Буду—пишешъ онъ—съ шобой —
Ты моя, я буду швой!,,

Что же сонъ сей предвѣщалъ?
Кшо бы скоро отгадалъ?
Лизѣ друга; а въ журналъ—
Вдругъ балладу—мадригалъ! *)

Н. Скородумовъ.

~~~~~

---

*) Гдѣ же мадригалъ? Изд.

Т. Н. О ... ей.

(въ день ея ангела 12 Генв. 1826 *.)

Извѣстно всѣмъ давно, что я Поэтъ для
дали.

Кому я не писалъ въ альбомы?

Но не писалъ еще стиховъ ни разу вамъ...

А сколько лѣтъ какъ мы знакомы?

Сказашъ къ спыду я долженъ своему,

Ни разу не хвалилъ еще въ стихахъ Куму.

Случилось эшо какъ, не знаю право—чудно!

А васъ хвалишь, не какъ иныхъ, не
прудно,

И будешь правда все — не лешъ.

Въ почтенной Кумушкѣ хорошее все есть:

И основательность ума и острова,

И сердца доброта

И красава,

Любезность, ловкость, шовъ опличный,
превосходный —

А видъ—преблагородный **).

Принцессой бы ей полько бышь...

Ну, какъ Куму не похвалишь?...

Одинъ порокъ ея достоинства всѣ губишь...

Позволише сказашъ?—Стиховъ Кума не лю-
бишь...

*) Чипаны за споломъ въ дружеской бесѣдѣ.

***) Elle se fait respecter par sa mine, сказала объ васъ
одна умная и прекрасная дама.

Но любишь мужа и дѣшей,
 Родныхъ и искреннихъ друзей. —
 За то и Кумушку всѣ любяшь, уважаюшь,
 Душевно почишаюшь
 И счастья ей желаюшь.
 Дай Богъ ей всякаго добра!
 Ура! —

И.

~~~~~

Н. Ѳ. О.

*потеннѣйшему моему учителю
 стихотворства.*

Благодарю тебя, какъ съ утренняя зарею,
 Во время сна супруга и дѣшей,
 Бесѣдуя одна съ спокойною душою
 Я занимаюсь поэзіей своею!

*

Благодарю тебя—когда средь жизни шумной,
 Опшъ свѣша удалясь, я въ уголку моемъ,
 Читай швой Словарь, прелестнѣйшій — ра-
 зумной,
 Все что-то новое приобретаю въ немъ!

*

Благодарю тебя—я неподвластна скукѣ,
 А многіе изъ насъ покорны очень ей:
 Когда съ перомъ моимъ бываю я въ разлукѣ,
 То сердце занято наукою швоею!

Благодарю тебя—въ часы опдохновенья,
 Когда отъ всѣхъ заботъ уже свободна я,
 Найдя въ Поэзіи для сердца наслажденья,
 Возвысившись душой—благодарю тебя!

*

Благодарю тебя—за то, что въ часъ уны-
 лый
 Умью я себя всегда развеселишь;
 Благодарю тебя—за то, училель милый! —
 Что научилъ меня Поэзію любишь!

М. Даргомыжская.

~~~~~

Женѣ моей

при подаркѣ Календаря Музъ.

Вопшь, милая, тебѣ мой алманахъ!
 Въ немъ и мои піэски естъ въ спихахъ.
 Собрашь мой журналистъ по совѣсти *) оп-
 крылея,
 Что ими онъ плѣнился.
 Тушь ты найдешь спихи мои къ друзь-
 ямъ—
 Еще спихи для дамъ...

---

*) См. 6 Но *Сѣверной Пчелы*. А другій уже *безсозвѣстно* опозвался объ немъ на 191 и 192 стр. *Московского Телеграфа*.

Давно всѣ писаны! Тебѣ же нѣтъ ни спрочки!
 Поспой, какъ выдушь наши дочки
 И спанешь выходишь исправно мой жур-
 наль,
 Я напишу тебѣ хорошій мадригалъ,
 Да нѣжное посланье;
 Впишу все это въ твой альбомъ
 И напечапаю въ календарѣ другомъ,
 Но съ темъ однако уговоромъ,
 Чшобъ мнѣ за каждый стихъ по поцѣлюю
 дашь,
 Съ улыбкою припомъ, съ умильнымъ, нѣж-
 нымъ взоромъ...
 Да эшого вѣдь долго ждашь;
 Нельзя ли же теперь меня поцѣловать?
 А я охотникъ цѣловаться...
 Но съ поцѣлуями твоими чьи сравняшся?

~~~~~

И.

НѢЧТО О ДРАМАТИЧЕСКОМЪ АЛЬБОМѢ.

Когдажь до прибыли коснется,
 Не только памъ гусямъ и людямъ доспаеш-
 ся.

Крыловъ.

Удѣлъ человѣчества—несовершенство.
 Эта истина всѣмъ известна. Никто не
 потребуешь, чшобъ произведение человѣче-
 ское не имѣло въ себѣ никакихъ недо-

спашковъ, но естъ граница видимой, или чувспвваемой возможности. Назовемъ эту черпу прекраснымъ, изящнымъ, или какъ угодно. По крайней мѣрѣ мы составили уже себѣ идею о лучшемъ возможномъ, по сравненію съ прежними произведеніями.

Каждое произведеніе возбуждаеть одно изъ прехъ главныхъ чувспвъ: удивленія, снизхожденія и негодованія. Въ нихъ прудно дашь опчешъ. Не мудрено опгадашь, какое чувспво раждаеть такое произведеніе, кошорое при всѣхъ несовершенствахъ своихъ, выказывается съ лучшей спороны и хочеть вырвать уваженіе неумѣренными себѣ похвалами и охудненіемъ подобныхъ ему произведеній. — Такой грѣхъ, между прочимъ, случился съ *Московскимъ Драматическимъ Альбомомъ*. Не вѣрите? Прочтите *Разговоръ* одного *Издателя съ будущимъ Читателемъ*. Яснѣ бышь не можеть. Хотя Издапель и говоритъ, что предисловія вышли изъ моды и что разговоръ замѣнитъ ихъ; но можемъ рѣшительно сказать, что никогда не было и не будетъ въ модѣ хвалишь въ подобныхъ разговорахъ издаваемую книгу.

Прежде, нежели выпишу въ доказатель-

спво моихъ замѣчаній, слова Издашеля, скажу нѣчто о самомъ Разговорѣ:

Издашель начинаеть хвалишь чита-
шеля, “что онъ непохожь на другихъ,
“кошорымъ панцы, карпы, визипы, зло-
“словіе, моды, или даже новый романъ д’
“Арленкура дороже всякой Руской книги.,”
Надобно было задобришь Читайшеля, и это
удалось, пошому что Читайшель приняль
похвалы за наличную монету. Жаль, что
у него не доспало Логика въ его опвѣщѣ
Издашелю, и это можешь увѣришь про-
чихъ поварищей читашелей, что у нихъ
небойкій депутатъ. “что за привычка у
“вась, говоришь онъ, перенимаешь вѣчно
“другъ у друга? Вышелъ одинъ альманахъ, и
“и появилось ихъ множество; спали чи-
“таешь журналы, и я думаю, что скоро
“цѣховые и мѣщане сдѣлаются журнали-
“стами.,”—Пошлюсь на всѣхъ: охота чи-
таешь доказываетъ ли спрасшь перени-
маешь другъ у друга издание журналовъ?
Ошибка въ одномъ словѣ, но это слово ро-
дило ложную мысль; припомъ, какой бла-
горазумный читашель не знаетъ, что не
звание даешь право издавать журналъ, а
дарованіе? Къ чему шупъ замѣшались цѣ-
ховые и мѣщане?

Издатель, привязавшись къ слову, замѣчаетъ: “за то естъ и цѣхъовые писатели!...”, — Какую связь имѣетъ эша оспроша съ предыдущимъ, или послѣдующимъ — оспавляю разрѣшишь желающимъ. Съ моей стороны не вижу никакой.

Какъ понравился вамъ эша мысль? “Бываетъ время, когда природа упиомитъ “ся производитъ большихъ (?) писателей, “а публика читаетъ большія произведенія.,, Вопшь новостии? Какъ эшо примѣнилъ Г. Авшоръ Разговора? Не знаю, упоминается ли природа производитъ *большихъ* писателей; но что касается до публики, *шо* она всегда любила и будетъ любить читать большія произведенія, если они хороши, и скучаетъ надъ маленькими, каковъ напримѣръ *Разговоръ одного изъ Издателей Драматическаго Альбома*, если они дурны.

Знаете ли “причину, по которой “журналы и альманахи необходимы въ “Россіи?,, — Издатель вамъ эшо скажетъ. “Наша публика вообще не любитъ читать; она жалуется, когда чтение превращается въ обязанность,, — п. е. хочешь читать шупья, и далѣе: “наша пуб-

“лика не любить имѣть собственнаго мнѣнія; ей нужно, что бы ктонибудь указалъ на хорошее произведеніе..”, Какъ можно такъ невыгодно опзыватья о публикѣ? И какой классъ общества принимаетъ Г. Издапель за публику? Для собственныхъ успѣховъ *Драматическаго Альбома* пожелаемъ, что бы чипапелями его были не тѣ, которыхъ повидимому подразумѣваетъ Г. Издапель.—Какъ согласить нападки его на размноженіе журналистовъ съ доказательствами о необходимости у насъ журналовъ?...

“Что вы думаете о наружной формѣ нашего изданія, о помѣщеніи въ немъ музыки, о раздѣленіи на двѣ книжки?”, спрашиваетъ Издапель Чипапеля.—Чипапель, какъ человекъ учтивый и признательный за сдѣланный ему сначала комплиментъ, перевозоситъ похвалами *Драматическій Альбомъ*, оуждая *Талию* изданную въ прошломъ году Г. Булгаринымъ. Прекрасный способъ хвалить: пусть опять доспаются бѣдной публикѣ, которая можетъ счестъ *музыку вещью ad libitum*, если ее не отдѣлать отъ *Поэзии*. Помомъ

слѣдуетъ сужденіе о внутреннемъ достоинствѣ Альбома. Въ *Таліи* многія піэсы дурны, въ *Альбомѣ* напрошивъ хороши. Помѣщенные въ *Таліи* “*клогки Силлы*,” “*Мономаха* и *Меропы* едва ли могутъ “быть гдѣ нибудь украшеніемъ,, — но зато въ *Драматическомъ Альбомѣ*...

Вотъ что заключается въ концѣ Разговора: “зная умъ и дорованія почтеннаго Г. Булгарина, мы увѣрены, что . . . . “онъ первый защитилъ насъ отъ нападенія злонамѣренныхъ рецензентовъ - самоучекъ, которые словеснось превращаютъ въ ремесло, писателей въ цѣхъ или гильдію порташей,, Смѣлая увѣренность! Позволяется ли такимъ образомъ Издашеля публично испрашивать покровительства своему изданію? Г. Булгаринъ уважилъ просьбу Издашеля: онъ похвалилъ Альбомъ, который дѣйствительно имѣетъ свое достоинство, слегка коснулся нѣкоторыхъ мыслей разговора и показалъ при этомъ случаѣ всю скромность благоумнаго липператора, желающаго успѣха изданію, которое имѣетъ соспязаніе съ его *Талією*. — И къ чему служатъ такія жесткія выраженія на счетъ рецен-

зеншовъ? Не уже ли это кого нибудь у-спрашивъ говорить испину?

Въ *Драматическоиб Альбомѣ* есть прекрасные отрывки; между прочими отличны: изъ Есхиловой Трагедіи: *Агамеллонѣ*, переводъ Г. Мерзлякова; изъ Комедіи: *Урокѣ Старикаиб*, переводъ Г. Кокошкина; изъ Комедіи: *Школа женщинѣ*, перев. Г. Хмѣльницкаго; *Орестѣ*—неизвѣстнаго... *Выкупѣ Барда*, изъ Мильвуа, Г. Дмипріева, написанъ также съ чувствомъ и изобилуетъ прекрасными стихами. Два отрывка изъ Трагедій: *Марія Стюартѣ* и *Андромаха*: пер. Г. Павлова не шевелятъ сердца и дышутъ холодомъ. Не зная Комедіи: *Егоизиб* и *Филантропія*—нельзя сдѣлать объ ней сужденія, но изъ отрывка во все невидно пѣхъ характеровъ, копорыхъ ожидаешь по названію піэсы. Спасья о *качествахѣ*, *необходимыхѣ* для драматическаго артиста двулична и можетъ пославивъ актера въ недоумѣніе что принимають болѣе въ уваженіе: голосъ ли публики, копорою пугаетъ его авторъ, дѣлая припомъ замѣчаніе, что *истинныхѣ знатоковѣ* мало и на нихѣ надѣяться не должно, или пра-

вила, основанныя на познаніи театра и сердца человеческого? Впрочемъ въ ней встрѣчаются прекрасныя мысли.

Есть опривкѣ изъ *Исторіи Драматической Музыки*, нѣтъ ничего новаго. Желательно было бы, чтобы Г. Сочинитель сказалъ чтонибудь болѣе о новѣйшихъ сочинителяхъ драматической музыки. Онъ могъ бы подарить публику разборомъ духа новѣйшихъ сочиненій, показать опличительныя черты композитеровъ и доспойно оцѣнить каждого изъ нихъ. Эта работа была бы очень занимательна и по содержанию и по новости. Его обѣщаніе, продолжая заниматься теоріею музыки, приятно для любителей сего искусства. Это поле у насъ еще не воздѣлано.

Ни одинъ изъ анекдотовъ, помѣщенныхъ въ альбомѣ, не срываетъ улыбки. Нѣкоторыя уже довольно извѣстны, другіе не относящяся до театра. — Но что сказать объ этомъ, который оканчивается двумя стихами:

Когда Издатели бываютъ торгашами,
За чѣмъ же торгашу издастелемъ не
быть?

Пропустимъ его молчаніемъ; пожелаемъ полько, чѣмъ онъ былъ въ своемъ родѣ послѣдній.

Окончу мои замѣчанія почти тѣми же словами, какими оканчивается примѣчаніе Издащелей къ опривку изъ Трагедіи: *Орестъ*: “За чѣмъ не удѣлилъ онъ “(неизвѣстный переводчикъ) своей скромности нѣкоторымъ,,...*Издаателямъ Альманаховъ?*”

17 Февраля 1826.

Вал.

Ораніенбау.иѡ.

ттттттт

ПЕРЕЧЕНЬ ПИСЬМА ОДНОГО ИЗЪ ЧЛЕНОВЪ, НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ ДУХОВНОЙ МИССИИ ДЛЯ ОБРАЩЕНІЯ САМОЯДЪ ВЪ ХРИСТИАНСКУЮ ВѢРУ *).

Слава и благодареніе Господу Богу!
Благодареніе и всѣмъ вамъ, усердно моля-

*) Присланъ при слѣдующемъ письмѣ къ Издащелю *Благоналюбреннаго*:

“Читая всегда съ удовольствіемъ журналъ, вами издаваемый, я особенно былъ обрадованъ, вспрѣшивъ во 2 Но нынѣшня-

щимся о благопоспѣшеніи дѣлу Миссіи. Что дѣло сіе свыше благословилъ Самъ

го года письмо Начальника Миссіи, приводящей въ Хрисціанскую Вѣру Самоядовъ. Пробѣгая со вниманіемъ сіе любовышное письмо, я шемъ болѣе восхищался, что живши самъ нѣсколько лѣтъ съ дикарями—иновѣрцами, позналъ опышомъ сколь шрудно исполненіе такого Хрисціанскаго дѣла.

Другъ человѣческава, принявшій на себя обязанность озарять лучами Хрисціанской Вѣры людей, себѣ подобныхъ, долженъ обладать въ высокой степени даромъ краснорѣчія, шершніемъ, снисходительностію и бытъ совершенно безкорыстнымъ: не имѣя сихъ качествъ высокой души, миссіонеру не удастся снискашь ни любви, ни довѣренности идолопоклонниковъ, безъ чего самыя чистыя намѣренія не будутъ увлчаны желаемымъ успѣхомъ. Должно еще присовокупить, что идолопоклонникъ, принявшій свяшое крещеніе и хорошо выразишій спасительныя таинштва Хрисціанской Религіи, часшо бываетъ несравненно шверже въ Вѣрѣ, нежели мнимые счастливыцы, крещенные еще въ пеленахъ и гордящіея своимъ образованіемъ. Не нужно къ шому доводовъ, что Хрисціанская Вѣра да-

Богъ, эшо уже вамъ извѣстно. Враги онаго умолкають, хопя ихъ слишкомъ болѣе

ещь челоуѣку силу переносить бѣдствія, повсюду окружающія плѣнный и слабый сославъ нашего плѣла. Она вливаеть мужество, что бы пропикусшатъ всѣмъ предразсудкамъ, подкрѣпляемымъ ложною Философіею. Она же умиляеть сердце свирѣпаго дикаря и дѣлаетъ его добрымъ, крошкимъ и снисходительнымъ къ самымъ злѣйшимъ врагамъ его. Я былъ очевидный свидѣтель эшого въ Камчаткѣ, когда почтенный Начальникъ Пётръ Ивановичъ Рикордъ, извѣстный своимъ просвѣщеніемъ и опличающійся безпредѣльною къ нему привязанностію всѣхъ подчиненныхъ, находился въ Камчаткѣ. Видѣлъ, говорю, съ какимъ успѣхомъ сей добродѣтельный начальникъ чрезъ одно крещеніе и поясненіе спасительныхъ шаинствъ вѣры, снималъ невѣжественную кору съ самыхъ суевѣрныхъ и закоснѣлыхъ Корякъ-идолопоклонниковъ, которые послѣ того дѣлались ревностными Христіанами, и по сіе время опличаються опъ поваричей своихъ добродѣтелями.

Зная эшо, могъ ли я не восхищаться, читая выписку изъ письма одного изъ членовъ той самой Миссіи, съ кошорою вы,

нежели сколько въ началѣ представившъ было можно. Сколько Самоядовъ, сполько же почпи и хозяевъ въ *Канинѣ*. У каждаго Самоядина съ сѣмействомъ свой хозяинъ. Гдѣ шолько Самояды, тамъ и хозяева. Всѣ почпи здѣсь на счепъ Самоядовъ болѣе и живупшъ; богашянися же единственнo ошъ Самоядовъ чрезъ ихъ промыслы.

25 Февраля опсправился я съ Миссiею въ шундру совершенно больной. Всѣ присоеѣшповали, что я тамъ скорѣе выздоровлю. И въ самомъ дѣлѣ въ шундрѣ, за 40 верспш ошъ Мезени, въ Семенскомъ Усольт гораздо воздухъ при опскрыпомъ морѣ лучше, и въ покойнѣйшемъ домѣ нашель я нѣ-

М. Г., познакомили чпшпателей вашего журнала. Выписку сiю препровождаю для помѣщенiя въ *Благонадѣренномѣ*, если вы найдете ее того доспойною.

Имѣю честь бышъ, и проч.

Лейтенантѣ Павелѣ Сапововишъ.

Издашель *Благонадѣренного* чувспвишпельно благодаришъ почшеннаго Г. Сапововича за доспавленiе къ нему споль любопытной и занимашельной спашпш.

которое облегченіе. Здѣсь обратили и крестили 13 Самоядовъ. Торжественно сожгли предъ нами 10 ихъ идоловъ, деревянныхъ самой безобразной фигуры, и съ препарашами кудесовъ.

3 Марша выѣхали въ пундру далѣе за 60 верспъ, гдѣ ожидали насъ собравшіеся уже Самояды. 4 Марша сдѣлалъ я имъ, въ полномъ облаченіи и съ Евангеліемъ въ рукахъ, проповѣдь о ложности ихъ языческой и испинѣ Хрисціанской вѣры, проповѣдавъ вмѣстѣ исторію о сотвореніи міра, съ указаніемъ оной и на карпинѣ. Они явно пронулись. Эпо печалѣлось на ихъ лицахъ.

13 Марша сдѣлалъ я Самоядамъ предложеніе, чпобъ они для ясности и порядка въ изслѣдованіи испинной вѣры выбрали изъ среды самихъ себя двухъ съ темъ, чшо ежели сіи докажутъ испину и пользу своей вѣры, то они свободно могутъ при ней оспаваться; если же напрошивъ проповѣдниками будетъ ясно имъ доказано превосходство Хрисціанской Вѣры предъ ихъ языческою и ими самими признано: то они безъ всякаго прекословія должны принять оную. Всѣ

Самояды охотно на сіе согласились. Избранные ими, спавъ въ срединѣ предспоящихъ, при всей своей бойкоспи, не могли ничего сказать ни о началѣ, ни о продолженіи, ни о пособіяхъ своей вѣры. И что можно сказать? За шемъ изложено имъ было о началѣ Христіанской Вѣры, продолженіи оной, и нѣкошорыхъ шаинспвахъ, а особливо о помощи въ бѣдспвіяхъ, находимой и ими (Самоядами) въ Христіанской Вѣрѣ. — Тогда, послѣ моего вопроса: копорая вѣра лучше? оба повѣренныя единогласно возкликнули, что подлинно одна Христіанская Вѣра есть истинная и лучше ихъ вѣры. Сіе же самое подпвердили и прочіе Самояды.

14 числа, по собраніи ихъ, учинилъ я имъ проповѣдь, особливо о спрашномъ судѣ, кончинѣ міра, блаженной и злополучной жизни по смерти. По окончаніи сей проповѣди два Самоядина шоржеспвенно предъ всѣми исповѣдали и приняли Христіанскую Вѣру, отецъ съ сыномъ, и шущъ же помолясь распяшому Спасишелю, при всѣхъ пошли ко крещенію.

29 Марша, въ первый день Пасхи, уѣхаль я къ Миссіи въ Конду. Чудное дѣло!

Откуда бралось множество Самоядовъ! То чумь, по два, по три, одни послѣ другихъ непрестанно приѣзжали, какъ бы невидимою рукою собираемы и приводимы къ намъ были въ Долгощевскую свободу. Какая радость! 175 человекъ крещено въ одной сей слободѣ и всѣ почти они по крещеніи сподоблены Священныхъ Таинъ.—Мужи съ женами всѣ почти повѣнчаны.

Слышу, что и Канинскіе Самояды крестисься желаютъ. Слава и благодареніе Господу Богу!

О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

1826.

11. *Плать Россіянѣ надѣ гроболѣ АЛЕКСАНДРА БЛАГОСЛОВЕННАГО, Отца Отечества.* Съ эциграфомъ: *Notre Ange est au Ciel.* С. п. б. въ шип. Депаршамента Народнаго Просвѣщенія, въ 4 ку 12 спран. *)

Молодой Поэтъ (П. А. Теряевъ), въ началѣ своего стихотворенія, представля-

---

*) Продается у И. В. Сленина и у А. Ф. Смирдина по 2 р. экземпляръ.

ещь себѣ подпящійся въ уныніи вкругъ
Царскихъ Черноговъ народъ и продолжа-
ещь слѣдующимъ образомъ:

Какое бѣдствіе, неустрашимый Россѣ!

Твой бодрый духъ смященіемъ объяло?
Повѣдай, укажи источникъ горькихъ слѣзъ
И подыми сей тайны покрывало.

Ужель забылъ, кто шамъ, съ престольной
высопы,

Твою судьбу и радость назидаетъ
И сыплетъ на себя веселія цвѣпы? —

Тамъ АЛЕКСАНДРЪ, швой Геній возсъ-
даешъ.

*

Лучь милосердія горитъ въ Его очахъ;

Оливою и лавромъ осѣненный,
Съ привѣшной крошесшью, съ улыбкой на
успахъ
Рѣкой щедроты льетъ БЛАГОСЛОВЕН-
НЫЙ.

Вошь двадесять пять лѣтъ въ величьи
прошело,

Какъ Россовъ Онъ блаженство сохра-
няетъ,

И здравіемъ Его цвѣшущее чело

Намъ вѣкъ еще на радость общаетъ.

*

Гоповъшежь юбилей, вы Сѣвера Сыны!

Завидуюшъ вселенной вамъ народы,
 Блещящей славою для васъ озарены
 Грядущаго блаженнѣйшіе годы.
 Спѣшитежь изъ оливо и лаврѣ *) плести
 вѣнецъ
 И воздвигаешъ шріумфы предъ сполитцей:
 Уже опъ южныхъ странъ лепишъ къ вамъ
 Царь-Опець
 Съ воскреснувшей для новыхъ благъ
 Царицей.

*

Дни свѣсплой радости за Ними въ слѣдъ...
 Но ахъ!
 Вѣспъ грозная, какъ громъ вдругъ раз-
 дается:
 Осиротѣли мы! *Нашѣ Ангелѣ въ небесахъ **)*!
 И скорби спонъ по спогнамъ въ даль
 несешся,
 И ужасъ оковалъ безпрепешны сердца,
 И общій вопль сполитцу оглашаетъ —
 Какъ будто нѣжнаго и добраго опца
 Изъ рукъ дѣшей могила похищаетъ.

*

---

*) Надлежало бы сказать изъ лавровѣ, а не изъ лаврѣ.

**) Весьма удачный и неожиданный переходъ. И какъ къ спати употреблено здѣсь превосходное изрѣченіе: *нашѣ Ангелѣ въ небесахъ!*

— — — — —
 Но мыль одни Твоей кончиной сражены?
 Россія ли одна въ сей часъ спрада-
 ешь?

Ты былъ блостителемъ всеобщей тишины
 И по Тебѣ Европа вся рыдаетъ *).

Сей общей скорби гласъ естъ гимнь хва-
 лебный Твой.

Въ послѣдній день сей вопль шебя раз-
 будишь,

И на Судъ судовъ, предъ Благосшью Свя-
 шой,

Онъ за Тебя предшашельсшвовашъ бу-
 дешъ.

— — — — —
 Давноль *цгерюмый* **) Бельшъ на пагубныхъ
 волнахъ

Въ Пешрополь внесъ печаль и разоренье?

Съ сердечной скорбію, съ слезами на очахъ,

Явился Ты, какъ Ангелъ въ ушѣшенье:

Ты даль убогимъ кровь, сталъ сиропамъ
 опцомъ

И облегчилъ ихъ скорбь опрады силой,

И призну соверша почившимъ вѣчнымъ
 сномъ,

*) Эпи два стиха могли бы служить надписью къ изображенію АЛЕКСАНДРА.

**) Приличнѣе бы казалось вмѣсто: *цгерюмый*, поставишь: *свирѣпый*.

Какъ нѣжный брашъ, рыдалъ надъ ихъ
могилой.

— — — — —
О ты, украшенный Природой Таганрогъ,
О памятникъ, прискорбью обреченный!
Въ слезахъ шоски ты взялъ послѣдній ши-
хій вздохъ,
Съ копорымъ оплешѣлъ Благословенный.
Улыбка крошоспи, ошрадная для насъ,
Съ устъ Ангела Россіи не слепала
И на чель его, въ ужасный смерти часъ,
Въ залогъ спокойствія души сіяла.

*

Ты зрѣлъ въ сей часъ, въ лучахъ красуюся
злапыхъ,
Какъ небеса шоржесшвенны казались
И воспаряющей въ сонмъ Ангеловъ свяпыхъ
Его душъ привѣшно улыбались.
Нева, узрѣвшая на небеса полѣшь
Того, чей ликъ спократно ошражала,
Въ шоскъ, въ послѣдніе всплеснувъ спруями
водъ,
Льдовъ хладное надѣла покрывало *).

*

---

*) Въ самый день кончины незабвеннаго
АЛЕКСАНДРА Нева покрывалась льдомъ. Со-
чинилшель весьма удачно воспользовался
эшимъ обшпояшельшвомъ.

Заклучимъ наши выписки изъ сей прогашельной Элегіи послѣднею спррофою, содержащею въ себѣ изображеніе сердечныхъ чувствованій всѣхъ благомыслящихъ Россіянь.

О Россы! не прошель еще вашъ вѣкъ зла-
шой!

Еще хранишь Десница васъ Святая:
Вашъ кропкій АЛЕКСАНДРЪ воскресъ Сво-
ей душой

Въ величїи геройскомъ НИКОЛАЯ.
Преспанемъ слезы лишь и поспѣшимъ во
храмъ

Царю царей принесъ благодаренье
И воскуришь предъ Нимъ сердечный ей-
міамъ,

Да низпошлешь Царю благословенье!

12. *На конгину ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО. Стихотвореніе Михаила Дмитриева. М. Въ шип. Театральной, въ 8 ку, 11 стран.*

Привосходное стихотвореніе какъ по мыслямъ и чувствованіямъ, такъ и по самой версификаціи.

13. *Слово, по случаю пренесенія трезв Москву тѣла въ Бозѣ потившаго*

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА
ПАВЛОВИЧА *всѣя Россіи, говоренное*
въ Каѳедральноиъ Архангельскоиъ
Соборѣ Синодальнымъ Членомъ Фила-
репомъ, Архіепископомъ Московскимъ,
Февраля 4 дня 1825 года, М., въ Синод.
тип. въ 8 ку, 19 стран.

Одно изъ лучшихъ поученій глубоко-
мысленнаго и краснорѣчиваго нашего Про-
повѣдника,

На сихъ дняхъ выдесть *новое, исправ-*
ленное, пополненное и великолѣпное изданіе
Басень славнаго и любимаго нашего фабу-
листа *Ивана Андреевича Крылова*. Басни
сіи (числомъ всего 165) раздѣлены на семь
частей, или *книгъ*; въ послѣдней помѣще-
но 26 новыхъ Басень. Многія изъ прежнихъ
исправлены Сочинишелемъ, а нѣкопорыя
совсемъ вновь передѣланы и весьма удач-
но. Эша превосходная классическая книга,
служащая равно для удовольствія и для
пользы, *собраніе прелестныхъ цвѣтовъ Поэ-*
зи и важнѣйшихъ въ обществѣ истинъ, на-
печатана на лучшей любской и веленовой
бумагѣ чешкими, красивыми буквами и
украшена весьма сходнымъ поршпреномъ
Сочинишеля (списаннымъ П. А. Оленинымъ
и выгравированнымъ Г. Фридрицомъ) за-

главную вишьешую и семью каршинками (рисованными и гравированными подъ надзоромъ почтеннѣйшаго любителя и покровителя изящныхъ искусствъ А. Н. Оленина опличнѣйшими Русскими Художниками) къ нижеслѣдующимъ Баснямъ: 1. Конь и Всадникъ; 2. Собачья дружба; 3. Фортуна и Нищій; 4. Осель и Мужикъ; 5. Напраслина; 6. Сочинитель и Разбойникъ *) и 7. Василекъ. Цѣна, взявъ въ уваженіе нынѣшнюю дороговизну бумаги, печатанія, особливо гравюрокъ, не только самая умѣренная, но можно сказать весьма дешевая: на лучшей любской бумагѣ съ превосходнымъ поршрешомъ Г. Крылова 12 р., а на веленовой, съ поршрешомъ же, 7ю гравированными каршинками и заглавною вишьешою 20 р. Для любителей богатыхъ изданій оппечатано особо небольшое число экземпляровъ въ большомъ форматѣ. Цѣна таковому экземпляру, съ поршрешомъ и каршинками первыхъ описковъ 30 р. въ цвѣтной обершкѣ. На пересылку прилагается по 2 р. за каждый экземпляръ. Продаваться будутъ у И. В. Сленина.

Вскорѣ выдесть также и Алманахъ: *Сѣверные Цвѣты*, изд. Барономъ Дельвигомъ.

---

*) Сп-ранно смотрѣшь, какъ жарился въ кошлѣ Сочинитель-развращитель!

Разборчивость Издашеля и имена извѣснѣйшихъ лимператоровъ, доставившихъ ему свои сочиненія какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ, ручающіяся за достоинство сего алманаха. *Сѣверные Цвѣты* украшены будучь шестью каршинками превосходной гравировки и спанушь продаваться въ красивомъ футлярѣ изъ цвѣтной бумаги у И. В. Сленина. Цѣна 12 р. Во Французской же папкѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и лучшими описками 15 р. За пересылку прилагается 1 р.

Благотворенія.

Передъ новымъ годомъ прислано къ Издашелю *Благонамѣреннаго* опть неизвѣстныхъ благотворителей для раздачи бѣднымъ:

Изъ Казани	50 р.
— Ворожежа	100 —
9 Января 1826	15 —
3 Февраля	50 —
	195 р.

Изъ нихъ роздано:

Вдовамъ :

Гринблатъ . . . . . 15 р.

Давыдовой	15 р.
Дешлевсень	10 —
Паршовой	10 —
Крас	10 —
Шершенковой	10 —
Афанасьевой	5 —
Скорняковой	5 —
Булавкиной	5 —
Пол.	5 —
Брандпъ	5 —
Максимовой	5 —
Марг.	5 —
Михайловой	5 —
Тремъ пожилымъ и хворымъ дѣви- цамъ Михайловымъ	45 —
Тремъ сиротамъ дѣвицамъ Г.	20 —
Увѣчной дѣвицѣ Исаковой	10 —
Увѣчной же дѣвицѣ N. съ преспаръ- лою матерью	10 —
	195 р.

Сверхъ того Издапель *Благонаимѣреннаго* получилъ 24 ч. Января отъ одной *добррой дамы* для доставленія малолѣпнымъ дѣшамъ бѣднѣйшей вдовы Шершенковой нѣсколько плашья и бѣлья, которое въ шопъ же самый день къ ней опослано и принято съ душевною благодарностію.

Извѣстіе о бѣдномъ сѣмействѣ.

Письмо къ Издателю.

Въ сосѣдствѣ вашемъ, на Пескахъ, Рожественской части, 1 го квартала, въ сѣзжинской улицѣ, въ домѣ Биспровой, живеть несчастная вдова Типулярная Совѣшница *Аксинья Трофиловна Васильева* съ двумя малолѣтними дѣтьми. Она такъ бѣдна, что не въ состояніи даже плащить за квартиру и нерѣдко принуждена бываетъ переносить холодъ и голодъ со своими малюпками. Примите на себя трудъ, М. Г., извѣстить о бѣдственномъ ея положеніи читателей вашего журнала: безъ сомнѣнія найдутся между ними и такіе, которые за удовольствіе пославаять для себя облегчить по мѣрѣ возможности ужасный жребій этой честной и несчастной матери сѣмейства.

15 Марта 1826.

Читатель Благонамѣреннаго.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1826. — N° VI.

ПРИСТРАСТНАЯ ЛЮБОВЬ.

Повѣсть Г. Булви.

(Окончаніе.)

Карль и Юлій окончили съ похвалою полный курсъ ученія въ Лицеѣ. Тамъ нечувствительно образовался мужественный ихъ характеръ. Въ обществѣ своихъ сопосарищей приучились они быть чистосердечными и уважать одни только наспоаящія достоинства. По выпускѣ изъ Лицея возвратились они къ матери, что бы провести у нея каникулы и посоветоваться какъ съ нею, такъ и съ опекуномъ, о родѣ службы, который хотѣли для себя избрать. Карль намѣренъ былъ вступить въ почтенное сословіе Парижскихъ Адвокатовъ, а Юлій на мѣсто отца въ Канцелярію Государственного Совѣта. Нельзя было не исполнить ихъ желанія; но такъ какъ Гжа Моншкаръ

жила въ Анпенской улицѣ, а имь, для слушанія юридическихъ лекцій, въ пакъ называемой *Латинской области* *), должно было всякой день дѣлать весьма большіе и запруднительные переходы, по она и рѣшилась помѣстить ихъ на хлѣбы у одной бѣдной знакомой ей вдовы, живущей въ той частіи города. — Послѣ семилѣтняго пребыванія въ Лицеѣ надѣялись они раздѣлиться съ Эдуардомъ удовольствіемъ семейственной жизни; но вмѣсто нѣжнаго брата нашли въ немъ гордаго любимца матери, который почиталъ себя за господина въ домѣ. Сначала показалось имъ это только смѣшнымъ: они спали издѣваясь надъ женскимъ его спаномъ, манерами и высокомернымъ обхожденіемъ. Уязвленный насмѣшками ихъ Эдуардъ началъ и самъ смѣяться надъ кривыми ихъ ногами, надъ неловкимъ обращеніемъ, однимъ словомъ, надъ тою грубою прослю-

---

*) Такъ называется въ Парижѣ та часть города, гдѣ находится Училище правъ, Университеты, Коллеги и проч. См. въ *Антенско-иъ Пустынникѣ* любопытную статью: *Латинская Область*. Ч. II, стр. 53.

шою, копорая свойспвенна молодымъ лю-
дямъ, вышедшимъ полько изъ училища. Но
какъ онъ не имѣлъ ни ума, ни просвѣще-
нїи Карла и Юлія, шо и оспался въ прои-
грышѣ въ первой же борбѣ съ ними. Эшо
пронуло его самолюбїе; послѣдовали съ
обѣихъ споронъ колкоспи, оскорбленїя,
угрозы—и пагубный раздоръ возникъ меж-
ду двумя старшими брашьями и младшимъ.

Если бы Гжа Монпкаръ вздумала вы-
говаривашь Карлу и Юлію, шо могла бы
навлечь непрїяпности и любимому сво-
ему сыну; а пошому она старалась поль-
ко о шомъ, какъ бы удалишь ихъ ошъ се-
бя. Между шемъ наспушило время препо-
даванїя юридическихъ лекцій. Оба стар-
шіе брапа опличились сполько же въ
Училищѣ Правъ, какъ и въ Лицеѣ. Въ про-
долженїи шрехъ лѣшъ, каждое воскресенье
проводили они у машери, гдѣ нечувспви-
пельно привыкли къ свѣтскому обраще-
нїю и привлекапельнымъ поспупкамъ, не
модныхъ однако же верпопраховъ, какимъ
быль Эдуардъ, но благовоспишанныхъ мо-
лодыхъ людей, дѣлающихъ чеспъ своимъ
сѣмейспвамъ и соспавляющихъ надежду
ошечесшва. Легко замѣшили они преиму-

щесства, копорыми пользовался младшій брашь ихъ, и предоспорожності, упошребляемая имъ для шого, что бы скривашь ошь нихъ весьма многое. Расходы его показывали очень ясно, что къ содержанію, получаемому имъ наравнѣ съ ними, дѣлались шайно весьма значительныя прибавки. У него было много учипелей живописи, музыки и фехпованія, шогда какъ старшіе брашья насилу могли упросить машь, что бы плашили за ихъ обученіе въ фехповальномъ залѣ. За споломъ угощаль госпей одинъ шолько Эдуардъ съ маперью, прошиву копорой обыкновенно садился онъ, какъ начальникъ сѣмейства, а Карль и Юлій были въ родипельскомъ домѣ совершенно какъ поспороніе. Не смѣя держашь собшвеннаго кабриолеша, Эдуардъ часшо нанималъ его, и не разъ случалось, что онъ забрызгивалъ грязью брашьевъ своихъ, копорые ходили всегда пѣшкомъ пошому, что не имѣли лишнихъ денегъ на фіакръ. Однимъ словомъ, все что шолько можешь показашь предпочпеніе, было замѣчено Карломъ и Юліемъ и пересказано Опекуну. Досшойный другъ покойнаго ихъ опца, почель обязанноспію поговорить объ

эпомъ съ Гжею Моншкаръ; но въ справедливыхъ жалобахъ спаршихъ ея сыновей видѣла она одну только зависпъ и клевету и ни зачшо не хопѣла пожертвовашь для нихъ своимъ приспраспиемъ. По несчастію, не могла она при семъ случаѣ воздержашься опъ язвительныхъ упрековъ, и эшо неблагоразуміе еще болѣе увеличило несогласіе между спаршими брашьями и Эдуардомъ. Съ эшого времени Карль и Юлій всячески спарались оскорбляшъ его и дурачипъ. Они называли егѠ любимымъ сынкомъ, маленькимъ Маркизомъ; а вскорѣ замѣшя холодностъ къ себѣ мащери, начали оказывашъ ей только то почтеніе, копорое налагали на нихъ обязанностъ и приличіе, и рѣже, прежняго спали приходипъ къ ней. Эшого-шо и желаль Эдуардъ. Онъ началъ жипъ совершенно по своей волѣ, сдѣлаль дурныя связи и спаль входипъ въ долги, копорые Гжа Моншкаръ принуждена была уплачивашъ.

Между шемъ Карль и Юлій съ успѣхомъ окончили изученіе Правъ. Первый заняль въ Парижѣ шпашное мѣсто Адвокаша, а другой приняшъ былъ сверхъ комплекша въ Канцелярію Государспвеннаго

Совѣща. Они достигли того возраста, копорый законъ признаеть совершеннолѣтнимъ, по естъ, Карлу исполнилось 21 годъ, а Юлію 20 лѣтъ. Всѣ имѣніе, копоримъ пользовалась ихъ мать, было опцовское; слѣдспвенно имъ принадлежало, и хопя были нѣкопорые неровныя доли, дѣлаемая ею изъ дохода, проспиравшагося до двадцати тысячъ франковъ; но они не хопѣли пребовать опъ нея опчеша до нѣхъ поръ, пока младшій братъ не придетъ въ совершеннолѣтіе. Карль и Юлій довольспвовались назначеннымъ прежде каждому изъ нихъ содержаніемъ по 1500 франковъ въ годъ. Находя въ прудахъ своихъ и познаніяхъ досташочныя средства для удовлетворенія своимъ нуждамъ, они почли обязанностію сдѣлать Гжѣ Моншкаръ это доказательство сыновняго къ ней почпенія. Будучи пронупа такимъ благороднымъ поступкомъ, опчаспи возвратила она имъ любовь свою и просила ихъ, что бы навѣщали ее чаще. Она желала сблизить ихъ съ Эдуардомъ и воспановить между ими по дружеское согласіе, копорое соспавляетъ первѣйшее счастье маперисѣмейства; но приспраспная ея любовь,

навсегда разрушила это брашское соглашение. Карль и Юлій изъ одной шолько благоприспойности и уваженія къ мапери прекрапили свои насмѣшки надъ Эдуардомъ; они припворились даже, будпо не знающъ о его моповспвѣ и не имѣющъ никакихъ опасеній на счетъ общаго ихъ наслѣдства; наспоющій брашскій союзъ сущесшовалъ шолько между двумя ими: взаимная ихъ любовь и довѣренность равнялись опвращенію ихъ къ Эдуарду. Это чрезвычайно сокрушало Гжу Моншкаръ; но шайный голось говориль ей, что она сама виною шакого раздора и не позволяль ей жаловаться на Карла и Юлія.

Опличное уваженіе, болѣе и болѣе приобрѣшаемое ими въ свѣшѣ, шогда какъ Эдуардъ, нѣжный предметъ слѣпаго приспрасшя, не имѣль у себя, кромѣ мапери, никакой подпоры, повидимому совершенно опдѣлило ихъ опъ меньшаго брата. Эдуардъ, наскуча живописью, заняль музыкою и попомъ, переходя опъ одного упражненія къ другому безъ цѣли, безъ разбора, сдѣлался однимъ изъ пѣхъ высокоомѣрныхъ празднолюбцевъ, копорые думая избѣжашъ преслѣдующей ихъ скуки, хватающся на-

удачу за первое предспавившееся имъ развлеченіе, не размышляя, вредно ли оно для ихъ спокойсвія и здоровья и не опасно ли для добраго имени. Онъ умѣлъ только играть въ шары, ѣздить верхомъ, копировать ландшафты и бренчать на арфѣ новые романсы. Съ братьями встрѣчался, и по изрѣдка, у Гжи Моншкаръ, которая отдавая должную справедливостъ качествамъ и достоинствамъ старшихъ сыновей, но увлекаемая непонятнымъ приспращіемъ, находила въ предметѣ своей нѣжности милаго соповарища одинокой своей жизни, усерднаго исполнителя своей воли. Нуждаясь всегда въ машеринскомъ коелькѣ, Эдуардъ съ особенною приащностію развязывалъ его; вкрадчивостъ, ласкашельство, тонкая хитростъ, все было употребляемо имъ для сохраненія власпи надъ Гжею Моншкаръ, обольщенной до такой степени, что для удовольворенія безразсуднымъ издержкамъ любимаго сына, не щадила она ничего. Карль и Юлій никогда не дѣлали ей ни малѣйшихъ за то упрековъ, зная, что она не можетъ прикоснуться до ихъ капишала, и великодушно предспавили ей право

пользовались съ онаго всеѣми проценшами. Они опказались даже опъ назначеннаго имъ содержанія го 1500 франковъ. Такое примѣрное безкорыстное и величье души предшествовали гораздо прогашельнѣйшему доказательству благородныхъ чувствованій, копорыми были они одушевлены. Эдуардъ, завлеченный въ игорный домъ, проигралъ шамъ на честное слово 10.000 франковъ и обязался заплашишь непременно эту сумму чрезъ три дни. Тщепно умоляль онъ мнимыхъ друзей своихъ о пособіи. Мрачное безпокойство, изображавшееся на его лицѣ, не скрылось опъ Гжи Моникарь. Она спросила его о причинѣ, и онъ во всемъ ей признался. Слабая мать не нашла другаго средства вывести сына своего изъ столь запруднительнаго положенія, какъ продать ларчикъ съ брилліяншами, цѣною почти на 12000 франковъ. Она обратилась къ одному Ювелиру, съ копорымъ старшій сынъ ея, Адвокашъ, былъ очень хорошо знакомъ. Ювелирь почель долгомъ увѣдомить Карла о столь спраннымъ намѣреніи его матери. Карль легко догадался, что моповство Эдуарда было причиною шакого по-

жершвованія . Переговоривъ съ Юліемъ, вручили они Ювелиру 12000 фр., копорья и опдалъ онъ Гжѣ Моншкаръ, какъ условленную цѣну за брилліаншы . Между пемъ насшупилъ день ея именинъ, и Гжа Моншкаръ, къ копорой обыкновенно собиралось въ эпо время множеспво госшей, нѣшла за споломъ, подъ салфешкою своего прибора, шопъ самый ларчикъ, копорый продала она съ шакимъ сожалѣніемъ, при слѣдующей запискѣ: *батюшка нашъ былъ сшасшлливъ, когда предложилъ вамъ этотъ лартикъ; а мы еще сшасшлливѣе, то имѣемъ возможность возвратить вамъ его.* Гжа Моншкаръ невольно вскрикнула опъ радости и удивленія . Госши полюбопыншспвовали узнать причину, и Гжа Моншкаръ рассказала имъ, какой пріяпный сшорпризъ сдѣлали ей сшаршіе ея сыновья, умолчавъ однако же, для чего и для кого рѣшилась она пожершвованъ своими брилліаншми . Попомъ, въ первый еще разъ по кончинѣ своего супруга, съ восшоргомъ прижала она къ своему сердцу Карла и Юлія, копорые раздѣляли съ нею душевное ея наслажденіе . Только въ эпо минушу узналъ Эдуардъ всю цѣну сдѣланнаго

для него пожертвованія. Онъ пришелъ въ величайшее смущеніе; машь замѣшила эпо и подумала, что видипъ въ виновномъ сынѣ искреннее раскаяніе, что онъ желаетъ подражать доспойнымъ своимъ братьямъ и сдѣлаетъ наконецъ ее самую счастливѣйшею маперью.

И дѣйствительно, нѣсколько времени казалось, что Эдуардъ пропивипся гибельнымъ своимъ склонносіямъ. Онъ не держалъ уже верховой лошади, возвращался по вечерамъ гораздо ранѣе прежняго, менѣе занимался вершопрашесствомъ, почти всякій день завпракалъ съ маперью; наконецъ въ печеніи двухъ мѣсяцевъ только однажды заглянулъ въ ея кошелекъ и взялъ опшуда не болѣе 500 франковъ для уплаты поршному. — “Счастливая перемѣна! говорила сама себѣ Гжа Моншкаръ. Какъ довольна я собою, что не оскорбила пылкаго его характера, не опечалила высокомѣрнаго его сердца, которое гораздо чувствительнѣе, нежели какъ о немъ думаюпъ! Эдуардъ не иное что, какъ любезный вершопрашь, который если и дѣлалъ когда зло, то вѣрно безъ намѣренія и пропивъ своей воли.,, Наконецъ исправленіе

его приписывала она прогашельному уроку, полученному имъ въ день ея именинь опъ благородныхъ его брашьевъ.

Однажды упромъ, когда Гжа Моншкаръ сидѣла одна въ комнапѣ, а Эдуардъ, прошиву своего обыкновенія, не присушспвоваль при завпракѣ, вошель къ ней Опекунь ея д шей. Не одинъ разъ говорилъ онъ ей о пагубной ея слабоспи, шакъ какъ и любимому сынку ея на счепь его поведенія и моповспва; но ни сынокъ, ни машупка не хо ѣли слушашь благоразумныхъ его увѣщаній: снисходисельный языкъ опекуна всегда почпи принимаешся за скучное поученіе спрогого порицащеля. Важный и таинспвенный видъ, съ копорымъ явился онъ къ Гжѣ Моншкаръ, испугаль ее. Она приняла доспойнаго повѣреннаго покойнаго своего супруга съ шемъ уваженіемъ, копорымъ была ему обязана, и съ пою однако недовѣрчивоспію, копорая происходишь всегда опъ слѣпаго предубѣжденія. Опекунь, безъ всякой околичноспи, сказалъ ей, что она должна опдашь опчепь дѣшямъ своимъ въ имѣніи ихъ опца.—“Я думала, опвѣчала она, смушившись, что Карль и Юлій подождуть

до совершеннolъпія ихъ брата, и тогда предспавила бы я за все время полный опчепь., — Но сегодня Эдуарду исполнилось ровно 20 лѣшь. — “Какъ! Да, точно, нынчѣ 15 Сентября *)...кажешся, счишаюшь даже минушы...никакъ не могла я подумать, что бы спаршіе мои дѣши., — Не опъ нихъ, сударыня, прищель я къ вамъ съ эшимъ порученіемъ; но по просьбѣ самаго Эдуарда. — “Что вы говорише!., — Испину, сударыня. Знаю, что она очень для васъ непришна: жестпокій урокъ, копорый вы получише, долженъ ужаснушь всѣхъ маперей, увлекающихся гибельнымъ предпочпеніемъ къ одному изъ дѣшей своихъ. Ипакъ знайше, сударыня, что вашъ Эдуардъ полько и ждалъ шого времени, когда можешъ получишь законную свою часшь. Завлеченный въ пусшыя предпріяшя, окруженный пронырливыми людьми, копорые льспили его щеславію, возбуждали чеспольбіе, Эдуардъ жаждалъ скорѣе захватишь въ свои руки опцовское

---

*) Такая нѣжная мать забыла о днѣ рожденія любимаго своего сына! *Прим. Изд.*

наслѣдство; и какъ онъ не осмѣлился бы, въ вашемъ присутствіи, потребовать возвращенія процентовъ, которыми излишняя ваша щедрость позволяла ему пользоваться: но объявилъ мнѣ, что поручилъ одному человѣку разсѣсться съ вами и свѣршить доходы со своего имѣнія; съ росписками, которыя вы опъ него имѣете. — “Съ росписками! вскричала Гжа Монпкаръ съ изумленіемъ и негодованіемъ: никакой росписки никогда не получала я опъ него и не думала получать ... я продала для него свои брилліанты, отдавала бы ему жизнь свою ... и за такую любовь, за все, что я дѣлала для него и терпѣла, заплашишь такую ужаснѣйшую неблагодарностью!”, Языкъ ея оледенѣлъ, блѣдность покрыла ея лице, и она упала въ кресла, какъ бы лишенная употребленія всѣхъ чувствъ. Блуждающіе ея взоры, казалось, искали неблагодарнаго, но все еще любимаго ея сына; наконецъ дрожащія, блѣдныя уста ея произнесли слѣдующія слова: “Эдуардъ ... жестокій сынъ! ... можешь ли ты терзать такъ жестоко грудь, которая себя питала?”, Потомъ, вскочивъ съ кресель, воскликнула: “я хочу видѣть его, хо-

чу, что бы у ногъ моихъ опрелся онъ
 опъ всѣхъ своихъ проспулковъ: онъ не
 осмѣлился перенести моего взгляда...—
 Онъ предвидѣлъ это, сударыня, и сегодня
 же упрямъ уѣхалъ въ Бордо съ прелест-
 ною Сиреною, копорюю давно уже плѣнил-
 ся въ одномъ игорномъ домѣ и копорая
 овладѣла совершенно эшимъ испорченнымъ
 сердцемъ, эшою слабою головою, что бы
 захватишь въ свои руки его имѣніе, подъ
 пуснымъ предлогомъ испышашъ въ дру-
 гомъ мѣстѣ благосклонность Форшуну.

Лишь только суровый опекунь кон-
 чилъ слова сіи, вошли Карль и Юлій. Зло-
 получная мать бросилась къ нимъ въ
 объятія. Она не могла говорить; но блѣд-
 ность ея и рыданія показывали, какъ
 много спрадала она. Добрые сыновья у-
 спокоеили наконецъ чрезвычайное душев-
 ное ея волненіе; она пришла въ себя и
 когда открыла глаза, то увидѣла Карла и
 Юлія у ногъ своихъ: они осыпали поцѣлу-
 ями ея руки и повпоряли прогашельнымъ
 голосомъ: *если вы, матушка, лишились
 одного сына, то у васъ осталось еще
 двое...*—“Дѣши мои!...милыя дѣши! сказала
 Гжа Моншкаръ, проливая слезы... я была

очень несправедлива пропивъ васъ, виновна передъ вами...и вопль какъ мспитте вы мнѣ за это!.,—Она прижала ихъ къ пре-пешущей груди своей; Карль и Юлій почувспвовали въ это время, что нѣжная маперинская любовь навсегда къ нимъ возврашилась.

На другой день занялись они, вмѣстѣ съ повѣреннымъ опсупс. ввужаго Эдуарда. Имѣніе ихъ соспояло изъ 480.000 франковъ; слѣдспвенно на каждого брапа приходилось по 160.000 франковъ. Карль и Юлій не знали, какое упопробленіе мапъ ихъ дѣлала изъ проценповъ съ общаго ихъ капишала: имъ извѣспно было только то, что она, получая на свою часпъ не болѣе 3000 франковъ, не могла возврашпть проценповъ, и поспому согласились доплашпть опъ себя Эдуарду недостающее число денегъ къ его законной часпи, копорая проспиралась до 200.000 франковъ и опправили ихъ къ нему въ Бордо. Вскорѣ послѣ того Карль и Юлій выгодно женились. Опшашки наслѣдспвеннаго имѣнія, доходы по службѣ и богатое приданое, взяпое за женами, позволили имъ обезпечпть совершенно учаспъ несчастной

ихъ мащери; но она не хотѣла принятъ опъ нихъ ничего, кромѣ дохода, назначеннаго ей покойнымъ ея мужемъ, хотпя и не имѣла уже болѣе своей собственности. Гжа Моншкаръ не могла забыть, что лишила спаршихъ своихъ сыновеи для младшаго значительной части опцовскаго имѣнiя и спаралась всемѣрно загладитъ вину свою предъ ними. Впрочемъ, живучи по у Карла, по у Юлія, не имѣла она ни въ чемъ нужды.

Душа ея начинала успокоиваться опъ сильнаго пощрашенiя. Неблагодарность Эдуарда, конечно, оставила въ ней впечатлѣнiе неизгладимое; но оно смягчалось Юліемъ и Карломъ, которые не пропускали ни одного случая доказывать ей любовь свою. Однажды получаетъ она письмо; взглянула на адресъ и запрепечала: письмо это было изъ Бордо опъ несчастнаго ея сына. Обманушый Сиреною, заманившео его въ гибельныя свои сѣпи, разоренный, лишенный всего, безъ прибѣжища, въ самой послѣдней крайности, Эдуардъ у ногъ своей мащери, съ униженнымъ челомъ, молилъ, не о прощении непрощительныхъ своихъ прощупковъ, но

о состраданіи, въ кошоромъ нельзя опказашь несчастному, о кускѣ хлѣба, кошорымъ надѣляюшъ нищаго... Эшо письмо раскрыло едва изцѣлившуюся рану Гжи Моншкаръ. Сначала хопѣла она скрышь все эшо опъ спаршихъ сыновей, и немедленно опправила къ Эдуарду самое шолько необходимое. Но шакое вспоможеніе соразмѣрно было слабымъ ея средствамъ, а не бѣдспвенному положенію, въ какомъ находился Эдуардъ; просипъ же Карла и Юлія о пособіи шому, кошорый надѣлалъ имъ сполько непріяшностей и лишилъ ихъ часпи законнаго ихъ наслѣдспва, почипала она величайшею несправедливостію. Ларчика съ брилліяншами у нея уже не было; она думала, чшо не можетъ сдѣлать лучшаго изъ нихъ употребленія, какъ подарипъ ихъ женамъ сыновей своихъ, кошорыя оправдали ихъ выборъ. Ишакъ продала она послѣднія свои драгоцѣнныя вещи, чшо бы доспавипъ Эдуарду случай получипъ въ Бордо мѣсно, кошорое бы могло обезпечипъ его существованіе; но Эдуардъ едва умѣлъ писашь, не имѣлъ ни малѣйшихъ свѣденій, никакого понятія о коммерціи и законахъ; огра-

ниченныя его познанія въ Живописи и Музыкѣ не могли бытъ для него вѣрнымъ и доспапочнымъ пособіемъ. Какъ много спрадалъ онъ, и какою жесткою гореспію поразилъ машеринское сердце! Необходимосіть въ соспраданіи Карла и Юлія, была для нея всего прискорбиѣе; однако же она должна была рѣшишься и на это. Карль и Юлій охотно согласились помочь недоспойному своему брапу и опредѣлили на его содержаніе шакую сумму, копорая доспапочна была для того, что бы не унизишь фамилію Моншарковъ; но съ условіемъ—никогда не показываешь къ нимъ и къ машеру на глаза. Сколь ни жесткою казалось шакое условіе, но оно было справедливымъ дѣйспвіемъ того несогласія, копорое Гжа Моншкаръ поселила между сыновьями. Эдуардъ долженъ былъ согласиться на все. Доведенный до шакой крайности и униженный великодушнымъ соспраданіемъ брашьевъ, копорымъ нанесъ сполько огорченій, долго жилъ онъ въ удаленіи отъ своего сѣмейства. Тягоспная скука, напоминая ему худо проведенную молодоспъ, дѣлалась съ каждымъ днемъ для

него неспоснѣе. Наконецъ ему удалось испросить позволеніе приѣхать въ Парижъ. (Сполько-понеиспощимо маперинское добродушіе!)—Юлій выхлопоталъ для него неважное мѣсто, съ 1500 франковъ жалованья, гдѣ и провелъ онъ всю свою жизнь. Сравнивая горестный свой жребій съ судьбою брашневъ счастливыхъ и пользующихся опличнымъ уваженіемъ, Эдуардъ перзался; онъ прожилъ весь вѣкъ холостымъ, вовсе не имѣя друзей и былъ въ свѣпѣ по же самое, чпо въ лучшіе весенніе дни дерево въ лѣсу, безъ вѣпьевей и зелени. Всякій разъ, какъ Гжа Моншкаръ, кошорой въ лучшихъ ея лѣпахъ нарушала онъ спокойствіе, а старость удручила горестями, оспанавливала на немъ взоры свой, нѣкогда споль радостные и нѣжные—всякій разъ взоры сіи, казалось, говорили ему: “вопъ до чего довела насъ обоихъ слѣпая моя любовь и виновное приспращіе!,,

X.

УРОКЪ ЗАМУЖНИМЪ КОКЕТКАМЪ.

Повѣсть Адр. Саразеня.

Молодая Амалія Освиль, щедро награжденная дарами природы и счастія, въ дѣтствѣ еще была избалована своими родителями, а модными ласкашелями съ самаго того времени, какъ вспушила въ большой свѣтъ.—(Хвалы, рано намъ разпочаемыя, дѣлають насъ легкомысленными, щеславіе занимаетъ погда нашу голову и не оставяетъ въ ней мѣста разсудку. Однакожь, надобно признаься, что шестнадцать лѣтъ, прекрасная фигура, милое личико и другія любезныя качества, скрывають иногда небольшіе наши недоспапки. Суешность въ молодой особѣ любезной, есть не что иное, какъ невольная дань, копорой она себѣ пребуешь; и мы забываемъ, что скромность гораздо болѣе бы намъ понравилась. — Клерваль, влюбленный въ Амалію, спарался ей понравиться, и что бы успѣшь въ своемъ намѣреніи, употребилъ самое легкое и надежное средство—*лесть* *)! Онъ

---

*) Небольшая же ей честь! *Изд.*

имѣль оспрыи умь, пыльное воображеніе и способносшь, копя ничпожнующ, но весьма приапнующ, сочиняпшь скоро въ компаніяхъ замысловатые спишки, копорыхъ все доспоинспво соспоипшь въ неожиданности, копорые, подобно искрамъ, блестяпшь и умирающъ при самомъ своемъ появленіи, но иногда производяпшь поспоянное впечатлѣніе въ сердць женщины, умѣвшеи внушипшь ихъ. Клерваль и Амалія были уже два года соединены, и одно дитя ушвердило сей счаспливый повидиму союзъ. Между шемъ, Клерваль нечувспвишпельно перемѣнилъ свои поспупки и разговоры съ Амалією. Онъ все еще любилъ жену свою съ одинакою нѣжноспію, но не сочинялъ болѣе для нея спиховъ, и спараясь всемѣрно сдѣлапшь ее счаспливою, не распочалъ ей болѣе прежнихъ похвалъ. Языкъ его съ нею, былъ языкъ чиспосердечія и искренности, но не вершопрашеспва. Онъ думалъ, что сѣмейспвенное счаспіе совсемъ иначе изясняешся, нежели пылкая спраспшь; что модная лестъ очень можешъ быть приапна въ большомъ свѣшѣ, но оскорбительна и несносна для жены, съ копорою

должно проводить всю свою жизнь. До брака, хопѣль онъ казашься любезнѣйшимъ изъ любовниковъ; женившись же, думаль о томъ, какъ бы сдѣлалъсь лучшимъ изъ мужей. Но въ осмнадцать лѣтъ женщина не можешь любить насъ за одни только наши хорошія качества. Въ эти лѣта умъ не имѣеть еще настоящей основательности. Гжа Клерваль сильно была пронуша такою переменною своего мужа: во всемъ блескѣ красоты, окруженная обожателями, начала она искашь въ большомъ свѣтѣ пѣхъ похвалъ, копорыхъ не получала уже болѣе у себя дома. Скоро узнали всѣ о ея тщеславіи, и похвалы, мадригалы снова посыпались на нее. Клерваль замѣнилъ, что она безъ всякой умеренности пользовалась въ обществѣ своимъ пріумфомъ и что нескромное желаніе нравиться всѣмъ можешь очень повредить какъ ея счастью, такъ и доброму имени.—“Ты была вчера очень весела у Графини Бельмоншь, сказалъ онъ ей однажды: и я съ горестію примѣчаю, моя милая, что тебѣ несравненно приятнѣе быть въ большомъ свѣтѣ, чемъ у себя дома., — Ваше

замѣчаніе справедливо, отвѣчала Гжа Клерваль съ досадою: въ свѣтѣ оказываюпъ мнѣ должное уваженіе, а дома считаюпъ меня за ничшо.—“Ты худо понимаешь это, другъ мой! Въ свѣтѣ хваляпъ себя какъ прекрасную и любезную женщину—положимъ, что это хорошо — но дома обходяпъ съ побою какъ съ разсудительною женщиною, съ доброю маперью, съ нѣжнымъ другомъ, а это, кажется, гораздо лучше перваго. Въ свѣтѣ, самолюбіе приводипъ въ дѣйствіе всѣ пружины быстраго и суешнаго ума, что бы вскружипъ тебѣ голову; дома же, сердце говорипъ тебѣ со всею искренностію. Въ свѣтѣ, спараюпъя обольстипъ себя, а дома ты...,—Этотъ разговоръ былъ прерванъ приѣздомъ многихъ госпней. Скоро толпа молодыхъ любезниковъ окружила Гжу Клерваль; похвалы ей полетѣли изъ устъ и взоровъ всѣхъ присутствующихъ. Быстрый разговоръ, хопя и пустой самъ по себѣ, доставляетъ каждому случай показатъ свой умъ и любезность. Всякое слово, сказанное Гжею Клерваль, повсюрьлось всѣми съ прибавленіемъ: *какъ удивна! Какая тонкость! Какія прелести!*—

Эпи припорныя похвалы казались ей шемъ прияшнѣе, что она думала, будто дѣясп-
 вительно заслуживала ихъ. Среди шолпы
 эпихъ поклонниковъ Гжи Клерваль; опли-
 чался болѣе всѣхъ Флорвиль: онъ былъ неду-
 рень собою, очень ловокъ и одѣвался со вку-
 сомъ. Правда, что при всѣхъ эпихъ наруж-
 ныхъ преимуществахъ былъ онъ чрезвычай-
 но разсѣянъ, въ обращеніи и, при всемъ сво-
 емъ остроуміи, не имѣлъ вовсе разсудка.
 Но если бы соединялъ онъ въ себѣ оба эти
 качества, то не имѣлъ бы, можетъ быть,
 такого успѣха въ большомъ свѣтѣ, гдѣ
 нерѣдко наружная любезность и модное
 дурачество предпочитаются насмоящимъ
 и существеннымъ достоинствамъ. Флор-
 виль рѣшился обольстить щеславную
 Гжу Клерваль и думалъ, что сдѣлалъ уже
 нѣкоторыя успѣхи въ ея сердцѣ. Онъ и
 не со всемъ обманывался: хотя Гжа Клер-
 валь имѣла совершенное познаніе о супру-
 жеской любви и ея обязанностяхъ; но на-
 спало время, въ которое посторонняя
 помощь необходима была для ея разсудка.

Однажды Клерваль входилъ въ комна-
 ту своей жены: ее не было дома, и она
 оставила ненарочно у себя на столикѣ

письмо, которое начала писать къ одной искренней своей приятельницѣ. Клерваль увидѣлъ это письмо и прочелъ въ немъ слѣдующее: “я не такъ счастлива, моя милая, какъ ты воображаешь. Правда, что мужъ мой все еще оспается лучшимъ изъ мужей; я не сомнѣваюсь въ его нѣжности, но онъ теперь совсемъ не то, что былъ до женишбы! Зачемъ прошло это счастливое время, въ которое только и думалъ онъ, какъ бы мнѣ угодишь и понравиться? Тогда говорилъ онъ мнѣ одинъ только нѣжности и ласка вельсхва. Тяжебныя дѣла его въ такомъ же точномъ положеніи, какъ и прежде; но разговоръ и обращеніе со мною совершенно перемѣнились: онъ ко мнѣ теперь очень равнодушенъ, даже холоденъ! Повѣришь ли? иногда осмѣливается давать мнѣ совѣты, мнѣ, которая была для него за два года оракуломъ! Еслибъ до свадьбы не спарался онъ угождать мнѣ и нравиться: то, безъ сомнѣнія, и я не любила бы его, а теперь и на умъ ему не приходитъ сказать мнѣ что нибудь приятное, похвалить меня искуснымъ образомъ. Къ счастью около меня увивается шолпа любезныхъ моло-

дыхъ людей, и я нахожу въ нихъ по вниманіе и пѣ угожденія, копорыхъ мужъ мой не оказываешъ мнѣ болѣе. Между ими ешъ одинъ... Ахъ! моя милая! если бы ты увидѣла его, то, бьюсь объ закладъ, вѣрно бы полюбила... Она называется Флорвилемъ. Не думаю, что бы можно было найши гдѣ нибудь человѣка лкбезнѣ его: съ понкимъ, блестящимъ умомъ, соединяешъ онъ самую привлекательную обходительность. Правда, это модный человѣкъ: но я думаю, что на сей разъ мода очень справедлива. За секретъ скажу тебѣ: кажешся я плѣнила его, и признаюсь... „ — Гжа Клерваль остановилась на этомъ мѣспѣ. Мужъ ея смутился немного при чтеніи споль неприятнаго для него письма; но разсудивъ немного, нашель въ немъ нѣкошорый лучъ надежды и ушѣшенія. Жена моя любилъ еще меня, сказалъ онъ самъ себѣ: она опдаешъ справедливостъ качествамъ моего сердца; недовольна сполько переменною моего съ нею обращенія — хорошо, пусть такъ: я переменю его. Она сожалѣешъ о похвалахъ, копорыя нѣкогда распочаль я ей; спану же снова осыпашъ ее ими: безъ сомнѣнія и во вторый разъ

одержу побѣду надъ моими соперниками, употребивъ ихъ же собственное оружіе ... а, можешь быть, и сама Амалия, копорая ошь природы шакъ чувствительна и умна, вскорѣ узнаешь на опышѣ всю ничтожность эшихъ модныхъ похвалъ и комплиментовъ, увидя перемѣну моихъ съ нею поступковъ и обращенія.—Тотъ же часъ ѣдешь онъ въ одно большее собраніе, гдѣ очень часто бывала жена его. Клерваль идешь къ ней и садится среди обожателей, копорыми она была окружена. Въ самое это время Флорвиль, овладевъ искусно разговоромъ, удивлялъ всѣхъ необыкновенною своею любезностію; никогда еще умъ его не являлся въ такомъ блескѣ. Онъ дѣлалъ Гжѣ Клерваль комплименты съ такою ловкостію и приятностію, что соперники его онѣмѣли ошь изумленія и не смѣли болѣе состязаться съ нимъ на эшомъ поприщѣ. Клерваль однако между шемъ приготовилъ для всего собранія самую неожиданную сцену: сѣвъ между своею женою и ужаснымъ Флорвилемъ, началъ съ нимъ вмѣстѣ распочашъ ей похвалы и не уступалъ ему ни въ остроуміи, ни въ любезности. Бо-

лѣ часа непрерывно продолжался съ той и съ другой стороны бѣглый огонь изъ мадригаловъ; наконецъ Флорвиль упомился, а Клерваль осмался побѣдипелемъ. Послѣ того сѣли играть въ *маленькія, невинныя игры*, невинныя большею частію по одному только названію. Клерваль, занявши только своею женою, не отпускаетъ ни одного случая, что бы сказать ей какую ни будь лестную и остроумную похвалу. Гжа Клерваль очень смѣшана ролею, кошоую играетъ мужъ ея; она краснѣетъ, замѣчая насмѣшливую улыбку другихъ дамъ и слыша вокругъ себя глухій шепотъ.—“Не смѣшно ли это, говорятъ онѣ въ полголоса между собою, что мужъ публично осыпаетъ жену свою такими похвалами? Развѣ нѣтъ ему времени говорить такія любовныя глупости тогда, какъ бываетъ онѣ съ нею одинѣ. Всѣ эти супружескія нежности и дурачества могутъ бытъ очень къ спали дома, но надобно признаться, что въ обществѣ онѣ чрезвычайно несны.”—Спали вынимаютъ фанты, и назначали, что бы каждый изъ мужчинъ сдѣлалъ порицетъ любимой имъ женщины. Описаніе Флорвиля найдено пре-

лестнымъ. Лишь только переспалъ онъ говоришь, всѣ съ лукавою улыбкою взглянули на покраснѣвшую Гжу Клерваль. Дошла очередь и до ея мужа: при описаніи наружныхъ прелестей обожаемой имъ женщины употребилъ онъ самыя опборнѣйшія выраженія: не пожалѣлъ ни лилей, ни розъ, ни коралловъ, ни жемчуговъ, ни прочихъ драгоценностей.—“О, эшо Гжа Клерваль, вскричали всѣ: нельзя никакъ не узнать!”, Гжа Клерваль покраснѣлась еще болѣе прежняго. — “Право, онъ сошелъ съ ума!”, шепчущая между собою дамы. — Надобно признайся, говорятъ молодые вертопрахи; что Клерваль самый, любезный мужъ: не всякій могъ бы сдѣлать такой прелестный порипрепъ своей жень!”, Начали развѣзжаться. Смущенная Гжа Клерваль спѣшишь домой; услужливый мужъ ея почтительно идешь за нею и съ ошпорожносцію несетъ ея шаль; онъ не хочеть, что бы другой кшо подаль ей руку, когда она садилась въ карету. — Оспавшись съ нею на единѣ, продолжаешь онъ по же самое обращеніе и пошь же самый разговоръ. Гжа Клерваль молчишь; но приѣхавъ домой, не можешь болѣе у-

держашь себя. — “Я не понимаю, что съ вами сдѣлалось, говоритъ она своему мужу: вѣрно вы сошли съ ума!”, — Ахъ, сударыня! опивѣчаетъ съ нѣжноспію Клерваль: кто же можетъ сберечь его въ нашемъ присуищствіи? — “Всѣ эти леспныя похвалы, копорыя такъ щедро распочали вы мнѣ ..., Не значупь ничего въ сравненіи съ пѣмми, копорыя вы заслуживаете! — “Эпонтъ неожиданный еиміамъ ...”, — Недостоинъ такого божества, какъ вы! — “Эпонтъ поршрениъ ..., — Самый безприсраспный! — “Напросивъ, самый смѣшпный!”, — Трудноснъ въ изображеніи пакихъ прелестей будепъ моимъ извиненіемъ! — “Вы заспавили всѣхъ дамъ смѣяпсья надо мною., — Онѣ завидовали красопѣ вашей! — “Всѣ мужчины смѣялись надъ вами., — Они завидовали моему счаспю! — “Вы заспавили меня краснѣшь безпрешанно., — Не жалуйпесь на это: ничпо сполько не придаепъ привлекательноспи красопѣ, какъ милый румянецъ спыдливоспи. — При сихъ словахъ онъ оставляепъ ее и уходипъ на свою половину. Гжа Клерваль съ досады очень дурно провела ночь. — На слѣдующее утро мужъ

ея входишь къ ней въ уборную на цыпочкахъ. — Позволено ли мнѣ, спрашиваетъ онъ нѣжнымъ голосомъ: войши въ священище Грацій?—Гжа Клерваль не отвѣчаетъ ничего и только пожимаетъ плечами. — Какая свѣжестъ! продолжаетъ онъ, какъ бы не замѣчая неудовольствія жены своей: на щекахъ вашихъ цвѣтутъ упреннія розы! — Гжа Клерваль все еще молчишь. Приносятъ ея сына, котораго съ нѣжносцію поцѣловала она. — Ахъ! говоритъ Клерваль, какая пѣнипельная картина: Амуръ въ объятіяхъ своей матери!—“Какой смѣшный образъ выраженія! сказала наконецъ Гжа Клерваль, пошерявъ все свое терпѣніе. Такъ ли мужъ долженъ изъясняться со своею женою, или отецъ говоритъ о своемъ сынѣ? Переспаньте, закливаю васъ, оспавьте эти надушья и пусныя слова, или я разсержусь.,—Разсердишесь? говоритъ Клерваль, улыбаясь: это не возможно: какая небесная кропость въ прелестныхъ вашихъ глазкахъ!—“Я не ручаюсь за себя, прерываетъ Амаля съ досадою: если вы, сударь, будете продолжать такую разговоръ, то чувствую, что умру со скуки. Прошу оспавить меня

одну: я предпочитаю уединеніе обществу такого челоуѣка, который говоритъ только однѣ ничтожныя и преувеличенныя похвалы., — Давно уже Клерваль имѣлъ пядебное дѣло, опть котораго зависѣла судьба почти всего его имѣнія. — Это дѣло чрезвычайно занимало его и приготовлено уже было къ слушанію. Въ такое крипическое время, казалось, вовсе забылъ онъ о своемъ дѣлѣ, объ имѣніи и занимался однѣми только средствами нравиться женѣ своей. Приходишь къ нему Спрячій съ бумагами, просишь просмотрѣть ихъ; но до бумагъ ли было влюбленному Клервалю: сидя въ кабинетѣ, передъ поршрепомъ прелестной своей Амаліи, занимался онъ гораздо важнѣйшимъ дѣломъ — сочиненіемъ новой для нея пѣсенки. Гжа Клерваль, услышавъ объ этомъ, приходишь къ нему и просишь его почти со слезами, что бы онъ просмотрѣлъ бумаги и сѣздилъ самъ ко всѣмъ судьямъ. — Мнѣ сударыня! говоритъ онъ ей: мнѣ удалиться опть васъ для низкаго корысполюбія! — “Вы поперяете вашъ процессъ!., — Лучше для меня поперяшь процессъ, чемъ одинъ изъ вашихъ взоровъ. — “Вы разори-

ришесь!...,—Вы останешесь у меня, а вы мнѣ дороже всего на свѣтѣ. При сихъ словахъ раздраженная Амалія хочеть уйти. Клерваль удерживаетъ ее, насильно сажаетъ на спуль и показываетъ нѣсню, кошорую для нея сочинилъ. — Напрасно опказывается она выслушать ее. — Я вамъ всю ее пропою, говоритъ онъ: когда окончу; а шеперь, сдѣлайте милоспѣ, выслушайте первые десять куплетовъ. Гжа Клерваль не знаетъ чшо ей дѣлать съ безошвязнымъ ея мужемъ: онъ падаетъ предъ нею на колѣни, цѣлуетъ ея ножки и не прежде оппускаетъ ее опъ себя, какъ прочитавъ самыя леспныя похвалы ея красопѣ, кошорой; по словамъ его, всѣ баснословныя богини и извѣспнѣйшія по Испоріи красавицы должны уснутишь первенспво. — Лишь полько вошла Гжа Клерваль въ свои комнашы и успѣла опереть на глазахъ слезы, изпоргнушыя гнѣвомъ и досадою, какъ докладываютъ о приѣздѣ Флорвія. Эшо посѣщеніе было очень къ спашу и могло развлечь нѣскольکو бѣдную Гжу Клерваль. Съ ловкостію входитъ модный прелеспникъ, привѣспшуетъ огорченную Амалію самымъ лю-

безнѣйшимъ образомъ, и намѣреваеться сообщити ей нѣкоторыя любопытныя подробности о послѣднемъ балѣ, на которомъ, ко всеобщему сожалѣнію, не была она.—“Хорошъ ли былъ балъ?”, спрашиваетъ она въ разсѣяніи.—Хорошъ!... Ахъ, сударыня! могъ-ли онъ быть хорошимъ, когда вы на немъ не были?—Тутъ начинаетъ Флорвиль перебирать всѣхъ бывшихъ на балѣ особъ; каждый порепретъ оканчиваетъ шонкою, язвительною эпиграммою, и ни одна молодая дама, копорая по красотѣ, своей ловкости, или по щегольству, могла вступити въ соперничество съ Гжею Клерваль, не была имъ пощажена. Съ разсѣяніемъ слушаетъ его Амалія, и невольно приводитъ себѣ на мысль ту сцену, копорую только что она имѣла со своимъ мужемъ. Флорвиль замѣчаетъ ея разсѣяніе и спрашиваетъ о причинѣ.—Ахъ! сударыня, вы вздыхаете! Не случилось ли съ вами какого несчастія?—“Признаюсь, меня очень беспокоитъ одно шяжебное дѣло.,,—Безъ сомнѣнія, съ Граціями? Никогда не имѣли вылучниихъ соперницъ!—“Вошь, говоритъ Гжа Клерваль сама себѣ: вошь наспоющій разговоръ моего мужа!.,,—Одна-

кожь надобно отвѣчать какъ нибудь на мадригаль Флорвиля.—“Этотъ процессъ очень важенъ, говоритъ она: и, къ несчастію, я боюсь пошерять его., — Вамъ, сударыня, потерять процессъ? . . . . Не возможно! . . Судьи ваши конечно смертные: сама всесильная любовь будетъ за васъ у нихъ ходатайствовать.—Гжа Клерваль начинаетъ показывать знаки неперенія; уже хотѣла она позвонить и извиниться передъ Флорвилемъ, что не можеть по причинѣ головной боли долѣе оставаться съ нимъ, какъ вдругъ являешся къ ней мужъ ея съ веселымъ лицомъ и съ бумагою въ рукахъ. — Я прибавилъ еще два куплета къ моей пѣсни, говоритъ онъ женѣ своей: помомъ, примѣня Флорвиля, продолжаешъ: какъ я радъ, сударь, что засталъ васъ здѣсь; вы сами пишете прекрасные стихи—опдаю вамъ на судъ мои, которые сію минушу только окончилъ — И не дождавшися отвѣта, поешъ дюжину куплетовъ. При концѣ каждого оспанавливаешся нарочно, что бы получить дань похвалъ отъ Флорвиля, который прошивъ воли долженъ былъ хвалить его. Не возможно изъяснить, въ какомъ

несносномъ положеніи находилась тогда несчастная Гжа Клерваль; къ довершенію ея спраданія, возстаешь новая борьба между Флорвилемъ и ея мужемъ.—Первому хочешь показашь себя передь Амалією любезнѣ послѣдняго, а пошъ никакъ не рѣшаешь уступить ему первенство. Мадригалы сыплюшя на бѣдную Амалію до того, что она готова упасть въ обморокъ! Наконецъ Флорвиль, видя, что репершуаръ его испоцился, спарается скрыть свое неудовольствіе и уходитъ.—Надобно признашяся, говоришъ Клерваль: что эпошъ молодой человекъ очень любезень!—“Чемъ же? позволите спросить.,—Все, что онъ говоришъ...—“Сущій вздоръ! пускашя, надушя слова!...,—Онъ съ приятностію дѣлаешъ комплименты! — “Которые выводятъ меня изъ шерпѣнія., — Такъ вы не любите комплиментовъ? — “Мнѣ спанювился пошю опъ нихъ.,—А похвалы?... — “Такія увеличенныя и припорныя похвалы оскорбительны., — Но умъ его? — “Лестъ не означаешъ еще ума.,—Не мудрено поперяшъ умъ при васъ! — “Опяшъ пошъ же языкъ!... Ахъ! Боже мой! когда перестанете вы говоришъ эпо, когда пе-

ремѣните ваше обращеніе со мною?,,—
 Когда вы сами предпишете мнѣ по, что
 говоришь съ вами. — “Оставьте это не-
 приличное вамъ верпопрашесство, сказа-
 зала Гжа Клерваль со слезами: заклинаю
 васъ, говорите со мною какъ прежде од-
 нимъ только языкомъ довѣренности и
 дружбы. Ахъ, Клерваль! я не узнаю болѣе
 васъ: нѣкогда говорили вы со мною какъ
 съ нѣжнѣмъ другомъ...уже ли переспали
 вы бытъ имъ для меня?,, — Я всегда ша-
 ковъ, говоритъ Клерваль, бросаясь въ объ-
 янія своей жены. Проси мнѣ, моя милая,
 за маленькій урокъ, копорый непремѣн-
 но долженъ я былъ дать тебѣ. Тщеславіе
 заславляло тебѣ цѣнишь выше всего эти
 пустыя и модныя похвалы, копорыхъ
 ничтожество теперь только ты узнала.
 Я хотѣлъ доказать тебѣ на опытъ, что
 все по, что обольщаетъ мгновенно само-
 любіе наше въ модномъ свѣтѣ, дѣлается
 предосудительнымъ и несноснымъ въ сѣ-
 мейственной жизни.—“Какъ! прервала съ
 улыбкою Амалія: такъ ты дѣлалъ все это
 для моего наспавленія, для моей пользы?
 Такъ ты нарочно принялъ на себя эту
 смѣшную роль?..Ты не будешь больше со

мною верпопрахомъ?...Какъ счастлива я!
 ...Урокъ свой превосходень, и я никогда
 не забуду его.,,—Пусть въ большемъ свѣ-
 тѣ поржесивуешь верпопрашесиво и
 модная лесь; но да процвѣпаешь искрен-
 ность и добросердечіе въ сѣмейспвенной
 жизни.

И. Ерлигеб,

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Князь Вятко.

Баллада.

1.

Быстро неслися сизыя пучи;
 Въ пускломъ шуманѣ мѣсяць блѣднѣль;
 Боръ непроходный, черный, дремучій,
 Въ хладныхъ Эспонскихъ дебряхъ шемнѣль;
 Море клубилось, бездны кипѣли;
 Съ прескомъ ломался ледъ у береговъ;
 Вихрь воздымаетъ вьюги, мятели;
 Путь заспилаютъ груды снѣговъ;
 Въпръ въ запуснѣлыхъ хижинахъ свищепъ;
 Въ селахъ не видно яркихъ огней;
 Волкъ, не сшрашася, по полю ищепъ
 Таѣющихъ пруповъ; свѣжихъ коспей;
 Пепль разоренныхъ хижинъ Эспонскихъ,
 Смѣшанный съ снѣгомъ, въпръ развѣвалъ;

Слѣдъ, обогранный кровью Ливонскихъ
 Рыцарей славныхъ, снѣгъ замешалъ;
 Робкій Эспонецъ, смерщи спрашася,
 Хладъ забывая, бродишь въ лѣсахъ;
 Бѣдный изгнанникъ, голодомъ помяся,
 Съ горемъ кочуешь шамъ въ щалашахъ;
 Мракъ, запусънье въ замкахъ угрюмыхъ;
 На обгорѣлыхъ, черныхъ спѣнахъ
 Видны доспѣхи рыцарей буйныхъ,
 Славно съ оруьемъ падшихъ въ рукахъ.

2.

Тихо въ обширномъ спанѣ Алберта,
 Сонъ упомненныхъ очи смежилъ,
 И предъ восходомъ ранняго свѣша
 Юрьевъ густый шуманъ обложилъ.
 Дремлюшь Тевшонцы.—Въ Юрьевѣ мрачномъ
 Съ горсшью безспрашныхъ Вячко не спишь,
 И надъ спѣнами, въ полу-прозрачномъ
 Облакѣ, Ангель смерщи паришь.
 Руское знамя въщрь развѣваешь;
 Грусны и смупны Россы спюяшь;
 Каждый къ опчизнѣ взоръ успремляешь;
 Молча на спѣны, на знамя глядяшь.
 Мрачень, задумчивъ Вячко безспрашный,
 Дико на спанѣ Ливонцевъ взиралъ;
 Въ думѣ, казалось, спанѣ сей ужасный
 Мысленнымъ окомъ онъ измѣрялъ.

3.

Ярко во храмъ свѣчи пылали;
 Скорбны, унылы Россы спеклись
 И предъ иконой Вѣчнаго пали;
 Споны, моленья Русскихъ слились.
 Не о пощадѣ Россы молились:
 Россамъ могучимъ смерть не спрашна;
 Россы безславья, плѣна спрашились;
 Россовъ смущала дума одна:
 Какъ бы спасши имъ знамя опчизны,
 Какъ бы со славой имъ умереть —
 Грустно въ предѣлахъ хладной чужбины,
 Очи смыкая, кровныхъ не зрѣшь.

4.

Лучъ показался ясной денницы,
 Россы собрались вновь на спѣнахъ —
 Все пригошовлено: пушки, бойницы,
 Бревна и камни ужъ на врапахъ.
 Тихо, уныло въ Юрьевѣ грозномъ;
 Въ спанѣ Ливонцевъ крики и шумъ;
 Копья сверкающъ въ сумракѣ пѣдномъ,
 Вячко въ раздумьи — мраченъ, угрюмъ.
 Въ деляхъ полночный вѣспрь ушихаетъ;
 Выюги на землю въ полѣ легли;
 Въ Русскихъ сердцахъ гроза возникаетъ;
 Блещущъ сшальные Россовъ мечи.
 Красно восходишь солнце въ шуманѣ;

Ярко пушистый иней блещишь;
 Кликъ, ликованья слышны во спанѣ;
 Въ мершвомъ молчаньи Вячко сидишь.

5.

Гласъ въ опдаленни шрубный раздался —
 Всѣ изумились, Вячко возсаль;
 Бурь подобнымъ грозный казался;
 Взоръ, какъ булашь, княжій блиспаль.
 Рыцарь Ливонскій съ знаменемъ бѣлымъ
 Къ граду подѣхаль — рогъ пропрубилъ.
Сдайтесь на милость! — гласомъ надмѣн-
 нымъ
 Трижды Ливонецъ имъ повпориль. —
 “Сдашься на милость?,” Князь разъяренный,
 Мечь обнажая, громко вскричалъ.
 “Сдашься лишъ можешъ рыцарь презрѣнный;
 Кляпвамъ же Россъ когда измѣняль?..
 Въ Юрьевъ по шрупамъ нашимъ войдете:
 Русскимъ не нуженъ вашъ договоръ;
 Хладные шрупы въ плѣнь вы возьмете —
 Слава же съ нами; съ вами — позоръ!
 Мы ли измѣнимъ Богу, опчизнѣ?...
 Плѣна опраднѣй люшая смершь.
 Славно съ оружемъ пасшь на чужбинѣ;
 Сладко со славой намъ умерешъ.
 Множешва силы мы не спрашимся:
 Россъ не считаешъ въ полѣ враговъ;
 Именемъ Русскихъ всѣ мы гордимся —

Мы ли измѣнимъ славу опцовъ? ...
 Не малодушныхъ воиновъ зрите:
 Смерть мы привыкли въ битвахъ воспрѣ-
 чать.

Нечего медлить — бой возвѣстите:
 Въ битву оружіемъ мы опвѣчаемъ
 Вашимъ собратьямъ будемъ краснѣ!,, —
 Скаешься, Русскій! — Рыцарь сказалъ ...
 Въ битву кровавой будешь члнѣ —
 Рыцарь прибавилъ — и поскакалъ.

6.

“Други!,, воскликнулъ Вячко безстрашный.
 “Гордость Ливонцевъ видѣли вы!
 Вѣчный судилъ нашъ жребій ужасный;
 Сложимъ со славой наши главы.
 Съ нами воскреснетъ праѣдовъ слава;
 Въ битву получимъ предковъ вѣицы:
 Пусть изумится пѣнь Святослава;
 Пусть торжествуютъ наши опцы!
 Въ храмъ безсмертья кровью Тевтонцевъ
 Наши напишемъ мы имена;
 Гордость унизимъ буйныхъ Ливонцевъ:
 Славная доля намъ суждена.
 Смерть, или рабство? ... мнѣ опвѣчайте.
 Пленъ, или свобода? Чшо вамъ милѣй?
 Безъ замедленья вы избирайте:
 Выборъ неспруденъ ... други! скорѣй!,,
 — Смерть и безсмертье мы избираемъ:

Рабство поспыдно Русскимъ сердцама!
 Силу Ливонцевъ мы презираемъ!
 Нытъ, не уступимъ въ славу опцамъ! —

7.

Въ шухахъ багровыхъ солнце сокрылось;
 Къ граду Ливонцы съ войскомъ идушь —
 Спрѣлы взвились, небо запымилось;
 Градомъ на Россовъ спрѣлы падушь.
 Быспрѣ и ужасень приспушь Ливонцевъ:
 Смершь презирали въ бишвахъ они;
 Сынались камни съ спѣнь на Тевшонцевъ;
 Плавали шрупы въ теплой крови.
 Долго съ дружиной Князь защищался,
 Долго Ливонцевъ храбрый разилъ,
 Долго убитый новымъ смѣнялся ...
 Тщешно — шаранъ врага сокрушилъ.
 Съ воплемъ Ливонцы въ градъ успремились.
 “Други! на вспрѣчу!”, — Вячко вскричалъ —
 “Пасшь за опчизну, други! рѣшились:
 Богъ Всемогущій кляшвамъ внималь.„
 Долго сражался Вячко безспрашный;
 Гробомъ Ливонцевъ спали врага;
 Мечь прищупился княжій ужасный;
 Кровь по кольгугъ мѣдной шекла.
 Силы слабѣли — онъ колебался —
 Раны безсчешны были его —
 Пала дружина — онъ лишь оспался —
 Трупы друзей лежашъ вокругъ него.

Долго безспрашный Вячко рубился,
 Долго Ливонцевъ онъ поражалъ —
 Вдругъ подь ударомъ шлемъ раздвоился—
 Брызнула кровь — безпрепешный палъ.

8.

Сонъ безмяшеженъ падшихъ со славой!
 Громки, завидны ваши дѣла!
 Памятникъ славы вашъ величавой:
 Грозныхъ признание, мудрыхъ хвала!
 Въ быспромъ полешъ время рукою
 Не прикоснешся долго къ нему,
 И пронесущся вѣки рѣкою,
 Лишь придадутъ блескъ новый ему! ...
 Кто за отчизну пашъ не спрашился,
 Жизнью своею кто жертвовалъ ей:
 Тотъ хладнокровно въ битвы спремился,
 Храмовъ достойнъ шопъ, алшарей! ...

А. Шидловскій.

Я. К. Кайданову.

(Въ день его рожденія 19 Марта 1826 *)

Что, сколько? — Сорокъ семь, племянничекъ,
шебъ?

Благодареніе Судьбъ!...

И мнѣ чрезъ при недѣли

Тожъ спукнешь! ... Вошь ужъ мы довольно
посѣдѣли,

А любимъ все съ побой красавицу одну

Не меньше, чемъ законную жену ...

Да нечего краснѣшь! ... Сказали ли кто
пакая?

Вѣдь сора изъ избы опселя не унесушь.

Она, сударини, уже не молодая,

Не модница, бѣдна, босая и нагая,

А благородная! ... Что долго думаешь шущь?

Ее всѣ Истиной зовушь;

Ее-то любимъ мы сердечно

И наша къ ней любовь продлился вѣчно,
вѣчно! —

Вошь я хошь и поэшъ

И изъ поэшовъ дамскихъ главныхъ—

Случалось мнѣ писашъ спишки для дамъ
пщеславныхъ:

Но льспилъ имъ когда въ спихахъ? — По-
чеспи, нѣшь!

---

*) Чишаны во время спола въ дружеской бесѣдѣ.

Не дай Богъ нрависься посредспвомъ низ-
кой лести:

Противно эпо. чеспи!

И пы, племянничекъ, душею не кривишь:

Что чувспвуешь, по говоришь,

А ежели чего въ глаза сказашь не можно,
То дѣлашь нечего — ужь промолчашь шупъ
должно ...

Но противъ совѣспи хвалишь,

Избави, Господи! да лучше вѣкъ не пишь!

Вопъ вышли дочки наши:

Большія двѣ—мои,

Двѣ маленькихъ—пвои:

Лизета, Энилька—лишь нѣпъ одной Нашаша.

Та съ шифромъ, шакъ горда

И не пришла сюда,

А впрочемъ умница дѣвица!

Хошь роспомъ и мала,

Однако же мила,

Да и смѣла!

Припомъ она чипашъ большая масперица.

Мы годика при погодимъ,

Да замужь всѣхъ ихъ опдадимъ.

Дай Богъ, чшобъ замужемъ онѣ счаспливы
были

И что бы ихъ мужья

А наши, какъ бишь? да ... зяпья

На насъ душой и нравомъ походили.

Придешъ и Олинкѣ шакаязъ череда!

Да гдѣ жь она? Давай ее сюда,
 Давай сюда ее плушовку.
 Ну, Оля! поцѣлуй ты папеньку въ головку
 И въ губки и въ глазокъ,
 А шамъ и дѣдушку хошя одинъ разокъ.
 Да здравствуйешь новорожденный!
 Да здравствуйешь хозяинъ нашъ поч-
 шенный!
 Дай Богъ ему и всей его сѣмьѣ добра —
 Ура!

И.

~~~~~

Незабудки.

Романсѣ.

Незабудки! вы увяли,
 Вы засохли, вы пропали!
 Гдѣ же зелень, гдѣ вашъ цвѣтъ?
 Были вы—но васъ ужь нѣтъ!

Помню я, какъ собирали,
 Какъ въ пучечикъ васъ вязали,
 Тамъ гдѣ искрился ручей,
 Я, съ Надежею моею!

“Ахъ!—сказаль я ей въ печали—
 Чшобъ цвѣшочки не увяли,
 Приколи шы ихъ на грудь!
 Въ нихъ меня не позабудъ? „

Небо солнышкомъ горѣло!
 Все играло, все свѣшлѣло!
 Ахъ! прошелъ шопъ ясный день!
 Счастье скрылося, какъ шѣнь!

Что же сдѣлалось съ цвѣтами?
 Всѣ поблекли и съ лиспами!
 И Надѣжею моею
 Были брошены въ ручей!

И неслись въ его стремленьи!
 Я ихъ спасъ ошъ попопленья:
 Перебралъ, пересушилъ,
 И на память сохранилъ!

Мнѣ Надѣжа измѣнила!
 Ужь другаго полюбила!
 Но цвѣпочки у меня,
 Въ память радостнаго дня!

Я смопрю на нихъ порою,
 Мою горькою слезою,
 Опираю и сушу —
 На груди своей ношу!

Красный день воспоминаю!
 Ими весель я бываю!
 Ими полько счаспливъ я
 И люблюсь, какъ дитя!

Н. Скородумовъ.

СМѢСЬ.

(Изъ новѣйшихъ иностранныхъ журналовъ.)

Въ Парижѣ все начинается шеперь съ нумера вшораго.—Балы, концершы, вечеринки въ первый разъ посѣщаются мало; со вшораго же разу бываетъ большое спешеніе публики: такъ велишь мода! — *Freymüthige.*

Въ 1457 году Генрихъ VI, Король Англинскій, издалъ законъ, въ силу котораго замужнія женщины не имѣли права сходиться между собою въ общеспвахъ, и разговаривать о пущякахъ; мужья обязаны были держать ихъ дома за замкомъ.— *Оттуда же.*

У одного аптекаря въ Арль жаба и змѣя, посаженныя въ одну клѣшку, такъ свыклись между собою, что когда Аптекарь вынулъ изъ клѣшки жабу и убилъ ее, для пошребнаго сосшавленія лѣкаршвъ, шо змѣя, лишенная своей подруги, околѣла съ печали (?)—*Corsaire.*

Извоцикъ наемнаго фіакра такъ близко ѣхаль къ пропуару, что задѣлъ колесомъ одного пѣшехода; эшопъ, не перенеся равнодушно такого полчка, ударилъ палкою сшоящаго за фіакромъ лакея и сказалъ ему:

“отплаши, брагъ, извоцику шюю же монё-шою, я не успѣлъ перевѣдашься съ нимъ.,,
—*Abend-Zeitung*.

Парижъ. Французскій Импровизаторъ де Прадель въ залѣ Консерваторіи импровизировалъ недавно въ пользу жипелей сгорѣвшаго города Салена.—Ему заданы были шемы: смерть Бейрона и пожаръ Салена.— Де Прадель, описавъ въ прекрасныхъ стихахъ поперю знаменишаго пѣвца, и несчастіе погорѣвшихъ Саленцовъ, заслужилъ всеобщее рукоплесканіе публики. *Petit Courrier des dames*.

Недавно на Парижскомъ лѣшнемъ воксалѣ соспязались въ фехшованьѣ при новыя Амазонки, родныя сеспры: Адель, Полина и Каролина.—Эпо новое зрѣлище для Парижанъ привлекло большое спеченіе публики въ воксалъ.—Каролина, принадлежавшая дѣвица побѣдила двухъ спаршихъ сесперъ и показала большое искусство въ фехшованьѣ.—*Wiener Moden Zeitschrift*.

Одинъ содержатель дикихъ звѣрей въ Ліонѣ, дѣлаешь всякую недѣлю справлю.—Львы, буйволы и проч. справятся большими собаками.—Зрѣлища такого рода привлекають большое спеченіе публики; но вопъ что инымъ не нравися, что содержатель эту звѣриную пошѣху вздумалъ назвашь (въ афишахъ) *великолѣпнымъ турни-*

po.иb звѣрей.—Какое поношеніе для рыцарсшва!—*Corsaire.*

“Вѣроятно вчера было много посѣщителей въ нашемъ клубѣ, во время такой дождливой погоды?,”—спросилъ нѣкто своего прияшеля.—О конечно, и очень довольно; если бы пришли въ клубъ еще два человека, то можно было бы сосставишь паршію въ боспонѣ. — *Abend-Zeitung.*

Послѣ сраженія при Сльдисѣ, гдѣ Эдуардъ III одержалъ рѣшительную побѣду надъ Французскимъ флоромъ, нѣкто не смѣлъ доложитъ Филиппу VI о семъ печальномъ происшествіи.—Наконецъ придворный шутъ взялся объявитъ о семъ Королю.—Онъ являешся къ нему, ходитъ взадъ и впередъ большими шагами по комнатамъ и ворчитъ про себя: “шруссы Англичане!,”—Почему ты называешь ихъ шруссами? спросилъ у него Король? — “Они побоялись воды и не хошѣли послѣдовать примѣру храбрыхъ Французовъ, копорые съ кораблей всѣ попрыгали въ море! — *Оттуда же.*

Нѣкто хошѣвъ сдѣлать легкій упрекъ своему племяннику, укравшему у него серебряную шарелку, пемѣшилъ въ духовномъ завѣщаніи слѣдующее: “Племяннику моему оставляю я одиннадцать серебряныхъ шарелокъ: онъ конечно знаетъ, почему я не опказалъ ему цѣлой дюжины!,” — *Оттуда же.*

На островѣ Гваделупѣ — родила одна Мулашка мальчика, у кошораго зрачки подобны были часовому циферблашу? — Эту странную игру природы приписываютъ тому, что Мулашка во время своей беременности имѣла спрасшное желаніе обладать часами (?) — *Corsaire*.

Одна женщина, живущая въ Суперъ-крикѣ (въ Пенсильваніи) укушена была въ палець змѣею, скрывшеюся въ куряшникѣ. — Не зная, чемъ захватишь вдругъ столь опасную рану, она рѣшилась отрубить палець, и симъ спасла жизнь свою отъ очевидной опасности. — *Freymüthige*.

Улетѣвшая изъ клѣтки канарейка.

Лишь только успѣлъ я обрить себѣ половину бороды, какъ услышалъ вопль жены моей; она выбѣжала изъ спальни и со слезами объявила мнѣ, что ея любимая канарейка Жоко вылетѣла изъ клѣтки на улицу. — Забывъ о недобришій бородѣ, я бросился къ окошку, и закричалъ: пожалуста, брашцы, поймайте этого бѣглеца. — Въ это самое время бѣжалъ какой-то парень по улицѣ; два разнощика, вышедшіе изъ моего дома, вообразили, что я приказалъ имъ ловить вора, побѣжали за парнемъ; но, чтобы вывезть ихъ изъ заблужденія, я указываю рукою на домъ моего сосѣда, гдѣ нашла убѣжище канарейка. — Но `никшо не

примѣчалъ улешѣвшей ппички; по крику жены моей и по бришвѣ въ рукахъ моихъ, всякой предспавиль себѣ какое нибудь важное происшествіе; короче въ нѣсколько минушъ собралась на улицѣ большая толпа народа. — Наконецъ примѣшили канарейку, скрывшуюся въ окошкѣ вшораго эшажа; плошникъ подспавиль гуда лѣспницу, но такъ не ловко, что разбилъ спекла у сосѣда. — Въ шу же минушу проѣхала шушъ кареша, задѣла колесомъ лѣспницу; плошникъ упаль съ нея и переломиль себѣ ноту. — Крикъ плошника увеличилъ толпу народа; бѣгушъ, чшобъ оспановишъ карешу; между шемъ разнощики поймали убѣжавшаго парня и уже за мнимое воровство порядочно поколошили его на улицѣ. — Чемъ болѣе я бѣсился, шемъ менѣе понимали меня окружающіе. — Нѣсколько человекъ, не примѣчая канарейки, думали, по движенію рукъ моихъ, что я хочу призвашь спражу, побѣжали за полиціею и чрезъ нѣсколько минушъ явились Жандармы и Національная Гвардія. Я вышелъ изъ себя опъ гнѣва; роковая бришва, скользнувъ изъ руки моей, попала въ лобъ одному изъ зрителей и сдѣлала рубецъ на черепѣ. — Народъ бросился на меня съ кулаками и палками. — Къ счастью моему, явился въ эшу минушу Полицейскій Комиссаръ, крошкій и раз-

судимельный человекъ; онъ, выслушавъ дѣло, успокоилъ народъ и присудилъ меня заплашить сосѣду за разбиыя стекла, вылѣчить на мой счетъ переломленную ногу плотника и разрѣзанный лобъ зришеля, заплашить разнощикамъ премію за преслѣдованіе мнимаго вора, а парню за напрасныя побои. — Ипакъ за улепѣвшую канарейку, копорую однако и не поймали, насилу могъ я опдѣлаться нѣсколькими сопнями франковъ. — *Gesellschafter*.

Въ Германіи разыгрываютъ въ лошперю замки, въ Венгріи винные погреба, въ Шопландіи, женъ (?) въ Ліонѣ оленей. — *Corsaire*.

Въ рудоконьяхъ Корнвалиса находилась пеперь величайшая паровая машина. — Она поднимаетъ на сто футовъ вышиною въ каждую минушу восемьдесятъ тысячъ фунтовъ. — *Einheimisches*.

Рѣдкости. Нѣмецкая Драма безъ напьяжекъ, Французская Трагедія безъ невѣроятностей; Романъ Валпера Скошпа безъ лишней плодовитости, газета безъ пустословія. — *Pandore*.

Въ Коннектикутѣ убило недавно громомъ молодую дѣвицу. — Элекприческа сила ударила въ спальную пряжку, приспегнутую на поясъ. — Вошь какъ опасно носишь льпомъ нынѣшніе модные кушаки. — *Leipziger Moden Zeitung*.

Въ Зингапорѣ одинъ Кипайскій купецъ давалъ недавно шамошнему Губернатору великолѣпный обѣдъ въ Азіяшскомъ вкусѣ: супъ изъ ппичьихъ гнѣздъ съ лягушечьими печенками; рагу изъ слоновой спудени съ яицами ящерицы; жареный дикообразъ съ соусомъ изъ жабъ; рыбы желудки съ морскимъ мохомъ; желе изъ кожи носорога.— Плоды изъ Малакки и Ріо Жанейро, вина изъ Европы и Азіи. Эпомъ обѣдъ спойлъ 1000 фунтовъ сперлинговъ. — *Frondeur*.

Нѣкпо спросилъ одного Переводчика, какъ Бонапарть называется по французски? — *Наполеонъ*, ошвѣчалъ Переводчикъ. — *Оттуда же*.

Пиронъ, во время перваго представленія своей *Метроманіи* пировалъ въ шракширѣ со своими прияшелями. Одинъ изъ друзей Поэша, бывъ въ шопъ вечеръ въ шеашрѣ, прибѣгаетъ въ шракширъ и съ восхищеніемъ объявляетъ Пирону, что піэса его принята съ большимъ одобреніемъ публикою. — «Скажи лучше объ эпомъ шракширцику (кошорому Пиронъ былъ много долженъ): онъ болѣе порадуется успѣху моей піэсы. — *Frondeur*.

Въ сраженіи при Иври Французскій авангардъ хошѣлъ обратиться въ бѣгство. Тогда Генрихъ IVъ закричалъ воинамъ: *tournez la tête, et si vous ne voulez pas combat-*

Десятилѣтняя опытность удостовѣрила его въ слѣдующемъ: *тебѣ кто бѣднѣе и тестнѣе, тебѣ скромнѣе и застѣнчивѣе*. Любительницы кофею и другихъ напитковъ смѣлы, краснорѣчивы, низкопоклонны, умѣютъ кспати заплакать; но ихъ весьма легко узнать по симъ признакамъ. Настоящія же бѣдныя всегда скромны; мало говорятъ; приходятъ просить въ самой шолько крайности; въ случаѣ отказа не дѣлаютъ никакихъ усилій и ждутъ шерпѣливо, пока небольшое пособіе прислано будетъ въ ихъ жилище. Пособія симъ несчастнымъ обыкновенно доставляются на ихъ квартиру или самимъ Издашедемъ, или чрезъ самыхъ вѣрныхъ людей.

Случалось Издашелю не одинъ разъ видѣть на высокихъ чердакахъ и въ сырыхъ подземельяхъ ужаснѣйшую каршану нищеты — видѣть людей, жившихъ нѣкогда въ великолѣпныхъ палашахъ, дававшихъ богатые пиры; а шеперь, подъ шарость и дряхлость, помятыхъ въ шемномъ углу, немѣющихъ у себя не шолько прислуги, но даже необходимо нужной одежды и обуви — иногда же и ... куска насущнаго хлѣба. — Но въ одиночествѣ нищета все еще не такъ ужасна. — А видѣть несчастную мать, окруженную босыми и едва покрытыми рубищемъ малюшками, которыя шщечно

просить отъ нея *кусочка хлѣба* — видѣшь бѣдную молодую дѣвицу, лишенную всѣхъ невинныхъ удовольствій своего возраста, просиживающую въ слезахъ цѣлые дни и ночи за рукодѣльемъ у болѣзненнаго одроща, или машери, что бы выработашь имъ не на лѣкарства, но хотя на необходимую пищу — несравненно еще ужаснѣе!

Иногда и самое малое пособіе можешь водворишь на нѣсколько дней радость въ жилищѣ нищеты и скорби. *Дорого и лутко кѣ велику дню!* Съ какою благодарностію, съ какимъ возпоргомъ принимала отъ Издашеля не только красенькую, но и синенькую бумажку, несчастная, больная женщина, которая лѣтъ за десятъ до своей кончины не знала у себя счета деньгамъ, а послѣ дни по два иногда лежала въ пусшой комнащѣ безъ всякаго призора, безъ нищи и перпѣла часто не только голодъ, но и самую жажду. — Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ самый первый день Свѣшлаго Праздника, послѣ обѣдни, Издашель получилъ отъ одной благошкорительной особы чешыре полуимперіала. Немедленно послалъ онъ одинъ изъ нихъ къ *N. N.*, несчастному ошцу семейства, который будучи долго боленъ и безъ мѣста, дошелъ до послѣдней крайности. Эшотъ Гль *N. N.* не былъ еще шогда лично извѣшенъ Издашелю *Благонялѣбрен-*

наго. Чшо же? Дѣйствительно нечемъ было разговѣшься. Отець и машь, скрѣпя сердце, сидѣли подгорюнившись, а бѣдныя дѣти плакали. Невозможно изъяснишь благодарности и радости, съ какою принято было такое неожиданное пособіе: оно, по собственнымъ словамъ сихъ несчастныхъ, *воскресило ихъ въ день Свѣтлаго Воскресенія*. Вскорѣ послѣ того добрые люди, узнавъ о бѣдственномъ положеніи этого сѣмейства, помогли, чемъ могли: приспроили бѣднаго *N. N.* къ мѣспу; начальство весьма довольно усердіемъ его и честнымъ поведеніемъ; шеперь онъ не шерпитъ нужды, воспитывается согласно своему сословію въ спрахѣ Божіемъ дѣшей, и спаршій его сынъ поспуилъ уже на службу. — Вотъ чшо иногда можешъ сдѣлать одинъ *полциперіалъ*.

Но Издашель *Благонамѣреннаго* принимаетъ пособія для бѣдныхъ не одною только золотою монешою, но и серебряною и ассигнаціями — даже плашье и бѣлье, хощя и не новое,

Издашель.

Извѣстіе о бѣдномъ сѣмействѣ.

Письмо къ Издателю.

Издавая *Благонамѣренный*, вы имѣете цѣлю—благошвореніе: основываясь на семъ, я рѣшился писать къ вамъ объ несчастной вдовѣ *Елисаветѣ Сисенани*, живущей въ Московской частн 3го квартала, въ Щербакowej улицѣ, въ домѣ купца Крашенинникова подъ No 159, съ четырьмя малюшками. Она не имѣетъ ничего—кромѣ надежды на Всевышняго и на пѣхъ, копорые рождены съ чувствительнымъ и нѣжнымъ сердцемъ (разумѣется въ числѣ оныхъ и вы Александръ Ефимовичъ *). Меня чрезвычайно пронуль видъ бѣдной хижины, блѣдныя лица малюшекъ и опчаяніе несчастной матери. Прошу васъ, сдѣлайте одолженіе извѣстите о семъ несчастномъ сѣмействѣ почтенную Публику; надѣюсь, что найдутся добродѣтельные люди, и подадутъ руку помощи — убишюй нищезого. Помогать несчастному — есть лучшая черта великодушнаго человѣка.

Имѣю честь быть и проч.

29 Марта. Читатель *Благонамѣреннаго*.
1826.

~~~~~

*) Покорнѣйше благодарю. Точно у меня *чувствительное, нѣжное сердце*, можетъ быть уже и слишкомъ! Изд.

ОГЛАВЛЕНІЕ ХХХІІІ ЧАСТИ.

Стихотворенія.

Баллады, Душны и т. п.

Стран.

Георгій	79.
Димитрій Тверскій	227.
Сонъ	292.
Князь Вячко	561.

Пѣсни, Романсы и пр.

Снаршанки	87.
Прощальная пѣснь	225.
Незабудки	570.

Посланія:

Къ П—пу	48.
Б—му	85.
Н. Ѳ. Остолопову	255.
Е. Г. М—ой	259.
Т. Н. О—вой	295.
Н. Ѳ. О., почтеннѣйшему моему учи- телю стихопворства	296.
Женѣ моей, при подаркѣ <i>Календара</i> <i>Музб</i>	297.
Я. К. Кайдапову, въ день его рожде- нія	388.
Одинокесиво. <i>Элегія</i>	83.

Басни и Сказки:

Дура Пахомовна	44.
Пчела и Овца	90.

Чай и Шалфей	162.
Бѣдная Лилея	—

Слѣсь:

Въ альбомѣ М. П. Ж.	46.
Клятва оскорбленнаго Поэта	89.
Бейронъ	160.
Алиѣ, по случаю пропажи ея портре- та	—
Князю Н. А. Цершелеву	164.
М. В. В. на присланную опъ нея вы- шишую бабочку	234.
Предчувствіе	—
Смерть чирика и рожденіе страспи къ стихотворству	283.
На заданныя слова . . . . . 164 и	236.
<i>Эпиграмы</i>	91.
<i>Омонимъ</i>	64.

Проза.

Речь, говоренная по опправленіи на- нихиды по Е. И. В. ГОСУДАРЬ ИМ- ПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛО- ВИЧЪ, Павломъ Епископомъ Виш- скимъ, 12 Декабря 1825	113.

Повѣсти и Анекдоты.

Мячь	4 и 67.
Арабъ, или гостепріимство	131.
Кашемировое плашье	241.
Присшраспная любовь . . . . . 271 и	323.
Урокъ замужнимъ кокешкамъ	343.

III

Отрывки изъ живописныхъ путешествій:

Стран.

Письма изъ Ревеля . . . . . 25, 53 и 99.

II. ЛИТТЕРАТУРА, НАУКИ И ИСКУССТВА.

Отрывки изъ Путешествій:

Письма Начальника Миссии изъ Мезени . . . . . 106 и 306.

Неаполь . . . . . 195.

Гжа де Вильешъ, или воспоминаніе о Вольшерфъ . . . . . 259.

О Нѣмецкомъ языкѣ, въ отношеніи склонности его къ разговору . . . 95.

III. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Нѣчто о *Драматическомъ Альбомѣ* . . . 298.

О новыхъ книгахъ . . . 56, 125, 167 и 312.

IV. СМѢСЬ.

Разныя мысли и замѣчанія . . . . . 49.

Выписки изъ иностранныхъ журналовъ . . . . . 372.

Собака и Кошка . . . . . 187.

Анекдоты . . . . . 121, 189 и 256.

Благотворенія . . . . . 320.

Извѣстія о бѣдныхъ . . . . . 383 и 322.

Къ чипашелямъ *Благонамѣреннаго* . . . 379.

